

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.А. КОЗЬМИН

ОЛЕНЕВОДЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
НАРОДОВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2003

ББК 63.5(2)
К 59

Рецензенты: д-р ист. наук *Д.Г. Савинов* (С.-Петербург. гос. ун-т),
канд. ист. наук *В.В. Горбачева* (Российский этнографический музей)
Научный редактор д-р ист. наук *А.В. Гадло*

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
С.-Петербургского государственного университета*

Козьмин В.А.
К59 Оленеводческая культура народов Западной Сибири. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 2003. — 236 с.
ISBN 5-288-02487-1

В книге рассматривается история формирования основных элементов оленеводческой культуры народов Западной Сибири — тундровых и таежных ненцев, энцев, хантов, манси, селькупов, кетов и коми-ижемцев. В ней представлены очерки оленеводческих технологий, особенностей оленьего транспорта, рассмотрены проблемы региональной типологии оленеводства и происхождения нартенного транспорта. Исследованы элементы оленеводческой культуры жизнеобеспечения — жилище и одежда. Оленеводческая культура народов Западной Сибири рассматривается в качестве фактора, определявшего процессы интеграции культур коренного населения западносибирского региона.

Для этнографов, историков, краеведов, всех интересующихся историей культуры народов Сибири.

ББК 63.5(2)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 02-01-18052е*

*В оформлении обложки использован рисунок
В.А. Хандыбина «Оленья упряжка» из книги
Е.Г. Федоровой «Материальная культура манси» (СПб., 1994)*

ISBN 5-288-02487-1

© В.А.Козьмин, 2003
© Издательство
Санкт-Петербургского
университета, 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

На огромном пространстве Западно-Сибирской равнины проживают коренные обитатели этого края — ненцы, ханты, манси, селькупы и кеты.

Сибирские ненцы делятся на две территориально обособленные группы. Тундровые ненцы расселяются по обеим сторонам Обской губы, на полуостровах Ямал и Гыдан, а также в низовьях рек Надым, Пур, Таз. Лесные ненцы населяют бассейн р. Пур и верховья таежных рек Надым, Казым, Лямин.

Территория расселения хантов в основном локализуется в таежной зоне Западной Сибири. Они живут на нижней Оби и ее притоках — Полуе, Сыне, Куновате, Казыме и на средней Оби — в бассейнах рек Вах, Аган, Юган, Тромъеган, Лямин, Пим. Во многом близкие хантам, манси живут на Оби в районе Березова, а также по левым притокам Оби — Северная Сосьва, Ляпин и южнее — Пелым, Лозьва, Конда, Юконда.

Этническая территория селькупов состоит из двух анклавов. Нарымские селькупы в прошлом расселялись в правобережье среднего течения Оби — по рекам Кеть, Тым, Вах. Тазовско-туруханские селькупы живут на севере в бассейнах рек Таз, Турухан.

На востоке Западной Сибири в бассейне р. Енисей живут кеты. Они компактно расселяются по его притокам Курейке, Пакулихе, Сургутихе, Елогую и Подкаменной Тунгуске.

Народы Западной Сибири отличаются друг от друга лингвистически, антропологически, а также культурными особенностями. Эти отличия основываются на относительной независимости этногенетических и этнокультурных линий развития, демографии и характера расселения. С историографической точки зрения немаловажное зна-

чение имела стратегия «приведения в известность» особенностей облика культур малочисленных народов западносибирского региона. К настоящему времени благодаря исследованиям Е.А. Алексеенко, В.И. Васильева, И.Н. Гемуева, А.В. Головнева, Г.Н. Грачевой, Б.О. Долгих, В.М. Кулемзина, Н.В. Лукиной, Г.И. Пелих, А.А. Попова, Е.Д. Прокофьевой, Н.Ф. Прытковой, Ю.Б. Симченко, З.П. Соколовой, Е.Г. Федоровой, Л.В. Хомич, В.Н. Чернецова и многих других отечественное сибиреведение имеет достаточно полное представление об этнических особенностях культур этих народов. Основной подход их исследований, который может быть определен как культурно-генетический с использованием компонентного анализа составляющих этноспецифических культур, был ориентирован на фиксацию в том числе и черт, объединяющих данные культуры.

Одной из таких черт, универсальных для культуры всех народов Западной Сибири, является оленеводство. На фоне общесибирской оленеводческой традиции на региональном уровне оно выделяется как «самодийское/западносибирское» по признакам, которые имеют надэтническое проявление, что позволяет рассматривать западносибирское оленеводство как важный аспект истории культуры народов Западной Сибири.

Историография западносибирского оленеводства знает разные подходы его изучения. Вне зависимости от конкретных задач, которыми являются в первую очередь фиксация этнических особенностей оленеводства, оценка его региональной специфики, чаще устанавливаемой на уровне этнографических типологий, исследование генезиса локальных либо региональных оленеводческих традиций, в качестве объекта исследования берутся только два его элемента — оленеводство как форма хозяйства (хозяйственное значение и оленеводческие технологии) и олений транспорт.

Возможно, что ограничение исследовательской программы к настоящему времени привело к своеобразной «патовой» ситуации. Уже более двадцати лет сосуществуют две точки зрения на место оленеводства в культуре народов Западной Сибири. Первая, имеющая более чем столетнюю историю, связывает происхождение западносибирского оленеводства с самодийцами, от которых, как полагают, оно было заимствовано другими народами Западной Сибири.¹ Вторая базируется на анализе особенностей оленеводства одной из этнографических групп угорского населения — восточных хантов. Автор этой позиции, Н.В. Лукина, сформулировала ее в следующем виде: «Необходимо подчеркнуть, что мы не связываем сложный процесс формирования

оленоводства исключительно с обско-угорской средой и не отрицаем роль самодийского населения. Наша основная идея сводится к тому, что обские угры, во всяком случае восточные ханты, не заимствовали упряжное оленеводство в готовом виде от северных самодийцев (ненцев), а принимали участие в его создании и внесли весомый вклад»² Спустя много лет после обоснования данной позиции положение обеих точек зрения в оценке их приоритета не меняется.

Именно это обстоятельство позволяет несколько изменить методический подход в исследовании генезиса западносибирского оленеводства, расширить сферу анализа культурных элементов, связанных с ним, и определить ее как оленеводческую культуру.

Выделение оленеводческой культуры в качестве самостоятельного объекта исследования вполне согласуется с современными культурологическими представлениями о «внешних измерениях культуры» как на уровне ее определений,³ так и внутренней организации.⁴ Позиция А.В. Головнева — «изнутри у культуры нет границ, извне есть» — выполняет роль методологической предпосылки «определения своего (исследовательского. — В.К.) пространства» в целостном восприятии «говорящих культур».⁵ Но восприятие целого без частного невозможно в связи с внутренней организацией культуры, которое демонстрирует возможность ее членения на «подсистемы», «сферы», «компоненты», «составляющие» и т.п.

Наиболее распространенные в отечественной этнографии схемы компонентного состава культуры: культура первичного производства, культура жизнеобеспечения, соционормативная культура, гуманитарная культура (по Ю.И. Мкртумяну);⁶ производственная подсистема, жизнеобеспечивающая подсистема, соционормативная подсистема, познавательная подсистема (по А.С. Арутюнову);⁷ экологическая и материальная сферы, выражающие способ хозяйственной деятельности, нормативная и духовная сферы, выражающие способ социальной деятельности (по А.В. Головневу),⁸ акцентируют внимание на соприкосновении, взаимодействии всех компонентов, что и позволяет культуре существовать в виде целостной системы. Того же требует и системный подход исследования культуры, который позволяет рассматривать выделяемые компоненты как части метасистемы, образующие ее и обеспечивающие ее функционирование в качестве целого.⁹

Что же обеспечивает взаимодействие выделяемых компонентов, поскольку их элементный состав позволяет им быть вполне самостоятельными? Вероятно, оно реализуется не на уровне отдельных элементов культуры, относящихся к тому или иному ее компоненту. Как

пишет К. Клакхон, «подлинное значение любого отдельного элемента культуры можно понять только тогда, когда этот элемент рассматривается в контексте всех его отношений с другими элементами». ¹⁰ Это положение опять же поднимает значение любого элемента над ним самим. Как справедливо отмечал С.А. Токарев, «этнографа вещи интересуют не сами по себе, а в их *отношении* (курсив наш. — В.К.) к людям». ¹¹ В данном случае речь идет о функциональном их предназначении, посредством которого и образуются системные связи между различными компонентами культуры.

В этнической культуре можно выделить ряд элементов, относящихся к различным сферам, которые через функциональные связи образуют ее субкомпоненты. Наряду с тем, что они имеют «постоянный адрес» в своем компоненте, их место в культуре определяется скорее функциональностью. Именно она выступает в качестве основного их свойства, обеспечивающего связь между компонентами и в конечном итоге — целостность культуры. Терминологически их свойства обозначают по-разному: «институт», «культура». В реальном выражении это «культура детства», «институт добровольной смерти», «культура питания», «этнография города» и т.п. Именно они обеспечивают межкомпонентные связи в культуре, «разрушая внутренние ее границы и возводя их извне». Примером исследования субкультурных явлений в сибиреведении является цикл работ С.И. Вайнштейна, который при использовании традиционного монографического описания культуры тувинцев значительное внимание уделяет генетическим и функциональным ее основаниям как в представлении собственно тувинской, так и кочевнической культуры в целом. ¹²

К этой категории субкультурных компонентов относится и оленеводство. Основным образующим его элементом является домашний олень, наличие которого выстраивает межкомпонентные связи в культуре. Учитывая то, что в культуре северян оленеводство появилось относительно поздно, именно оно, налагаясь на предшествующие традиции, определило развитие культуры первичного производства и элементы производной от нее культуры жизнеобеспечения, отчасти модифицировало институты соционормативной культуры, обрядовую практику в гуманитарной. В зависимости от места оленеводства в культуре конкретного народа в одних сферах интенсивность проявления элементов оленеводческой культуры будет выше, в других — ниже, в некоторых они могут отсутствовать вообще. На наш взгляд, состояние оленеводческой культуры, как на уровне конкретного этноса, так и региона в целом, позволяет более определенно выявить исто-

ки формирования и динамику развития западносибирского оленеводства.

В описании оленеводческой культуры западносибирского региона мы полагаем возможным ограничиться ее рассмотрением на уровне двух первых компонентов, в которых наиболее полно проявляются функциональные основания. В фиксации этноспецифических моделей оленеводства как культуры первичного производства объем описаний определяется степенью изученности. Однако, несмотря на наличие достаточно подробных исследований, в этой работе все же конспективно приведены основные черты оленеводства ненцев и кетов. В то же время, учитывая отсутствие специальных работ по коми-ижемцам и русским, оленеводство которых генетически восходит к самодийскому, мы считаем необходимым привести более подробные описания. Этот материал позволяет выявить общие закономерности взаимодействия в оленеводстве различных народов и культурные стереотипы, которые возникли в результате такого взаимодействия.

Наряду с достаточно традиционным набором литературных источников мы привлекаем полевые материалы, собранные сотрудниками Западносибирского этнографического отряда (который автор возглавлял с 1976 по 1990 гг.) кафедры этнографии и антропологии исторического факультета Ленинградского государственного университета. В течение одиннадцати полевых сезонов отряд занимался изучением традиционной культуры коренного населения Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа и Красноселькупского, Пуровского, Приуральского, Тазовского, Шурышкарского и Ямальского районов Ямало-Ненецкого автономного округа. В связи с задачей исследования генезиса западносибирского оленеводства помимо этих материалов мы широко привлекаем обобщающие исследования, посвященные истории культуры как отдельных народов Западной Сибири, так и региона в целом.

Автор выражает искреннюю благодарность коллегам по кафедре этнографии и антропологии Санкт-Петербургского государственного университета, Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Российского этнографического музея, сибирских вузов и академических центров за ценные советы и внимание к этой работе. Особую признательность хочется выразить студентам кафедры, работавшим в составе Западносибирского отряда, а также северянам — ненцам, хантам, манси, селькупам, коми, гостеприимство и забота которых помогали нашей работе в течение всех экспедиционных поездок. Благодаря их памяти у нас появилась еще одна воз-

возможность соприкоснуться с древней и самобытной культурой народов Севера.

Примечания

¹ Обзор точек зрения см: Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985. С. 135–145.

² Там же. С. 144.

³ Kroeber A., Kluckhohn C. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. N.Y., 1963; Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998. С. 38–67.

⁴ Обзор некоторых взглядов на структурирование культуры см: Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 14–34.

⁵ Там же. С. 16.

⁶ Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978. С. 44.

⁷ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 167.

⁸ Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. С. 21.

⁹ Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991. С. 21.

¹⁰ Клакхон К. Зеркало для человека. С. 57.

¹¹ Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. 1970. № 4. С. 3.

¹² Вайнштейн С.И. 1) Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972; 2) Мир кочевников центра Азии. М., 1991.

Часть I

ИСТОРИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

vk.com/ethnograph

ДВЕ ФОРМЫ ЗАПАДНОСИБИРСКОГО ОЛЕНЕВОДСТВА

Общая хозяйственно-культурная типология в Западной Сибири фиксирует два хозяйственно-культурных типа, которые связаны с оленеводством: оленеводы тундры «ненцы и их соседи»¹ как господствующая форма тундровой экономики² и пулукочевое упряжное оленеводство таежной зоны Западной Сибири,³ или «таежная оленеводческая система». Вторая, как полагает В.А.Шнирельман, не является основой экономики таежного населения, а представляет собой своеобразное средство интенсификации прежних форм хозяйственной деятельности, а именно — охоты.⁴

Эти общекультурные оценки нивелируют региональные особенности культур, что применительно к территории Западной Сибири стимулировало создание частных хозяйственно-культурных схем. Так, в исследовании, посвященном исторической типологии хозяйства народов Западной Сибири, А.В. Головнев выделяет ряд хозяйственных комплексов, которые определяет как совокупность занятий (отраслей), обеспечивающих круглогодичный деятельностный цикл на определенном жизненном пространстве.⁵ На начало XX в. было выделено девять таких комплексов, среди них ряд оленеводческих:

– тундровый промыслово-олениводческий комплекс ненецко-энецкого населения тундровой и лесотундровой полосы (с транспортной ориентацией оленеводства).

– таежно-самодийский промыслово-олениводческий комплекс (до XIX в. ляпинская, сыневская, войкарская, куноватская и казымская «самоядь»), ненцы Пура и верховьев Надыма, тазовские энцы с транспортным оленеводством.

– обособленный от предыдущего предуральский комплекс, сложившийся в XVII в., в связи с распространением в Сосьвинском При-

обье угорских традиций и форм отгонного оленеводства транспортной и пищевой ориентации.⁶

Для тундры наиболее значимым фактором, определившим динамику развития и территориального распространения этих хозяйственных комплексов, является развитие крупностадного оленеводства, а для тайги усиление роли оленеводческих традиций. Крупностадное оленеводство и товаризация промыслов оказали нивелирующее воздействие на традиционное хозяйство населения Западной Сибири в целом.⁷

Именно крупностадное оленеводство выступает интегрирующим, аккультурирующим фактором в этнокультурной истории народов Северо-Западной Сибири в течение XIX в.

На наш взгляд, к настоящему времени достаточно аргументированно выглядит схема, согласно которой крупностадное оленеводство формируется в течение XVIII — начала XIX вв. именно в среде тундровых ненцев. У остальных народов оно появляется позднее: у нганасан — в конце XIX в., у энцев — в конце XVIII—XIX вв., у селькупов — во второй половине XIX в., у хантов — в XVIII — начале XX вв.⁸

Сравнительно недавно А.В. Головнев пересмотрел взгляды на время и динамику становления крупностадного оленеводства на севере Западной Сибири.⁹ В отличие от традиционной точки зрения на природно-климатический фактор как основу эволюции ненецкого хозяйства в XIX в.¹⁰ он полагает более существенными собственно культурно-исторические, хозяйственные и социально-экономические причины. Их следствием явилось перераспределение населения на севере Западной Сибири, что привело к постепенному перепромыслу дикого оленя — основного средства существования разных народов данной территории. Усиление роли домашнего оленя как транспортного животного в сфере пушного промысла и торговли, территориальная экспансия тундровых ненцев на восток стимулировали рост поголовья домашних оленей.¹¹

А.В. Головнев развивает и конкретизирует гипотезу о типологическом соответствии навыков обращения с оленем культуре охотников на дикого оленя.¹² Он считает, что его истоки относятся к североуральской охотничьей культуре, в которой и формируются основы ненецкого оленеводства. Изначально это — стационарное оленеводство, для которого характерно небольшое поголовье промыслово-транспортных животных, содержащихся в стационарных сооружениях-загонах, сараях («избах»). Данный, первый этап становления оле-

неводства на севере Западной Сибири приходится на первое — начало второго тысячелетия н.э. Далее история западносибирского оленеводства определяется постепенным видоизменением способов содержания оленей и их хозяйственной функции. В середине второго тысячелетия н.э. (второй этап) оно развивается как горно-таежное и тундровое отгонное, а в XVII–XVIII вв. (третий этап) происходит сложение основ крупностадного оленеводства, но в этот период — в основном количественно, поскольку в сфере хозяйства сохраняется транспортно-торговая ориентация. Только в XIX–XX вв. (четвертый этап) крупностадное оленеводство пище-сырьевого направления становится доминирующей отраслью тундрового ненецкого хозяйства.¹³

В связи с этим таежное оленеводство, предшествующее крупностадному, следует рассматривать как субстратный элемент, восходящий к промысловому хозяйству народов Западной Сибири. Представления о происхождении западносибирского оленеводства в современной историографии достаточно противоречивы.

1. По хозяйственному значению и атрибутике таежное оленеводство связано с южными самодийцами, что не исключает возможности вхождения в него в виде составляющей оленя-маньщика как явления типологически более древнего и соответствующего хозяйству досамодийского населения севера Западной Сибири (С.И. Вайнштейн, отчасти В.И. Васильев, В.А. Козьмин, Е.Д. Прокофьева, Ю.Б. Симченко, Л.В. Хомич).¹⁴

2. Основы формирования таежного оленеводства были заложены североуральскими охотниками (самодийцами?) в виде промыслово-транспортного стационарного оленеводства, «которое в течение первой половины второго тысячелетия н.э. в модифицированной форме распространилось среди населения Средней Сибири и сохранилось до наших дней в виде “избенного” оленеводства хантов Средней Оби» (А.В. Головнев).¹⁵ Следы его последующей эволюции в отгонное оленеводство определили особенности оленеводческой традиции северных манси (А.В. Головнев, В.А. Козьмин, Е.Г. Федорова).¹⁶

3. Таежное оленеводство некоторых народов Западной Сибири, в частности хантов, генетически не связано с самодийским и имеет самостоятельную как хозяйственную, так и атрибутивную основу (Н.В. Лукина).¹⁷

Данные мнения, существенные для установления этнокультурных основ и взаимодействия народов Западной Сибири в сфере оленеводства, не меняют общей схемы исторических тенденций в развитии экономики и экологической обусловленности распространения

двух форм оленеводства региона, где таежное транспортное оленеводство, базирующееся на промысловом хозяйстве, более традиционно для таежного населения Западной Сибири.

Отмеченная выше тенденция проникновения крупностадного оленеводства из тундр Западной Сибири в северотаежные районы усилилась в период социально-экономического переустройства хозяйства народов Сибири в 30-е годы XX в. В районах расселения обских угров, таежных групп северных самодейцев сложились крупные хозяйства, организация оленеводства в которых ведется в характерных для тундры традициях и формах. Так, в пределах расселения казымских хантов был создан совхоз «Казымский» с поголовьем около 20 тыс. оленей (конец 70-х годов). Хозяйственным центром ляпинских манси стал совхоз «Саранпаульский», в котором в конце 70-х годов также насчитывалось около 20 тыс. оленей. Оленеводческим центром сыньских и куноватских хантов является совхоз «Мужевский», для лесных ненцев — отделение совхоза «Верхнепуровский» в пос. Халесовая, а для тазовских селькупов — совхозы «Полярный» и «Толькинский».

Таким образом, после коллективизации крупностадное оленеводство получило распространение практически у всех народов таежного региона Западной Сибири. При всей искусственности данного процесса следует отметить его соответствие историческим тенденциям распространения тундровых оленеводческих традиций на юг. К настоящему времени можно говорить о том, что в таежной зоне Западной Сибири сложилось оленеводство, не отличающееся от тундрового по своим экономическим основам (товарное, пище-сырьевого направления), структуре стада (дифференциация поголовья на репродуктивную и транспортную части), организации выпаса (стадная, с меридиональными перекочевками по площадям сезонных пастбищ) и атрибутикой ненецкого оленеводства (пастушеская собака, тундровый вариант самодейского оленьего транспорта).

Однако такое состояние западносибирского оленеводства районов тайги только отчасти отражает его региональную и этнокультурную специфику, поскольку, во-первых, в ряде районов отмечается ограниченное участие коренного населения в занятии крупностадным оленеводством, во-вторых, сохраняются традиции таежного оленеводства в содержании и использовании личных оленей.

Характер занятости коренного населения тайги в оленеводстве определяется такими факторами, как различные формы современной его организации, историческими традициями взаимодействия по зо-

нам тундрового и таежного оленеводства и расселением в таежном районе пришлого населения, связанного с крупностадным оленеводством.

На основании наших полевых материалов 1970–1980-х гг. о влиянии этих факторов на состояние оленеводства в тайге Западной Сибири можно отметить следующие тенденции.

Кочевое меридиональное оленеводство для совхозов «Казымский» и «Саранпаульский» с выпасом оленей в зимний период, для первого — в бассейне р. Казым, для второго — по р. Ляпин, Хулга, Щекурья; в летний период — в тундровой зоне территорий Ямало-Ненецкого АО и Республики Коми. В этих оленеводческих центрах значительную долю населения, занимающегося оленеводством, составляют коми-ижемцы, которые переселялись сюда со своими оленями с конца XIX в. до 30-х годов XX в. Именно они преобладают среди занятых в современном оленеводстве. Так, в 11 оленеводческих бригадах совхоза «Саранпаульский» в 1976 г. 8 бригадиров были коми, 2 — ненцами и 1 — манси. Всего в оленеводческих бригадах совхоза насчитывалось 92 пастуха. Из них: 47 — коми, 21 — ненцы и 24 — манси. В промысловых же объединениях основную часть занятых составляли манси. В совхозе «Казымский», например, в семи оленеводческих бригадах было 23 коми и 12 хантов. На рыбодобыче и в охоте заняты в основном ханты.

Таким образом, в наиболее крупных оленеводческих центрах северотаежных районов Западной Сибири в крупностадном оленеводстве заняты прежде всего коми-ижемцы, которые являются здесь пришлым населением.

Кочевое меридиональное оленеводство совхоза «Мужевский» с выпасом оленей в зимний период в бассейнах р. Сыня и Куноват, а в летний — на территории Ямало-Ненецкого АО и Республики Коми. В этом районе, расположенном на границе тайги и лесотундры, проникновение оленеводства в зону тайги обусловлено исторически. Вместе с тем коми, составляющие приблизительно четвертую часть населения, формируются здесь как оседлое население. Так, больше половины их живет в пос. Мужи, в то время как местное, в основе своей хантыйское население, традиционно ориентировано на оленеводство. В оленесовхозе «Мужевский» в 1978 г. в 10 бригадах 55 пастухов были хантами, 6 — коми и 2 — ненцами.

Современное оленеводство бассейнов р. Пур и Таз ориентировано на традиционные приемы разведения оленей. Так, в совхозе «Верхнепуровский» в 1980 г. выпас оленей осуществлялся по водо-

разделам р. Пур — Таз, Пур — Надым и в верховьях р. Пур (лесные ненцы), в совхозе «Толькинский» — по притокам верховий р. Таз, с частичным применением изгородей (тазовские селькупы). В этих районах практически отсутствует население, имеющее навыки ведения оленеводческого хозяйства, поэтому в оленеводстве занято только коренное население — ненцы и селькупы.

Как видим, занятие в современном крупностадном оленеводстве таежной зоны Западной Сибири демонстрирует ориентацию коренного населения на традиционные формы промыслового хозяйства.

Другой тенденцией, позволяющей отметить традиционные элементы в современном оленеводстве таежных районов Западной Сибири, является практически повсеместное распространение здесь таежной оленеводческой системы содержания личных оленей, используемых в промысловом хозяйстве как транспорт.

Полевой материал показывает, что степень сохранения таежной оленеводческой системы определяется рядом причин, основной из которых является уровень развития тундрового оленеводства. Так, на территориях крупных оленеводческих центров, таких как совхозы «Саранпаульский» и «Казымский», таежное оленеводство практически не встречается. Личные олени выпасаются здесь преимущественно в государственных стадах. В районах, где в государственном оленеводстве используются традиционные для тайги способы содержания оленей, таежная оленеводческая система практически неизменна, как это фиксируется в бассейнах р. Пур и Таз. Исключение составляет только район расселения сынских и куноватских хантов. При наличии такого крупного оленеводческого центра, как совхоз «Мужевский», местные ханты продолжают практиковать таежную оленеводческую систему, не желая передавать своих оленей на летний выпас в государственные стада, мотивируя это плохими условиями летнего выпаса на Урале. С целью привлечения населения для работы в государственном секторе в летнее время в совхозе «Мужевский» была создана специальная бригада для выпаса личных оленей в верховьях Куновата.

Поскольку, как отмечалось выше, именно история соотношения тундрового и таежного оленеводства определяет динамику культуры народов Западной Сибири и ее этноспецифические и региональные особенности, а также в связи с тем, что атрибутике таежного оленеводства в историографии уделялось недостаточное внимание, остановимся подробнее на вопросах истории таежного оленеводства народов Западной Сибири XIX–XX вв.

Примечания

¹ Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса) // СЭ. 1955. № 4. С. 3–17.

² Крупник И.И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // СЭ. 1976. № 2.

³ Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение // КСИЭ. Вып. 37. М., 1962.

⁴ Шнирельман В.И. Некоторые проблемы происхождения и распространения животных // СЭ. 1974. № 3.

⁵ Головнев А.В. 1) Говорящие культуры: традиции угров и самодийцев. Екатеринбург, 1995. С. 46; 2) Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993.

⁶ Головнев А.В. Говорящие культуры. С. 47–49.

⁷ Там же. С. 48–50.

⁸ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989. С. 148.

⁹ Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 94–108.

¹⁰ Крупник И.И. Арктическая этноэкология; Хлобыстин Л.П., Грачева Г.Н. Появление оленеводства в тундровой зоне Европы, Западной и Средней Сибири // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. Л., 1974. С. 83–86.

¹¹ Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства. С. 104–105.

¹² Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. С. 124–125; Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976. С. 100–101; Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 62–63.

¹³ Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства. С. 97, 106.

¹⁴ Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. С. 124–125; Васильев В.И. Проблемы формирования ... С. 61–64; Козьмин В.А. Оленеводство народов Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. (Проблема происхождения и типология): Канд. дис. Л., 1981. С. 198–199; Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 152–155; Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей. С. 100–101; Хомич Л.В. 1) Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 74–82; 2) Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1995. С. 284–291.

¹⁵ Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства. С. 98.

¹⁶ Головнев А.В. Историческая типология... С. 87; Козьмин В.А. Типология оленеводства народов Западной Сибири // Историческая этнография.

.Л., 1985. С. 21; Федорова Е.Г. Об оленеводстве северных манси // Сибирские чтения: Тез. докл. СПб., 1992. С. 24–26.

¹⁷ Лукина Н.В. 1) Материалы по оленеводству восточных хантов (Конец XIX–70-е годы XX в.) // СЭ. 1979. № 6. С. 110–121; 2) Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 10–17; 3) Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск, 1985. С. 105–146.

ОЛЕНЕВОДСТВО САМОДИЙСКИХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Тундровые ненцы

Оленеводство ненцев исследовано неравномерно. Значительное количество материалов накоплено по ненецкому оленеводству конца XIX — начала XX в. и прежде всего оленеводству как европейских, так и азиатских тундровых групп. Значительно меньше сведений — об оленеводстве лесных ненцев. Такое соотношение материала позволяет дать общую характеристику оленеводства тундровых групп и более подробную, основывающуюся на полевых наблюдениях — лесных.

Согласно наиболее распространенной точке зрения современный облик ненецкого тундрового оленеводства складывается сравнительно поздно. В связи с тем, что крупностадное оленеводство в любом хозяйственном комплексе доминирует, хозяйственное значение и культурные его характеристики эволюционировали синхронно. Как отмечает А.В. Головнев, «выработка и перестройка навыков и образа жизни должны происходить не после, а в процессе становления новой отрасли хозяйства».¹

Очевидно, что в культуре тундровых ненцев существовал тот потенциал, который при определенных условиях и был реализован в крупностадном оленеводстве как северном варианте скотоводческой экономики. Л.П. Хлобыстин и Г.Н. Грачева определили данный уровень развития оленеводства как воспроизводящий тип хозяйства, который преследует четыре цели: промысловое и транспортное использование и пищевое и сырьевое потребление. Только промыслово-транспортная составляющая, универсальная для сибирского оленеводства и широко представленная в культуре таежного населения западносибирской тайги, не является достаточной в связи с неполнотой целей.²

Становление крупностадного оленеводства современные исследователи видят в его культурной избирательности. К практике тундрового оленеводства могло перейти незначительное количество хозяйств, имеющих достаточно оленей для ведения кочевого образа жизни и удовлетворения потребительских запросов хозяйственного коллектива. Но эта модель оптимальна. Реально же речь может идти о своеобразном интегрировании оленеводства в сферу хозяйства «протоолленеводческого» населения промыслового профиля с транспортной ориентацией оленеводства, но с возможностью и даже необходимостью в летний период объединять свои стада для совместного выгона. Люди, занятые такой деятельностью, получают возможность наращивать поголовье своих стад, и сосуществование с оленем становится основой жизни части тундрового населения.³ Существенно, что это не абстрактная модель, а абсолютно реальная система функционирования хозяйств промыслового и оленеводческого профилей в Западной Сибири вплоть до настоящего времени, причем не только в структурном, но и в генетическом плане.⁴

Таким образом, факторами, определившими процесс дополнения транспортно-промысловой функции ненецкого оленеводства предшествующего этапа пище-сырьевой направленностью, являются не только экологические,⁵ но и собственно культурно-эволюционные. В последнее время более уверенно можно говорить об экзогенных факторах, повлиявших на этот процесс. В отличие от первоначальной декларации о том, что в процессе становления крупностадного оленеводства в сибирских тундрах экологической составляющей сопутствовала социальная,⁶ сейчас можно считать более значимой именно вторую.

В частности, интенсификация к середине второго тысячелетия н.э. промысла дикого оленя, основы существования тундровиков, не только местным, но и пришлым приуральским населением привели к сокращению его поголовья. В этой связи возникает потребность в расширении промысловых территорий, чего можно достичь только путем совершенствования транспортных возможностей культуры при помощи оленьего транспорта. В этих условиях, как и в таежном оленеводстве, олень выступает в качестве абсолютной ценности, посредством которой решаются промысловые задачи.⁷ Эти процессы, наряду с интенсификацией в период колонизации русскими Сибири пушного промысла, через этап «протоолленеводческой» культуры, привели к сложению у ненцев западносибирских тундр крупностадного кочевого оленеводства.⁸

В этом не только нашли отражение эволюционные возможности культур аборигенов Севера, но и устанавливается более поздняя дата становления крупностадного оленеводства. В литературе относительно времени становления крупностадного оленеводства представлены разнообразные точки зрения. Очевидно, что в данном случае мы сталкиваемся не с одноактным событием, хотя историография оленеводства знает поразительные примеры определения времени возникновения оленеводства с точностью до года, как это имеет место в отношении коми-ижемцев. В частности, В. Иславин писал, что первые стада у коми появляются в 1649 г.⁹ В истории культуры народов Западной Сибири это был процесс, протяженный во времени, и об абсолютно точной дате говорить невозможно. От первоначальных определенных дат, в частности XVIII в.,¹⁰ современные исследователи все чаще переходят к построению схем периодизации этого процесса.¹¹ Наиболее распространенными являются схемы И.И. Крупника и А.В. Головнева. В последнем случае разработана периодизация культурологического плана, в которой акцентируется внимание на генетическом аспекте формирования крупностадного оленеводства у тундровых ненцев. Выделяются следующие этапы: XV–XVI вв. — североуральское и предтундровое отгонное оленеводство; XVII–XVIII вв. — становление и практика крупностадного оленеводства транспортно-торговой ориентации; и XIX–XX вв. — развитие оленеводства тундрового типа с замкнутым производственно-потребительским циклом.¹²

Таким образом, крупностадное оленеводство тундровых ненцев как функциональное основание их культуры — явление достаточно позднее, однако формирование его культурного облика (олений транспорт, материальная культура и т.д.), и это следует еще раз подчеркнуть, происходило в течение 300–400 лет.

Оленеводство тундровых ненцев в XIX–XX вв. — мобильное, с меридиональной системой кочевания по схеме лето — север, зима — юг в пределах тундровой и лесотундровой зон Полярного Урала, Ямала и Низовой Тундры, с амплитудой кочевания отдельных хозяйств до 1 тыс. км.¹³ Места выпаса и маршруты кочевания были постоянны для отдельных территориальных и родовых групп как европейских, так и сибирских тундровых ненцев. Окарауливание стада было круглосуточным, хотя территориально и исторически данный признак, очевидно, не универсален. Так, например, Л.Н. Гейденрейх отмечал, что не все канинские ненцы окарауливают стадо ночью.¹⁴ Л.В. Хомич связывает практику круглосуточного окарауливания с оленеводством только коми-ижемцев.¹⁵ При выпасе стада использовалась пастуше-

ская собака. Оленеводство тундровых ненцев — пищевого, сырьевого, транспортного направления. В экономических оценках отмечается прежде всего его натуральность.¹⁶

В классификациях хозяйства народов Западной Сибири оно принадлежит к «тундровому крупностадному оленеводству» и территориально сосуществует с «лесотундровым оленеводством ненцев и хантов полосы криволесья от Урала до водораздела Таза и Енисея». В последнем случае фиксируются признаки, которые можно рассматривать как локально адаптированную форму крупностадного оленеводства. В частности, при промыслово-транспортной ориентации в нем фиксируются элементы расширенного воспроизводства поголовья и сочетания в сфере потребления продуктов оленеводства и промыслов,¹⁷ что может служить и иллюстрацией предшествующего этапа в развитии западносибирского крупностадного оленеводства до его выхода в тундру. С такой оценкой согласны Л.П. Хлобыстин и Г.Н. Грачева, которые отмечали в истории западносибирского оленеводства существование своеобразного периода интеграции аборигенной и южносамодийской оленеводческих традиций.¹⁸

В настоящее время остается не решенным вопрос о важном типологическом элементе тундрового оленеводства ненцев — пастушеской собаке, хотя в ранних классификациях сибирского оленеводства ее наличие либо отсутствие являлось едва ли ни единственным его признаком.¹⁹ По мнению Л.В. Хомич, пастушеская собака в ненецком оленеводстве начинает использоваться не ранее XVIII в., поскольку в источниках более раннего времени упоминания о ней отсутствуют.²⁰ Ее появление автор связывает с укрупнением оленьих стад, что в целом согласуется с имеющимися схемами эволюции крупностадного ненецкого оленеводства.²¹

Исследования этолога Л.М. Баскина, на наш взгляд, позволяют решить проблему возникновения традиции использования пастушеской собаки только в западном ареале сибирского оленеводства как явления, обусловленного этологическими и экологическими факторами. Здесь применение пастушеской собаки определяется таким поведенческим стереотипом домашнего оленя, как торможение инстинкта стадности вследствие потери зрительного контакта при зимнем выпасе в лесотундре и повышенной рассредоточенности оленей на пастбище летом. Этот фактор коррелируется с особенностями топографии западносибирских равнинных открытых тундр, в то время как на северо-востоке Сибири выпас ведется плотным фронтом (коллонной) на пойменных, ограниченных горами тундрах, где инстинкт

стадности не нарушается. Собака же используется с учетом ее поведения, адаптированного к удержанию оленей в стаде,²² поэтому пастушеская собака отсутствует как в восточном, так и западном таежном оленеводстве. Вместе с тем численность, структура стада и этология таежных оленей позволяют содержать их на вольном выпасе без применения специально обученных собак. Имеющиеся свидетельства ограниченного применения пастушеской собаки позволяют рассматривать ее наличие в таежном оленеводстве Западной Сибири²³ как влияние тундрового оленеводства, причем достаточно позднего времени. Появление пастушеской собаки в тундровом оленеводстве могло произойти в культуре охотников на дикого оленя через практику использования собак-загонщиков. Их поведение адаптировано на преследование стада и отсечение от него ослабленных животных, что рассматривается в качестве одной из возможных моделей домостикации дикого оленя в охотничьих культурах. Впоследствии происходит переустановка инстинкта на удержание оленей в стаде, который также относится к врожденным особенностям в поведении любой пастушеской собаки²⁴ и приходится на период крупностадного оленеводства тундровых ненцев.²⁵

В современном оленеводстве тайги оленегон встречается только в государственном секторе. В личном же хозяйстве, сохраняющем традиционные способы содержания оленей, он не используется. Здесь собаки с рождения приучаются к терпимому отношению к «своему» оленю, а в случаях сезонной кооперации различных хозяйств на стойбище они содержатся либо на привязи, либо стреноженными.

Таким образом, можно отметить, что увеличение оленей в стаде было скорее не прямым фактором, определяющим появление оленегона, а вызвано самим формированием крупностадного кочевого оленеводства. Пастушеская собака — инструмент выпаса и окарауливания стада в системе меридионального кочевания. В связи с этим можно сделать вывод, что появление пастушеской собаки в сибирском оленеводстве приходится на период «становления практики крупностадного оленеводства», несмотря на транспортно-торговую его ориентацию.

Данный вывод позволяет уточнить ряд общих положений, касающихся сибирского оленеводства в целом. Во-первых, генетическое соответствие пастушеской собаки оленеводству тундровых ненцев и ее отсутствие в таежном оленеводстве народов Западной Сибири объединяет последнее с южносибирским. Во-вторых, в новом свете предстает одно из положений моноцентрической концепции происхожде-

ния сибирского оленеводства С.И. Вайнштейна, который устанавливает генетические связи саамского оленеводства через оленеводство самодийцев с южносибирским. В частности, в качестве элемента, объединяющего оленеводство саамов и самодийцев, он указывает на существование в обеих системах пастушеской собаки.²⁶ Конкретные этнографические описания и исследования истории саамского оленеводства показывают, что роль пастушеской собаки в нем явно переоценивается. По материалам В.В. Чарнолуцкого и Т.В. Лукьянченко ее применение в лесном оленеводстве саамов ограничено.²⁷ Справедливым является предположение Т.В. Лукьянченко о том, что на «тундровом» этапе развития саамского оленеводства практика применения пастушеской собаки происходит конвергентно вследствие тех же причин, что и в тундровом оленеводстве ненцев. Вместе с тем, учитывая механизмы, которые, вероятно, определяли этот процесс, более предпочтительным является мнение Л.В. Хомич о появлении пастушеской собаки в оленеводстве кольских саамов в последней четверти XIX в. под ненецко-ижемским влиянием.²⁸ Таким образом, предположение о генетическом соответствии саамского оленеводства южносибирскому на примере использования пастушеской собаки саамами и самодийцами подтверждения не находит.

«Ненецкая тундровая» оленеводческая система не была единой на всей территории расселения ненцев-оленеводов. Выше отмечалось существование «лесотундрового оленеводства» в Западной Сибири. Региональная специфика организации оленеводства может быть выявлена и в отношении части ижемских и усть-цилемских ненцев как локального подразделения территориальной общности европейских ненцев. В литературе XIX в. они часто обозначались как «лесные (лесовые)» самоеды,²⁹ имеются факты, позволяющие установить специфику оленеводства этой группы европейских ненцев. Например, В. Иславин писал, что «лесовые самоеды», оставаясь на лето в тайге, «окуривают» своих оленей.³⁰ Е.И. Колычева указывает на подчиненность оленеводства ижемских и усть-цилемских ненцев нуждам промысла, их кочевья сосредоточены в лесной зоне по Печоре и Усе, а их оленеводство имеет в основном транспортное значение.³¹ Б.О. Долгих, ссылаясь на письменные источники, отмечал, что «ижемские самоеды больше пустозерских лесных зверей ловят ... имеют оленей гораздо меньше, нежели пустозерские».³² Приведенные факты не позволяют однозначно идентифицировать оленеводство «лесовых самоедов». В нем фиксируются признаки и лесотундрового (транспортное промысловое), и таежного (дымокуры) оленеводства. В плане его

происхождения возможны два предположения: либо это остатки собственно «таежного» оленеводства продвинувшихся в Европу ранних самодийских групп, предшествующего появлению как отгонного, так соответственно и крупностадного, либо это локально адаптированная форма оленеводства, которая складывается у европейских ненцев после освоения оленеводства коми и вытеснения части ненцев из тундр. Например, А. Брюханов писал о том, что лесное оленеводство северо-востока Европы формируется во второй половине XIX в. в результате акклиматизации канинских тундровых оленей и также указал на распространение данной формы оленеводства в Карелии, на Мурмане и в бассейне р. Мезени у коми и русских, не упоминая, однако, европейских ненцев.³³

Можно указать на еще одну тенденцию развития ненецкого оленеводства: в конце XIX — начале XX в. в нем происходят определенные изменения под влиянием оленеводства коми-ижемцев и европейских ненцев. Эти изменения коснулись элементов самодийской оленеводческой традиции, видоизмененных самими коми,³⁴ а затем как бы вторично воспринятых ненцами. Однако, как справедливо замечает А.В. Головнев, «сибирское тундровое оленеводство под этим воздействием коми сколько-нибудь существенно не изменилось или, точнее, не успело измениться».³⁵ На наш взгляд, основанием тому является различная культурная стратегия оленеводства коми и ненцев. Для коми это экономическая составляющая их культуры, для ненцев — скорее образ жизни, весь уклад которой строится на системе связей оленя и человека и пространства тундр. Хотя, как показывает история оленеводства Западной Сибири в XX в., целенаправленная государственная политика — развитие оленеводства как отрасли современной региональной экономики — в состоянии существенно трансформировать его этноспецифические черты в культуре любого народа.

Основным средством передвижения в ненецком оленеводстве является оленья упряжка. Это позволяет характеризовать ненецкое оленеводство как упряжное, что нашло отражение во всех классификациях сибирского оленеводства. Олений транспорт тундровых ненцев описан достаточно подробно,³⁶ поэтому мы остановимся только на его общей характеристике.

В оленеводстве тундровых ненцев представлены два варианта упряжки и два конструктивных типа нарт. Упряжка делится на ездовую, многооленную, веерную и грузовую, чаще парную, хотя традиция допускает возможность летом подпрягать в грузовую упряжку

третьего оленя.³⁷ Данным вариантам упряжки соответствует своя упряжь. В частности, для ездовой упряжки характерна многолямочная упряжь, которая состоит из «сложного» недоуздка, усиленного костяными пластинками в лобной части — у передового, лобной и щечной — у пристяжных, лямки с подгрудным ремешком, потяга, вожжи и входящего только в ездовую упряжь пояса. При помощи поясов многооленная, веерная упряжка соединяется в относительно компактную и легко управляемую группу. Грузовой парной упряжке соответствует «простая» упряжь, в состав которой входят лямка и потяг, простой недоуздок может заменяться кожаным ошейником.

Нарты представлены двумя конструктивными и многочисленными функциональными типами. Конструктивные типы объединяют, с одной стороны, ездовые (мужские и женские) и грузовые с ящиком (тип *вандако*), представляющие собой высокую, косо/многокопыльная нарту с настилом, расположенным в задней части нарты, с другой стороны, собственно грузовые нарты (более низкие, с меньшим (до 2) количеством более прямых копыльев, у которых нет настила, либо он может располагаться по всей длине нарты).

Среди этих конструктивных типов выделяются многочисленные функциональные варианты, характеризующиеся незначительными отличиями, не выходящими за рамки типа (число копыльев — от 2 до 7, разная площадь сидения, высота спинок и т.п.).

Имеющиеся описания, при сопоставлении с нашими полевыми материалами, позволяют внести одно уточнение, касающееся женской ездовой нарты. В частности, Л.В. Хомич отмечает, что в отличие от мужской плоскость сидения на такой нарте справа ограничена еще одной доской.³⁸ Однако существует ряд фактов, указывающих на то, что такой особенностью конструкции обладали не ненецкие нарты, а женские нарты коми-ижемцев. Во-первых, литературные источники вплоть до XX в. не упоминают о существовании подобной нарты у ненцев. Это же подтверждают и изобразительные источники.³⁹ Во-вторых, для некоторых народов Западной Сибири, например селькупов, кетов, лесных ненцев и энцев, восточных хантов, которым известен транспорт самодийского типа, но не имевших непосредственных контактов с коми-ижемцами, такая нарта не известна. В-третьих, среди северных хантов и ляпинских манси данный тип нарты встречается повсеместно. Обычно указывается, что это «зырянская нарта». Изредка встречающаяся у северных хантов женская нарта без боковой доски называется «старохантыйской», или ненецкой. У восточных хантов женская нарта с боковой доской не встречается. В-четвертых, полевые

материалы и литература по оленеводству коми-ижемцев всегда фиксируют данный тип нарт.⁴⁰

Эти факты определенно указывают на то, что данный тип нарт восходит к оленьему транспорту коми-ижемцев, от которых, наряду с прочими нововведениями, она и была заимствована, очевидно, в конце XIX в., тундровыми ненцами.

Нартенную езду на оленях ненцы практикуют круглогодично. Посадка на нарту и управление упряжкой левосторонние. Последнее осуществляется вожжей, хореем и командами, подаваемыми голосом.

Примечания

¹ Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 90.

² Хлобыстин Л.П., Грачева Г.Н. Вопросы появления оленеводства у народов европейского и западно-сибирского Заполярья // AD POLUS. Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 10. С. 111–112.

³ Головнев А.В. Историческая типология ... С. 90–91.

⁴ Головнев А.В. Система хозяйства сибирских тундровых ненцев в конце XIX — начале XX в. // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986. С. 187–189.

⁵ Обзор экологических концепций происхождения тундрового крупностадного оленеводства см.: Головнев А.В. Историческая типология ... С. 91–92.

⁶ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989. С. 149.

⁷ Головнев А.В. Историческая типология ... С. 92–93.

⁸ Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, С. 99.

⁹ Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. С. 30.

¹⁰ Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. 1995. С. 51; Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в. М., 1970. С. 39.

¹¹ Крупник И.И. Арктическая этноэкология... С. 153–163; Головнев А.В. Историческая типология ... С. 94.

¹² Головнев А.В. Там же.

¹³ Хомич Л.В. Ненцы. С. 53; Головнев А.В. Историческая типология ... С. 80–81; Житков Б.М. Полуостров Ямал // Зап. ИРГО по общ. геогр. СПб., 1913. Т. 49; Гейденрейх Л.Н. Канинские самоеды // СС. 1930. № 4–5. С. 64; Колычева Е.И. Ненцы Европейской России в конце XVII — начале XVIII в. // СЭ. 1956. № 2. С. 82; Хомич Л.В. Ненцы. М.; Л., 1966. С. 52–53; Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Л., 1970.

- ¹⁴ Гейденрейх Л.Н. Канинские самоеды. С. 60.
- ¹⁵ Хомич Л.В. Ненцы. 1966. Л., С. 60.
- ¹⁶ Керцелли С.В. Материалы к изучению оленеводства // Тр. сев. Науч.-пром. экспедиции. Пг., 1921. Вып. 13. С. 5; Плотников М. Оленеводство. Чита, 1924. С. 2.
- ¹⁷ Головнев А.В. Историческая типология ... С. 86.
- ¹⁸ Хлобыстин Л.П., Грачева Г.Н. Вопросы появления оленеводства... С. 112–114; Грачева Г.Н. К происхождению тундрового оленеводства // AD POLUS. Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 10. С. 121.
- ¹⁹ Богораз В.Г. 1) Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926–1927 гг. // СЭ. 1932. № 4. С. 26; 2) Оленеводство // Проблемы происхождения домашних животных. Л., 1933. С. 219; 3) Древние переселения народов в Северной Евразии и Америке // Сб. МАЭ. Л., 1927. Вып. 6. С. 44.
- ²⁰ Хомич Л.В. Ненцы... С. 52.
- ²¹ Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 75.
- ²² Баскин Л.М. 1) Северный олень. Экология и поведение. М., 1970. С. 47–50, 134. 2) Олени против волков. М., 1976. С. 113.
- ²³ На ограничение применения пастушеской собаки в таежном оленеводстве Западной Сибири указывают: Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов. Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 141; Алексеев Е.А. Оленеводство у кетов // Кетский сборник. Л., 1969. С. 119; Лукина Н.В. Материалы по оленеводству восточных хантов (Конец XIX — 70-е годы XX в.) // СЭ. 1979. № 6. С. 115–116; Богораз В.Г. Новые данные по этнографии малых народов Севера // Северная Азия. 1928. № 3.
- ²⁴ Баскин Л.М. Олени против волков. С. 113.
- ²⁵ Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства. С. 97.
- ²⁶ Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы козового хозяйства. М., 1972. С. 124.
- ²⁷ Чарнолуцкий В.В. Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей // Кольский сборник. М., 1930. С. 63, 66; Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов Кольского полуострова в конце XIX–XX вв. М., 1971. С. 30–31.
- ²⁸ Хомич Л.В. Ненцы и коми Кольского полуострова // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. 1977. С. 118–119.
- ²⁹ Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. С. 75.
- ³⁰ Иславин В. Самоеды ... С. 52.
- ³¹ Колычева Е.И. Ненцы Европейской России... С. 79.
- ³² Долгих Б.О. Очерки ... С. 25.
- ³³ Брюханов А. Лесное оленье хозяйство Северного края // Советское краеведение. 1936. № 10. С. 33–38.
- ³⁴ См. очерк настоящего издания «Оленеводство коми-ижемцев в Западной Сибири».

³⁵ Головнев А.В. Историческая типология ... С. 94.

³⁶ Хомич Л.В. 1) Оленьи нарты и упряжь у ненцев // Сб. МАЭ. 1961. Т. XX; 2) Ненцы. 1966. С. 89–96; 3). Ненцы. 1995. С. 107–123.

³⁷ Хомич Л.В. Ненцы. 1966. С. 94.

³⁸ Хомич Л.В. Ненцы. 1995. С. 112–113.

³⁹ В связи с возможной неопределенностью письменных источников мы опять обратились к «Шторам Н.Шахова», кол. МАЭ № 5753 (1–6), на которых женские нарты изображены без боковой доски.

⁴⁰ Белицер В.Н. Очерки по этнографии народа коми // ТИЭ. 1958. Т. 45. С. 143; Керцелли С.В. По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск, 1911. С. 95; Прыткова Н.Ф. Материалы по оленеводству зырян (Казым) // Архив МАЭ. Ф. 18. Оп. 1. № 1. Л. 11.

Лесные ненцы

В описании традиций оленеводства лесных ненцев отмечаются различия. Следует обратить внимание на то, что оленеводство известно всем территориальным группам лесных ненцев, но географические условия, в которых обитали эти группы, и контакты с соседними народами определили основу существующих различий.

В.И. Васильев процесс сложения современной этнической территории лесных ненцев относил к сравнительно позднему времени,¹ чем, очевидно, и определяется ряд отличий, свойственных оленеводству территориальных подразделений этого народа. К тому же периоду следует отнести процесс вхождения в состав лесных ненцев хантыйских компонентов — хантов Казымкиных, выходцев с р. Аган,² которые, вероятно, также оказали влияние на оленеводство пуровских ненцев.

При наличии ряда общих признаков, к которым относятся 1) малочисленность оленей в стаде (для ляминских ненцев — 20–30,³ для надымских — 5–30,⁴ несколько больше для Среднего Пура — 50–100⁵ при общем количестве в бассейне р. Пура до 3000 оленей⁶), 2) при подчиненности оленеводства нуждам промысла в основном транспортное использование оленя, 3) олений транспорт самодийского типа, можно отметить несколько вариантов региональных традиций по способам содержания оленей лесными ненцами.

Первый вариант, наименее регламентированный, исторически был распространен в верховьях р. Пур. По имеющимся свидетельствам, летом население здесь занималось рыбной ловлей, надзора за оленями не было, они отпускались на самостоятельный выпас.⁷

Второй вариант характерен для районов Среднего Пура.⁸ Он зафиксирован в ряде описаний первой четверти XX в., частично сохраняется и в настоящее время. Это вариант таежного оленеводства с применением полувольного содержания оленей, который является достаточно типичным для тайги Западной Сибири в целом. Некоторые факты позволяют предположить, что ряд его признаков сформировался достаточно поздно. Возможно, это произошло в связи с переселением на Средний Пур семьи Казымкиных, которые, имея относительно крупное поголовье оленей, в летний период выпасали их на водораздельных тундрах.⁹ Не следует исключать вероятность наличия здесь оленеводческих традиций энцев и тазовских ненцев, а также селькупов, территории кочевий которых соприкасались с территорией расселения лесных ненцев на водоразделе Пур — Таз.

Для рассматриваемого варианта характерен летний выпас оленей на водораздельных тундрах с небольшой амплитудой перекочевков под надзором части семьи. Перекочевки проходили недалеко от летних стойбищ, на которых в период гнуса устраивались дымокуры. По свидетельству информантов, дымокуры конструктивно соответствовали хантыйским, располагались в пределах жилой площадки стойбища и изготавливались из жердей длиной 1,5–2 м, поставленных конусом по окружности. Внутри дымокура разводился костер, который перекрывался мхом или дерном. Специальных дымокуров могли и не делать — олени находили защиту от гнуса у наружных летних очагов, на которых готовилась пища. Характерной особенностью данного варианта, имеющей, вероятно, более широкое распространение в тайге Западной Сибири, является отсутствие специальных построек, известных в сибирском оленеводстве как «оленьи сараи». На это обращала внимание и Л.В. Хомич,¹⁰ а Е.Д. Прокофьева отмечала, что «оленьих сараев с дымокурами, подобно своим ближайшим соседям хантам, лесные ненцы не делают».¹¹ По окончании периода комаров олени отпускались в тайгу, а после первого снега их собирали, выслеживая собаками. В прочих ситуациях собаки для окарауливания и содержания оленей не использовались. Из набора таежной оленеводческой техники можно отметить использование деревянных ножных колодок (*ты ня*) и шейных колодок-ботал (*тарком ня*).

Усложнение техники ухода за оленями в этом варианте, очевидно, связано с их большим количеством в расчете на одно хозяйство и в целом большей их хозяйственной значимостью. Так, на Среднем Пуре по степени утилизации продукции оленеводства этот вариант схож с тундровым, как транспорт олень используется круглый год,

хотя он более значим при зимнем промысле. Следует отметить, что указанные свойства оленеводства ненцев данного региона в основном фиксируются уже в XX столетии и здесь, вероятно, проявляется воздействие тундрового оленеводства как фактора, определяющего историческую динамику хозяйства народов Севера в целом.

В генетическом плане еще раз следует подчеркнуть отсутствие в этом варианте «оленьих сараев», что в связи с оценкой оленеводства лесных ненцев и энцев как «древнейшей формы оленеводства самодийского населения тайги»¹² делает вероятным их появление в таежном оленеводстве Западной Сибири у народов, имеющих традиции изготовления стационарных построек, — хантов, кетов, селькупов.

Третий вариант оленеводства лесных ненцев распространен на территориях, пограничных с тундровыми ненцами. Даже при нерегулярности контактов, как отмечает Л.В. Хомич, до середины XX в. лесные ненцы севернее 66° с.ш. не проживали, и между ними и тундровыми ненцами существовала своеобразная «пограничная территория» глубиной 100–200 км,¹³ значительного распространения данный вариант не получил. Лесные ненцы низовьев Надыма и Пура отдавали своих оленей летом на выпас коми и тундровым ненцам.¹⁴

Оленеводство ляминских ненцев представляет собой еще один вариант оленеводства лесных ненцев и в целом соответствует оленеводческой системе восточных хантов.¹⁵ Для этой группы лесных ненцев характерны таежная оленеводческая система с круглогодичным выпасом и наличие оленеводческой техники, широко распространенной в таежной зоне Западной Сибири. Судя по описаниям Н.В. Лукиной, ляминские ненцы для содержания оленей использовали каркасные постройки и дымокуры на открытой площадке.¹⁶ Из перечисленных способов ухода за оленями у лесных ненцев, при очевидности заимствования двух последних, исторический интерес представляет оленеводство пуровских ненцев. Первый вариант, имеющий аналогии в оленеводстве кетов и селькупов, иногда рассматривается либо как исходная форма содержания оленей в таежном оленеводстве,¹⁷ либо как свидетельство противоречия между потребностями летнего промыслового периода (рыболовство) и необходимостью ухода за оленями.¹⁸ Исходя из данных полевых материалов можно предположить, что это скорее не исторически исходный способ содержания оленей в таежных промысловых культурах, а хозяйственно-адаптивный. Так, отпуск оленей летом у лесных ненцев, кетов и селькупов практиковался в малооленных хозяйствах. Если же поголовье увеличивалось,

то осуществлялся переход к летнему окарауливанию с использованием оленьих сараев. Возможен был и обратный процесс.

Вероятно, именно второй вариант летнего содержания оленей с использованием дымокуров и деревянных пут, а для ряда народов тайги Западной Сибири еще и оленьих сараев, является универсальной стадией развития оленеводства, связанного с количеством оленей на одну семью. Интересные наблюдения приводит по этому поводу А.В. Головнев, отметив обратную связь между степенью капитальности оленьих построек и количеством оленей, которые в них содержатся. Так, увеличение поголовья стада приводит к замене построек открытыми загонами, а в тундре — к полному отказу от каких-либо построек,¹⁹ хотя исчезновение последних можно объяснить кочевым образом жизни, а также отсутствием материалов для строительства. Вариативность степени капитальности и особенностей конструкции оленьих сараев в зависимости от количества оленей мы неоднократно отмечали при этнографическом обследовании территории расселения северных хантов.

Эта тенденция наглядно проявляется по мере движения из Южной Сибири, где в связи с малочисленностью оленьего поголовья капитальных построек нет, к тайге Западной Сибири. Здесь благополучие охотничьего промысла прямо зависит от необходимого количества оленей (50–100), что требует усложнения способов их содержания летом. Далее, при движении на север, увеличение поголовья оленей, кочевой образ жизни и отсутствие строительного материала приводят к отказу от оленьих сараев. Хозяйственно-адаптивную основу атрибутов таежной оленеводческой техники, соответствующих количеству оленей в конкретном хозяйстве, демонстрируют и конструктивные особенности оленьих сараев. Они, как правило, секционные, что позволяет как наращивать, так и сокращать их площадь.

Из прочих характеристик оленеводства лесных ненцев можно отметить свойственную ему общесамодийскую лексику и олений транспорт самодийского типа, специфичного именно для лесных ненцев: возможность запрягания в нарту одного оленя; до недавнего времени только зимняя нартенная езда; парная, вне зависимости от типа, упряжка; в недоуздах пристяжных оленей «щечные» пластинки из дерева; более низкие нарты, относительно собственно самодийского типа, с меньшим количеством более прямых копыльев; настил может изготавливаться в том числе и из тонких деревянных реек; соединение упряжки с грузовой нартой чаще безблочное; меньшее количество функциональных типов грузовых нарт.

Примечания

¹ Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 101.

² Там же. С. 211–212; Митусова Р.П. Поездка в Обь-Тазовский водораздел // Этнографические экспедиции 1924–1925 гг. Л., 1926. С. 80.

³ Лукина Н.В. Материалы по оленеводству восточных хантов (конец XIX — 70-е годы XX в.) // СЭ. 1979. № 6. С. 118.

⁴ Дмитриев-Садовников Г.М. Река Надым // ЕТКМ. 1917–1918. Вып. XXVIII и XXIX. С. 34.

⁵ Вербов Г.Д. Лесные ненцы // СЭ. 1936. № 2. С. 63–64.

⁶ Ткаченко Н. Лесные самоеды (Пянь Хасово) // СС. 1937. № 6. С. 88–89.

⁷ Прокофьева Е.Д. Лесные ненцы // АМАЭ. К.1. Оп.1. № 35. Л. 13; Городков Б.Н. Краткий очерк населения северо-востока Западной Сибири // Известия РГО. 1926. Т. 58. Вып. 2. С. 67.

⁸ Общая характеристика этого варианта см.: Шнейдер А.Н., Доброво-Ядринцева Л.Н. Население сибирского края. Сибкрайиздат, 1928. С. 46; Вербов Г.Д. 1) Лесные ненцы. С.64; 2) Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 29; Городков Б.Н. Краткий очерк ... С. 67–68; Прокофьева Е.Д. Лесные ненцы. Л. 13.

⁹ Митусова Р.П. Поездка в Обь-Тазовский водораздел. С. 80.

¹⁰ Хомич Л.В. Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных ненцев // Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972. С. 202.

¹¹ Прокофьева Е.Д. Лесные ненцы. Л. 13.

¹² Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение // КСИЭ. Вып. 37. М., 1962. С. 75.

¹³ Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 6.

¹⁴ Дмитриев-Садовников Г.М. Река Надым ... С. 34; Прокофьева Е.Д. Лесные ненцы. Л. 14.

¹⁵ Лукина Н.В. Материалы по оленеводству восточных хантов. С. 118–120.

¹⁶ Там же. С. 118–119.

¹⁷ Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов. Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 140.

¹⁸ Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев ... С. 74–75.

¹⁹ Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 98.

Селькупы

В изучении оленеводства селькупов исследователи либо опирались на зависимость организации содержания оленей от социальной стратификации селькупов,¹ либо, с учетом этого фактора, акцент делался на характере расселения,² а также географо-демографическом факторе.³ При этом независимо от подхода отмечается наличие двух оленеводческих систем.

Таежное оленеводство в большей степени свойственно туруханским и верхнетазовским селькупам,⁴ а тундровое — средне- и нижнетазовским.⁵ Статистические материалы и анализ хозяйственного значения селькупского оленеводства показывают, что это транспортное оленеводство. Из общего количества хозяйств с оленями производящих хозяйств (речь идет о крупностадном оленеводстве) в начале XX в. было всего около 2,5%.⁶

Селькупское оленеводство описано достаточно подробно, причем хронологические рамки его фиксации охватывают более чем столетнюю историю.⁷ Со ссылкой на эти работы, а также привлекая материалы полевых исследований начала 1980-х гг., рассмотрим наиболее существенные черты оленеводства северных селькупов.

Е.Д. Прокофьева отметила в нем две разновидности. Первая — система абсолютно вольного выпаса в течение всего года, которая практиковалась небольшим количеством хозяйств. Е.Д. Прокофьева оценивает ее как наиболее древнюю.⁸ Исследовательница обращает внимание на то, что вольный выпас практиковали самые малооленные хозяйства,⁹ в которых оленеводство не обеспечивало даже транспортные потребности, вследствие чего оно могло быть исключено из хозяйственного цикла. Наши наблюдения свидетельствуют о возможности, а в ряде случаев и необходимости, отказа от вольного выпаса при увеличении поголовья. Некоторые информанты указывали даже год, когда они начали окарауливать своих оленей. Оценка данной системы как хозяйственно-адаптированной, а не эволюционной, по материалам оленеводства лесных ненцев была дана нами выше.

Большинство хозяйств, имеющих оленей, практиковало вторую разновидность их содержания, типичную для таежного оленеводства в целом. Она соответствует так называемой «северной форме оленеводства селькупов», выделенной И.Н. Гемуевым и Г.И. Пелих¹⁰. Для нее характерно применение полувольного выпаса, в летний период для защиты от гнуса и высоких летних температур — различных построек. Оленьи сараи срубной и каркасно-столбовой конструкции с дымо-

курами чаще были прямоугольной формы и изготовлялись из бревен или толстых жердей,¹¹ теньевые навесы столбовой конструкции с дымокурами могли быть как прямоугольными, так и круглыми,¹² отдельно стоящие дымокуры окружались загородкой из жердей.¹³ По окончании периода комаров и до зимней охоты олени паслись без надзора, но для ограничения их подвижности, в том числе и в период гона, применялись деревянные шейные путы и «башмаки».¹⁴

Разнообразие построек в селькупском оленеводстве, по-видимому, отражает некоторые тенденции изменения атрибутики таежного оленеводства в целом. По утверждениям наших информантов, «раньше» для летнего окарауливания оленей строились каркасные теньевые навесы прямоугольной, а иногда и овальной формы, с двумя параллельными стенками. С такой постройкой применялся дымокур, который располагался снаружи, и его место менялось в зависимости от направления ветра. Ставились они на летнем стойбище отдельной семьи, располагавшей небольшим количеством оленей. В случае укрупнения стада либо кооперации нескольких семейных стад строился более капитальный олений сарай, которым пользовались в течение нескольких лет.

Размеры сараев зависели от размеров стада. По форме он был, как правило, прямоугольный, секционный, конструкция каркасно-столобовая — с наборными стенами. Крыша односкатная — двухскатная, самцовая, с жердевой обрешеткой, которая покрывалась необработанной берестой и придавливалась жердями. Сарай имел два входа-выхода в торцовых стенах, возле которых с внутренней стороны ставилось до четырех огороженных дымокуров. Такие постройки строились на окраине жилой площадки поселения на возвышенном месте и ориентировались по ветру, в зависимости от направления которого разводился тот или иной дымокур. Как и с теньевыми навесами, с оленьими сараями также могли использоваться внешние дымокуры. Для всех построек использовался единый термин: *аталь мат*, «олений дом». Термин *чунар*, который отметили И.Н. Гемуев и Г.И. Пелих, обозначающий бревенчатый олений сарай, в настоящее время обычно используется для коралы в государственном оленеводстве.

В целом оленеводческая система селькупов соответствует таежному оленеводству народов Западной Сибири.

Тундровое крупнотапное оленеводство средне- и нижнетазовских селькупов не отличается от ненецкого. Ему свойственна пише-сырьевая направленность, круглосуточное окарауливание, применение пастушеской собаки.¹⁵ В то же время его особенность состоит в

ограниченности территорий кочевания лесотундрой Нижнего Таза, а также сохранении в оленеводческом хозяйстве значительной доли промыслов.

Олений транспорт селькупов представлен двумя формами. Вьючно-верховой, судя по описаниям, применялся ограниченно. Олень седло, за исключением отсутствия «крылышек», соответствует эвенкийскому. Е.Д. Прокофьева отметила также сходство с эвенкийским способом посадки и управления, олень использовался прежде всего для перевозки грузов. Термин для обозначения вьючных сум соответствовал названию седла и совпадал с названием седла в оленьем транспорте лесных ненцев.¹⁶ В целом последние по времени свидетельства о вьючно-верховом оленеводстве селькупов позволяют оценить его как эвенкийское, причем из всех западносибирских народов именно у селькупов оно представлено наиболее полно. Поэтому соответствие фрагментов вьючного оленеводства лесных ненцев и энцев, а также кетов селькупскому позволяет высказать предположение о том, что в их среде вьючное оленеводство получает распространение через селькупов.¹⁷

Упряжной олений транспорт селькупов полностью соответствует ненецкому, не совпадает только терминология. Причем степень соответствия значительно выше, чем в транспорте других самодийских групп, кетов и даже некоторых групп хантов.¹⁸ К наиболее существенным признакам селькупского оленьего транспорта относятся: его использование в основном в период зимнего промысла (хотя существуют упоминания о летней езде), упряжка чаще парная, нарта ниже по высоте, у женской нарты — только передняя и задняя спинки, у грузовой — «баран».

Анализ селькупской терминологии оленьего транспорта, произведенный Е.Д. Прокофьевой, показал ее заимствованный характер в отношении половых и возрастных групп транспортных оленей, описательный — в отношении функциональных типов нарт и упряжи, перенесенный — очевидно, из скотоводства (тюркского?), на некоторые элементы оленеводства.¹⁹

Степень изученности селькупского оленеводства зачастую позволяет исследователям рассматривать его в качестве своеобразной модели этнокультурного взаимодействия в оленеводстве народов Западной Сибири как в плане происхождения, так и в более поздних контактах населения тайги и тундры.

Согласно одной из наиболее распространенных точек зрения как система, так и транспорт были заимствованы северными селькупками

от северных самодийцев — юраков, лесных групп ненцев и энцев.²⁰ Этот взгляд последовательно оспаривается Г.И. Пелих, которая зафиксировала некоторые свидетельства оленеводства у южных селькупов, позволяющие предположить непосредственно южно-сибирские (саянские) его истоки.²¹

Последняя точка зрения восходит к мнению В.Г. Богораза и Г.Н. Прокофьева, считавших, что оленеводство кетов и селькупов имеет много соответствий и объясняется «тесным сожителем ... еще в их общей прародине»,²² в связи с чем оно сопоставимо с оленеводством народов Южной Сибири.²³ По В.Г. Богоразу, «это клин особой оленеводческой культуры, врезавшийся с юга далеко на север».²⁴

Сейчас становится очевидным, что те признаки, по которым В.Г. Богораз и Г.Н. Прокофьев выделяли оленеводство селькупов из оленеводческих традиций других народов Западной Сибири — отсутствие пастушеской собаки, особая порода оленя, организация выпаса, специфический способ посадки при верховой езде — на современном уровне представлений о региональных особенностях западносибирского оленеводства не могут считаться специфическими только для кетов и селькупов. Так, применение пастушеской собаки ограничено в оленеводстве лесных ненцев и энцев, селькупов и хантов, что является признаком типологического соответствия оленеводству тайги. Получившая здесь распространение крупная порода домашних оленей используется и как вьючно-верховой транспорт, седло расположено на спине, а не на лопатках (сибирский тип). Не является специфическим только для кетов и селькупов и способ содержания оленей, поскольку в своей функциональной основе он имеет признаки универсальные для таежного оленеводства Сибири в целом.

Учитывая то обстоятельство, что селькупское оленеводство в исторической последовательности его развития может быть стратифицировано, современные исследователи полагают, что оно состоит из нескольких компонентов. Действительно, ряд имеющихся фактов по нарымским селькупам (изображения всадников верхом на олене, устные и документальные упоминания о содержании оленей селькупками на Тыме), позволил Г.И. Пелих предположить, что этому народу было известно вьючно-верховое оленеводство.²⁵

Более подробное изучение приводимых аргументов дает возможность сделать вывод, что в данном случае речь может идти скорее о влиянии эвенков на селькупское оленеводство.²⁶ В частности, существуют прямые свидетельства того, что на Тыме были случаи покупки оленей у тунгусов,²⁷ а атрибутика оленеводства нарымских селькупов,

систематизированная Г.И. Пелих, практически по всем признакам соответствует «эвенкийскому» типу, выделенному Г.М. Василевич для западных групп эвенков.²⁸

Анализ оленеводства северных селькупов позволил Г.И. Пелих и И.Н. Гемуеву выделить в его составе «северосамодийский» комплекс, сформировавшийся в их оленеводстве после переселения на север и сложения культурных особенностей северной этнографической группы селькупов, и собственно «селькупский», генетически восходящий к саянскому типу выючно-верхового оленеводства.²⁹

На наш взгляд, выделенные авторами признаки могут быть оценены как эволюционные по отношению к западносибирской региональной оленеводческой традиции в целом. Вероятно, особенности содержания оленей зимой связаны с различной хозяйственной ориентацией. В хозяйствах промыслового профиля олени выпасались на местах промысла, а ориентированных на оленеводство — в местах зимних пастбищ. Разнообразие построек для летнего содержания оленей также свидетельствует о соответствии селькупского оленеводства региональной западносибирской традиции.

Применение пастушеской собаки следует рассматривать как элемент, типологически соответствующий тундровому крупностадному оленеводству Сибири.³⁰

Отмеченные Г.И. Пелих и И.Н. Гемуевым различия в способах кастрации (кровавом на севере и бескровном на юге) также эволюционны. Первый способ в оленеводстве вторичен и связан со скотоводческой традицией. При распространении в Западной Сибири обоих способов наши материалы свидетельствуют о том, что оленеводы (ненцы, ханты, манси, селькупы) отдают предпочтение последнему. Доение оленей, действительно, специфический элемент оленеводства селькупов, причем в их языке существует оригинальный термин для обозначения оленьего молока — *нима*, в отличие от *сыр нима* — «коровьего молока».

Г.И. Пелих и И.Н. Гемуев доение в оленеводстве селькупов связывают с южносибирским компонентом,³¹ но такое утверждение не согласуется со схемой истории оленеводства в Саянах, где на «самодийской» стадии доение отсутствует, а его появление соотносится с третьим этапом, «тюркским», когда и формируется саянский тип оленеводства, для которого характерны выючно-верховой транспорт, доение, отсутствие пастушеской собаки и оленя-маньшика.³² А.В. Головнев, обосновавший концепцию североуральского центра возникновения северосамодийского оленеводства, приводит факты о доении

олений в Западной Сибири у самодийцев и угров, объясняя это нормой конвергенции, а последующее исчезновение традиции — укрупнением оленьих стад и переориентацией потребительского акцента на мясные продукты.³³ На наш взгляд, эта гипотеза заслуживает внимания, тем более что для западносибирской тайги отказ от доения может быть объяснен и нерегулярностью летнего окарауливания в период активной лактации, когда оленей могли содержать на свободном выпасе. В то же время следует обратить внимание на то, что факты доения оленей в Западной Сибири зафиксированы только в русских письменных источниках, что не отрицает возможности влияния русского скотоводства. Полевые же материалы по обским уграм и самодийцам, за исключением селькупов, таких свидетельств не дают.

Весьма вероятно, что доение оленей в селькупском оленеводстве можно связывать с эвенкийским влиянием, в оленеводстве которых оно выступает в качестве важного типологизирующего признака «тунгусского» типа оленеводства. Обращает на себя внимание соответствие термина для обозначения оленьего молока у селькупов — *нима*, и самки оленя у эвенков — *нами*, в то время как для обозначения коровьего молока селькупы используют, как уже упоминалось, описательный термин *сыр нима*.

Дополнительные факты генезиса селькупского оленеводства дает олений транспорт. Упряжной транспорт северных селькупов относится к самодийскому типу и по происхождению связан с лесными энцами.³⁴ Те признаки, которые выделяются как специфические для селькупов, например «щечные» пластинки недоузтков из дерева, изготавливали также ханты и лесные ненцы.

Иначе обстоит дело с вьючно-верховым оленеводством селькупов. Их вьючный транспорт имеет ряд соответствий культуре лесных ненцев и энцев (конструкция оленьего седла, терминология), что согласуется с выводом о заимствовании оленеводства селькупами на р. Таз от таежных групп северных самодийцев.³⁵ Но вместе с тем более очевидными являются эвенкийские черты вьючно-верхового оленеводства селькупов, на что обращает внимание большинство исследователей.³⁶

Определяющее влияние эвенкийского оленеводства на северных селькупов подчеркивает Е.А. Алексеенко. Исследовательница показывает, что к XIX в. в верховьях р. Таз формируется своеобразная «межнациональная» общность, основу которой составляют периферийные группы северных селькупов, енисейских эвенков и частично — кетов. Основой сложения этой группы являются интеграцион-

ные процессы, в которых существенную роль играло таежное оленеводство. Е.А. Алексеенко отмечает: «Конкретный материал по верхнетазовским селькупам свидетельствует, что это явление (выючно-верховое оленеводство. — В.К.) у них позднее и связано с эвенкийским влиянием».³⁷

Современные исследования культуры южных селькупов подтверждают отсутствие у них в прошлом оленеводства, которое распространяется с появлением эвенков, а тазовско-туруханская селькупская эпическая традиция говорит о позднем заимствовании оленеводства переселившимися на Таз тымскими селькупками-промысловиками от местного населения и последующего влияния на их оленеводство эвенков.³⁸

Взаимодействие эвенкийской и селькупской культур на Тазе продолжается и в настоящее время. В начале 1980-х гг. эвенки, по данным Раттовского сельского совета, составляли около 20% населения, а на 17 селькупских домохозяйств приходилось 12 селькупско-эвенкийских. Эти показатели наглядно демонстрируют возможные последствия взаимодействия культур селькупов и эвенков. С учетом актуальности оленеводства для северян и более высокой степени его развития у тунгусов интерпретация направленности взаимодействия в оленеводстве в бассейне р.Таз едва ли может вызывать сомнения. В настоящее время селькупы выючно-верховое оленеводство не практикуют.

Таким образом, в соответствии со всем сказанным, историю селькупского оленеводства могут характеризовать следующие черты. В пределах северных территорий расселения оленеводство было заимствовано селькупками в виде таежной оленеводческой системы и транспорта, очевидно, на выючной либо выючно-нартенной стадии развития, от лесных групп северных самодийцев. В течение XVIII-XIX вв. при сохранении таежной оленеводческой системы элементы выючно-верхового оленеводства могли быть утрачены в связи с усилением влияния тундрового крупностадного оленеводства ненцев на контактирующие с ними группы таежного населения, что привело к распространению здесь упряжного транспорта самодийского типа. Выючно-верховой олений транспорт эвенкийского типа получил распространение в среде селькупов с расселением эвенков в бассейне р. Таз. Упоминания о выючно-верховом оленеводстве селькупов в Среднем Приобье также могут отражать эвенкийское влияние.

Примечания

- ¹ Скалон В.Н. В тундрах Верхнего Таза // СС. 1930. № 3.
- ² Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. М., 1976. С. 139–155.
- ³ Лебедев В.В. Роль оленеводства в хозяйственном комплексе селькупов. (К проблеме становления производящего оленеводческого хозяйства.) // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978. С. 14–25.
- ⁴ Доброво-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края. Новониколаевск, 1925. С. 74; Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов. С. 152.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Лебедев В.В. Роль оленеводства ... С. 24–25.
- ⁷ Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители // Зап. РГО по общ. географии. СПб., 1869; Скалон В.Н. В тундрах Верхнего Таза; Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов; Гемуев И.Н., Пелих Г.И. Селькупское оленеводство // СЭ. 1975. № 3.
- ⁸ Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов. С. 140.
- ⁹ Там же. С. 139.
- ¹⁰ Гемуев И.Н., Пелих Г.И. Селькупское оленеводство. С. 84.
- ¹¹ Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов. С. 140.
- ¹² Скалон В.Н. В тундрах Верхнего Таза. С. 80; Гемуев И.Н., Пелих Г.И. Селькупское оленеводство. С. 85; Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов. С. 140.
- ¹³ Скалон В.Н. В тундрах Верхнего Таза. С. 80.
- ¹⁴ Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов. С. 139–141.
- ¹⁵ Лебедев В.В. Роль оленеводства ... С. 17, 20–21; Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов. С. 141.
- ¹⁶ Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов. С. 143; Гемуев И.Н., Пелих Г.И. Селькупское оленеводство. С. 90.
- ¹⁷ Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 95–96.
- ¹⁸ Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов С. 144–145.
- ¹⁹ Там же. С. 152–155.
- ²⁰ Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение // КСИЭ. Вып. 37. М., 1962. С. 73; Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов.
- ²¹ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 151–223; Гемуев И.Н., Пелих Г.И. Селькупское оленеводство. С. 155.
- ²² Прокофьев Г.Н. Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928. № 2. С. 98.
- ²³ Прокофьев Г.Н. Остяко-самоеды ... С. 97–100; Богораз В.Г. 1) Новые данные по этнографии малых народов Севера // Сев. Азия. 1928.

№ 3; 2) Работа Г.Н.Прокофьева среди остяко-самоедов // Этнография. 1928. № 2.

²⁴ Богораз В.Г. Там же. С. 93.

²⁵ Пелих Г.И. Происхождение селькупов. С. 151–157, 215, 223.

²⁶ Козьмин В.А. Оленеводство северных селькупов в связи с их этнической историей // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Тез. докл. Омск, 1983. С. 23.

²⁷ Орлова Е.Н. Население по р. Кети и Тым, его состояние и быт. Красноярск, 1928. С. 43.

²⁸ Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVI — нач. XX в.). Л., 1969. С. 75–76.

²⁹ Гемуев И.Н., Пелих Г.И. Селькупское оленеводство. С. 84, 88, 95.

³⁰ О пастушеской собаке в западносибирском оленеводстве см. очерк «Тундровые ненцы». С. 17–27.

³¹ Гемуев И.Н., Пелих Г.И. Селькупское оленеводство. С. 95.

³² Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972. С. 102, 110.

³³ Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства. С. 98.

³⁴ Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев ... С. 73–74.

³⁵ Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев ... С. 72–74; Лебедев В.В. Роль оленеводства ... С. 15; Алексеенко Е.А. Этническое взаимодействие коренного населения Туруханского Севера и Верхнего Таза // Народы и языки Сибири. Ареальные исследования. М., 1978. С. 32–33; Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов. С. 143–144.

³⁶ Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов. С. 143–144; Скалон В.Н. Оленеводство в бассейне р. Таз // СС. 1931. № 3–4. С. 83; Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусские лексические связи и их этноисторические импликации // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 212.

³⁷ Алексеенко Е.А. Этническое взаимодействие... С. 34–36.

³⁸ Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 102.

Энцы

Расселение энцев в Западной Сибири определяет степень их участия в формировании региональных особенностей западносибирского оленеводства. В известном смысле можно говорить, что энцы являются не столько субъектом, сколько объектом данного процесса, поскольку в XVII–XIX вв. на Северо-Востоке Западной Сибири они были вовлечены в разнообразные межэтнические взаимодействия, следствием чего было сложение в низовьях Енисея ряда полиэтничных

территориально-хозяйственных группировок, в некоторые из которых вошли и энцы.¹

По материалам Приполярной переписи 1926–1927 гг. В.И. Васильев дал этнодемографическую и хозяйственно-культурную характеристику энцев и отметил историческую преемственность с более ранним периодом истории населения этого региона. Для нас наиболее важным является то, что выделенные В.И. Васильевым территориальные группы дают наглядное представление о хозяйственном значении энецкого оленеводства, а также о тех этнокультурных средах, с которыми оно сосуществовало.

Из четырех территориально-хозяйственных групп энцы представлены в основном в двух. Более половины правобережной территориальной группы (тундровые районы Правобережья Енисейской губы) составляли энцы: 33% хозяйств принадлежало хантайским (тундровым) и 21% — карасинским (лесным) энцам, владеющим большими оленьими стадами. Наряду с ними здесь расселялись обдорские ненцы (25%), нганасаны (8%) и долганы (12%).²

В хозяйственном комплексе этой группы преобладает оленеводство, причем по количеству оленьего поголовья, способам содержания оленей и получаемой от оленеводства продукции оно является крупностадным и соответствует тундровому оленеводству ненцев. В этом районе под влиянием ненецкого оленеводства проявляется тенденция интеграции двух этнотерриториальных (этнографических) групп энцев, тундровых и лесных, что наглядно демонстрирует направленность развития энецкой культуры на рубеже столетий.

Лесотундровая группировка (50% лесных энцев и 40% тазовских ненцев) как самая малооленная (наиболее крупное стадо насчитывало всего 90 оленей) в большей степени сохранила традиции таежной оленеводческой культуры.³

Сходные данные о распространении оленеводства в низовьях Енисея приводит и Л.Н. Доброво-Ядринцева, которая указывает на разную его роль в хозяйстве народов этого региона. В частности, она отмечает самостоятельное хозяйственное значение оленеводства в зоне тундры (самоеды) и вспомогательное, оленно-промысловое хозяйство, по определению автора, в зоне лесотундры (юраки, остяко-самоеды, енисейцы).⁴

Выделенные территориальные группы, в которых представлены энцы, типологически соответствуют тому явлению, которое прослежено и в ненецкой культуре. Это своеобразная форма общественного разделения труда, сложившаяся при локально-функциональной зави-

симости между оленеводческой доминантой (производящая экономика) и промысловой периферией.⁵ Оба элемента данной структуры взаимозависимы, поскольку функционируют не только в системе пищевого обмена, но и обмена трудовыми ресурсами, культурными традициями. В таких условиях этничность выступает в качестве локального, более продуктивного способа освоения природных ресурсов, но динамика и закономерности функционирования самой системы придают интегративным процессам ведущее значение.

Как и для большинства народов Западной Сибири, хозяйственно-культурная специфика оленеводства энцев определяется территорией расселения и традициями этнокультурного взаимодействия с соседними народами.

Крупностадное оленеводство, характерное для тундровых и отчасти лесных энцев, по мнению Б.О. Долгих, формируется в течение XVIII в., с началом их регулярных откочевок на лето в тундру.⁶ В основе этого процесса лежал внешний фактор — становление крупностадного оленеводства у тундровых ненцев, которые в этот период активно осваивали новые пастбища на территории Гыданского полуострова, Правобережья Енисейской губы и низовьев Таза. Этим же временем датируется процесс формирования энецкого упряжного оленеводства, относящегося к самодийскому типу.⁷ В течение XIX в. у тундровых энцев окончательно оформляется система крупностадного оленеводства как самостоятельная форма хозяйства с многочисленным поголовьем оленей, выпасаемым при помощи собак, меридиональной системой кочевания.⁸

В отличие от других оленеводческих народов Западной Сибири энцы сохранили традиции охоты на дикого оленя, что являлось дополнительным источником мяса и сырья. Такое соотношение оленеводства и промыслового хозяйства, которое А.В. Головнев в отношении энцев назвал «парадоксом Таймыра», представлен также у енисейских ненцев и нганасан.⁹ Б.О. Долгих определил профиль хозяйства энцев как «охотников-олeneводо-в тундр».¹⁰ Эти оценки фиксируют в оленеводстве тундровых энцев сохранение элементов как прежней охотничье-олeneводческой культуры, которая восходит и к аборигенному субстрату, и к оленеводческой культуре лесных энцев, также имеющей промысловую направленность.

Оленеводство лесных энцев детально описано В.И. Васильевым,¹¹ поэтому мы остановимся на его самых существенных с нашей точки зрения признаках.

«Таежное» оленеводство в низовьях Енисея характерно для лесотундровых малооленных групп энцев и юраков. Оленеводство этого района транспортное, в стаде преобладают самцы, численность оленей на одно хозяйство небольшая: в начале XX в. на одно юрацкое хозяйство приходилось около 20 оленей, у лесных энцев — 15. В.И. Васильев отмечал, что в отдельных случаях численность оленей на одно хозяйство достигала сотни голов.¹²

Особенностью оленеводства лесных энцев является отсутствие вольного выпаса. В.И. Васильев объясняет это достаточным количеством свободных оленьих пастбищ у мест летней рыбалки.

Выпас оленей осуществлялся посемейно. В летний период применялись дымокуры, конструктивно соответствующие дымокурам лесных ненцев. Известны и олени сарай, но, судя по всему, без фиксированного терминологического обозначения. В частности, В.И. Васильев отмечает, что олени сарай мог называться навесом.¹³ По описаниям и имеющимся изображениям, сарай имел каркасную основу, внутри него располагался дымокур. У постройки была дверь, что, очевидно, представляет собой более позднее явление, поскольку у других народов Западной Сибири этот элемент в конструкции оленьих сараев отсутствует. Как считает В.И. Васильев, «сарай в прошлом заменял дымокур», что указывает на их историческую соотносительность, но затрудняет интерпретацию генетической преемственности.

Осенью оленей отпускали, а для ограничения подвижности использовали шейные и ножные деревянные путы. Собирали оленей поздней осенью. Упоминаний о применении лесными энцами оленегонной лайки нет.

В исторической оценке оленеводства лесных энцев исследователи во многом сходятся. В.И. Васильев считал, что оленеводство лесных энцев представляет «древнейшую форму оленеводства самодийского населения тайги».¹⁴ Б.О. Долгих оценивал промысловое транспортное использование оленя энцами как «настоящее, хотя и незначительное, оленеводство» и также возводил его к южным предкам современных лесных энцев.¹⁵ Л.П. Хлобыстин и Г.Н. Грачева связывали генезис таежного оленеводства с предками северных самодийцев.¹⁶

В связи с этими оценками интересно обратить внимание на ряд признаков оленеводства лесных энцев, которые могут соответствовать исходной форме оленеводства населения тайги Западной Сибири. При сравнении последнего с оленеводством лесных ненцев можно отметить такие соответствия, как транспортное использование оленя, отсутствие пастушеской собаки, применение деревянных пут, дымоку-

ров, имеющих самостоятельное значение. Сведения, которые приводит В.И. Васильев об оленьем сарае у энцев, указывают на его неоднозначность, об этом свидетельствуют терминология «сарая-навеса», в прошлом заменяемость дымокуром, наличие двери. В оленеводстве лесных ненцев, где олени сараи вообще отсутствуют, их не следует считать ни универсальным признаком таежного оленеводства Западной Сибири, ни этнодифференцирующим элементом, отличающим самодийское таежное оленеводство от оленеводства других народов Западной Сибири.

Энецкий компонент также представлен в интегрированной культуре ненецко-энецкой общности юраков Береговой и Тазовской управ, с преобладанием в их культуре ненецких черт. В конце XIX — начале XX в. юраки расселились в пределах центральной (94% всех хозяйств) и лесотундровой (40% всех хозяйств) группировок низовьев Енисея.¹⁷ В этом районе хозяйственное значение оленеводства было невелико. В то же время ряд исследователей (Н. Костров, П.И. Третьяков, Л.Н. Доброво-Ядринцева, А.И. Тугаринов, А.А. Попов) отмечали здесь наличие владельцев крупных стад, хозяйство которых, при сохранении промыслово-олeneводческого профиля юрацкого хозяйства в целом, базировалось на оленеводстве. Показательным является свидетельство Н. Кострова, который дал следующую характеристику хозяйства юраков: «Домашние олени составляют все хозяйство юраков», но «звероловством и рыболовством юраки занимаются сколько для шкур зверя, столько для мяса», несмотря на то, что «зажиточные юраки имеют до 1000 оленей и более ... юрак просидит голодом 4 и 5 суток, но не решится убить домашнего оленя».¹⁸

Очевидно, географическая обусловленность и наличие здесь популяции дикого оленя ограничивали возможность полной переориентации юрацкого оленеводства в крупностадное пищевырьевого направления.¹⁹ Данный пример позволяет утверждать, что выявленные тенденции становления крупностадного оленеводства в тундрах Евразии²⁰ необязательно должны были реализовываться в полной мере. Отдельные эволюционные этапы, в силу ряда обстоятельств, можно оценивать как функционально завершенные. Они в своем роде «достаточны» для культуры конкретного народа: это таежное транспортное оленеводство у обских угров, кетов, лесных групп северных самодийцев, оленеводческо-промысловое у юраков, крупностадное пищевырьевое у тундровых ненцев, отчасти энцев. Но отмеченные ценностные установки культур западносибирских народов, безусловно ориентированные на наращивание поголовья оленей, можно рассматри-

вать как своеобразный аспект престижной экономики. Вероятно, именно это обстоятельство позволило крупностадному оленеводству в XX в. распространиться далеко на юг. В свою очередь, в основном оленеводство и реализует интегрирующую направленность истории культур народов Западной Сибири.²¹

В историко-генетическом плане олений транспорт энцев обычно рассматривается в связи с транспортом других северосамодийских народов. Вьючное использование оленя, которое В.И. Васильев связывает с таежной оленеводческой системой,²² собственно у энцев не зафиксировано. Существует упоминание о вьючно-верховом¹ использовании оленя юраками, очевидно, с применением вьючного седла,²³ на оленеводство которых определенное влияние оказали энцы.

Упряжной транспорт энцев полностью соответствует ненецкому. В связи с тем, что он был заимствован практически без изменений, как этноспецифический он не идентифицируется. Так, в «Историко-этнографическом атласе Сибири» олений транспорт энцев описан с транспортом нганасан и, очевидно, на нганасанском материале,²⁴ т. е. как тундровый его вариант. Вероятно, более близок энецкому транспорту олений транспорт енисейских ненцев.

Имеющиеся материалы все же позволяют отметить в транспорте энцев некоторые специфические черты.

Упряжка чаще парная,²⁵ хотя Б.О. Долгих предполагал, что еще в XVII в., как и у лесных ненцев, в нарту могли запрягать одного оленя.²⁶

Упряжь самодийская. К.М. Рычков, правда, упоминает о наличии крючка для поддержания вожжи на правой стороне пояса, что предполагает ее расположение не слева, как это свойственно самодийскому типу, а справа,²⁷ интерпретировать это наблюдение сложно, но в данном случае не исключено влияние через долган тунгусо-якутского упряжного оленеводства.

Оленьи нарты представлены двумя типами: ездовым и грузовым. Женские нарты отличаются от мужских по тем же признакам, что и у тундровых ненцев.²⁸ По косвенным данным они имеют особенности конструкции, приспособленные к специфике энецкой одежды.²⁹

В прошлом копылья нарт прикреплялись к полозьям дополнительными ремешками.³⁰ По конструктивным особенностям и функциональным типам грузовые нарты близки ненецким.³¹ Терминологию оленьего транспорта ненецкая.³²

Примечания

¹ Васильев В.И. 1) Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979; 2) Лесные энцы // ТИЭ. 1963. Т. 84. С. 36–47.

² Васильев В.И. Ненцы и энцы Таймырского национального округа (Очерк хозяйства, быта и этнических процессов, протекавших на Енисейском Севере) // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970. С. 109.

³ Там же. С. 112, 115.

⁴ Доброво-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края. Новониколаевск, 1925. С. 21–24, 28–32, 50–51.

⁵ Головнев А.В. Система хозяйства сибирских тундровых ненцев в конце XIX — начале XX в. // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986. С. 180–190.

⁶ Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.; Л., 1970. С. 109.

⁷ Васильев В.И. Проблемы формирования ... С. 67; Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 105.

⁸ Доброво-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края. С. 64–71; Мифологические сказки и исторические предания энцев // ТИЭ. 1961. Т. 66; Васильев В.И. Ненцы и энцы Таймырского национального округа. С. 114–115, Табл. I; Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. С. 130–132; Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в. М., 1970. С. 62–68, Табл. I; Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Т. 1. С. 220; Туголуков В.А. Новые сведения о народах Нижнего Енисея, относящиеся к середине XIX в. // СЭ. 1964. № 3. С. 115–117; Тугаринов А.Я. Туземцы Приенисейского Севера. Красноярск, 1927. С. 11.

⁹ Костров Н. Юраки // Зап. Сиб. отд-я РГО. СПб., 1856. Кн. II. С. 31; Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Т. II. С. 152; Гретьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители // Зап. РГО по общ. геогр. СПб., 1869. С. 226; Васильев В.И. Проблемы формирования... С. 117.

¹⁰ Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. С. 130.

¹¹ Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение // КСИЭ. Вып. 37. М., 1962.

¹² Скалон В.Н. Оленеводство в бассейне р. Таза // СС. 1931. № 3–4. С. 78; Васильев В.И. Лесные энцы. С. 48.

¹³ Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев ... С. 68.

¹⁴ Там же. С. 75.

¹⁵ Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. С. 267.

¹⁶ Хлобыстин Л.П., Грачева Г.Н. Появление оленеводства в тундровой зоне Европы, Западной и Средней Сибири // Формы перехода от присваивающегося хозяйства к производящему и особенности общественного строя. Л., 1974. С. 83–84.

¹⁷ Васильев В.И. Ненцы и энцы Таймырского национального округа. С. 111–112.

¹⁸ Костров Н. Юраки. С. 26–31.

¹⁹ Сыроечковский Е.Е. Северный олень. М., 1986.

²⁰ Крупник И.И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // СЭ. 6. № 2. С. 67–69; Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства. С. 106.

²¹ Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции угров и самодийцев. Екатеринбург, 1995. С. 51.

²² Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев... С. 72.

²³ Рычков К.Н. Береговой род Юраков // Зап. Сиб. отд-я РГО. 1916. Т. 38. С. 175–176.

²⁴ Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 12.

²⁵ Рычков К.Н. Береговой род Юраков. С. 176.

²⁶ Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. С. 134.

²⁷ Рычков К.М. Береговой род Юраков. С. 176.

²⁸ Скалон В.Н. Оленеводство в бассейне р. Таза. С. 82.

²⁹ Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев... С. 67. К сожалению, В.И. Васильев эти особенности не указывает.

³⁰ Третьяков П.И. Туруханский край... С. 249.

³¹ Скалон В.Н. Оленеводство в бассейне р. Таза. С. 83.

³² Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 43.

ОЛЕНЕВОДСТВО ОБСКИХ УГРОВ И КЕТОВ

Если история самодийского оленеводства достаточно последовательно возводится к северосамодийской культурной традиции, то вопрос о генезисе обско-угорского оленеводства до настоящего времени столь однозначно не решен.

Имеющиеся в настоящее время точки зрения на эту проблему можно разделить на две группы.

Сторонники первой точки зрения полагают, что обские угры заимствовали оленеводство от северных самодийцев,¹ вторую точку зрения сформулировала и последовательно аргументирует Н.В. Лукина. Она считает, что обские угры, по крайней мере ханты, не калькировали северосамодийское оленеводство, а принимали участие в его создании и внесли в процесс его формирования существенный вклад.² Н.В. Лукина полагает возможным говорить даже не о заимствовании, а о том, «что правильнее было бы оперировать термином “влияние”, допуская возможность самостоятельного формирования если не всех, то многих черт лесного оленеводства хантов».³

Современные представления об эволюции западносибирского оленеводства позволяют рассматривать эти позиции не как альтернативные, а диалектически дополняющие друг друга. Дело в том, что оленеводство зачастую фиксируется лишь как внешний знак культуры. Наличие или отсутствие в ней оленя реализует важный дифференцирующий принцип, оставляя за границами восприятия особенности содержания, хозяйственного и транспортного использования оленя, а как именно эти признаки образуют мозаику того явления, которое называется сибирским, и в том числе западносибирским оленеводством, а самое главное — вне поля зрения оказывается своеобразие этноспецифических оленеводческих традиций населения Западной Сибири. Существенным моментом оценки явления служит генерализация оленеводства как формы хозяйства, где функциональные

основания более существенны, чем этнокультурная традиция. Именно эти обстоятельства и определяют историографию вопроса о происхождении и типологии западносибирского оленеводства.

В свое время нами была предпринята попытка на основании одних лишь письменных источников датировать время появления оленеводства в культуре обских угров.⁴ Вероятно, здесь была допущена методическая неточность. Дело в том, что в большинстве имеющихся письменных свидетельств угры и самодийцы действительно различаются начиная с XV в., особенно в XVII в., по признаку наличия/отсутствия у них оленеводства. Очевидно, в этих свидетельствах нашло отражение начало заключительного этапа развития западносибирского оленеводства, точнее крупностадной его формы и ее распространения в тундровой зоне, в то время как для предшествующего периода такие различия не вполне очевидны. Именно на такой подход и обратил внимание А.В. Головнев.⁵ В границах этого подхода заслуживает внимания и позиция Н.В. Лукиной. Ее мнение в сопоставлении с современными данными, вероятно, требует коррекции, но не в связи с этничностью, а в связи с культурной средой — таежной промысловой культурой населения Западной Сибири.

Именно в ней и могли сформироваться универсальные атрибуты и признаки оленеводства народов Западной Сибири: в основном зимнее транспортное использование оленя, полувольное летнее содержание, искусственная среда (сарай, навесы, дымокуры, колодки и т.п.), преобладание в способах транспортного использования оленя от тяглогового/упряжного собаководства.

Вместе с тем навыки обращения с оленем не обязательно должны восходить только к уральцам. Версия саяно-алтайского (С.И. Вайнштейн) и североуральского (А.В. Головнев) очагов формирования элементов западносибирского оленеводства на настоящий период выглядит достаточно убедительно. В рамках приведенных схем можно предположить, что на североуральские группы большее влияние оказал именно североуральский самодийский центр, а на южных и восточных хантов, а также, вероятно, и кетов — южносамодийский. Это достаточно наглядно прослеживается в лексике и оленеводческой технике, дифференцирующих северные и восточные группы хантов. Специфика оленеводства манси еще в большей степени соответствует его истории в границах североуральского центра. В то же время ханты вырабатывают свою оленеводческую культуру, отвечающую их потребностям и атрибутированную в соответствии с их традициями.

Более того, мы полагаем, что именно угорское оленеводство в более «чистом» виде сохранило черты обоих исходных типов, поскольку на юге (Саяно-Алтай) можно проследить изменение оленеводческой традиции южных самодийцев под влиянием тюрков, а на севере (западносибирские тундры) ее эволюцию в тундровое оленеводство северных самодийцев.

Очевидно, последующая интеграция оленеводческой культуры происходила под воздействием крупностадного оленеводства населения тундр Западной Сибири. Об этом говорит редукция лексики и «классического набора» признаков оленьего транспорта самодийского типа по мере движения от северных групп (северные ханты и манси, песные группы северных самодийцев и селькупов) к южным (отчасти кеты и восточные ханты).

Северные ханты

Оленеводческая система северной этнографической группы хангов у различных территориальных подразделений представлена двумя формами — тундровой и таежной. До периода коллективизации тундровое оленеводство было характерно только для ограниченного количества хантыйских семей, относящихся к обдорской и отчасти к куноватской территориальным группам. Это подтверждается особой формой межэтнических связей хантов, расселяющихся на севере западносибирской тайги и в лесотундре вместе с тундровыми ненцами. Б.О. Долгих, З.П. Соколова и В.И. Васильев, в частности, отмечали предпочтительность брачных связей между тундровыми ненцами и хантами в конце XVIII в.,⁶ что безусловно приводило к преобладанию в культуре хантов этого региона ненецких черт. Это справедливо в отношении основной формы хозяйства — оленеводства.

Хантыйское крупностадное оленеводство, интегрированное с ненецким, распространено в меридиональных тундрах Полярного Урала, Ямала и Гыданского полуострова, где оно практически полностью соответствует ненецкому и в широтных лесотундрах от Урала до водораздела Таза и Енисея. Во втором случае ханты, ориентированные на ведение оленеводческого хозяйства, в связи с недостаточной его продуктивностью дополнительно занимались промыслами.⁷

Тундровое оленеводство северные ханты начинают практиковать с XVIII в. Этот период в их истории является финальной стадией этногенеза, основу которой составили социально-политические и эколого-хозяйственные изменения на севере Западной Сибири, вызванные

русской колонизацией. В данный период часть угорского населения переселяется в низовья Оби и смешивается с самодийцами. Это получило и политическое оформление в виде возникшего в XVIII в. союза между обдорскими осятками и самоедами. Именно интегрированная во всех сферах жизни территориальная общность явилась «основой складывания самобытной этнической общности северных хантов, в значительной степени связанной в этнокультурном отношении с самодийцами». ⁸ Следствием указанного процесса явился переход части северных хантов к тундровому оленеводству и ненецкой оленеводческой культуре. Между тем оленеводческая система северных хантов отличалась от ненецкой, что нашло выражение в выделении в Западной Сибири «лесотундрового типа» западносибирского оленеводства. ⁹ Ему присущи три характерные черты.

Во-первых, следует отметить малочисленность оленей в хозяйствах обдорских осятков. На это обратил внимание В.Ф. Зуев, ¹⁰ а на основании архивных документов — Н.А. Миненко. ¹¹ Факт малочисленности оленей отражен в материалах Приполярной переписи 1926–1927 гг. ¹² Размеры стад, характерные для лесотундровой зоны, с которой в основном и были связаны северные ханты, не превышали 100 голов, что не исключало возможности их сезонного объединения в летний период, когда для выпаса оптимально стадо в 400–500 оленей. ¹³

Во-вторых, в хантыйском оленеводческом хозяйстве сохранились традиционные формы занятий — охота и рыболовство. ¹⁴ Лишь многооленные обдорские ханты откочевывали летом на север, малооленные же объединяли свои стада, или часть хозяев уходила с оленями на север на летние пастбища, а другая оставалась в лесотундре на летней рыбалке. Чаше малооленные обдорские ханты отдавали своих оленей на сезонный выпас ненцам. ¹⁵

В-третьих, маршруты перекочевок не были, как у ненцев, столь протяженными, и летом оленеводы-ханты не уходили на север, а оставались в пределах южных тундр. ¹⁶ Это наглядно представлено на карте «Распределение самоедских родов на территории Ямала» Б.М. Житкова. ¹⁷ Такая система кочевания получила название «широтнo-ориентированная». ¹⁸

Таким образом, малочисленность группы обдорских хантов и высокая степень их интегрированности в тундровую оленеводческую традицию не позволяет утверждать, что их оленеводческая система характеризует оленеводство хантов в целом. Большинству территори-

альных подразделений северной этнографической группы хантов было свойственно так называемое таежное оленеводство.

В XIX в. у северных хантов оно распространялось в пределах Куноватской волости у сыньских и куноватских хантов,¹⁹ частично — среди нижнеобских, вниз по Оби от Березова,²⁰ а также казымских хантов.²¹ Одно из первых описаний таежного оленеводства хантов принадлежит Ю.И. Кушелевскому, который отметил, что некоторые оленные, верховые (по отношению к ненцам. — В.К.) остяки, кочующие с малыми стадами по берегам Оби и ее притокам возле Березова, на лето в тундру не выходят. Они «строят большие шалаши, в которых разводят постоянное курево». В этих постройках они и содержат оленей летом.²² А.А. Дунин-Горкавич указывал, что на юге Западной Сибири оленеводство является вспомогательным и оседлым. Олени в течение всего года находятся у жилья, днем в летний период содержатся в «пригонах» с дымокурами.²³ Место оленеводства в хозяйстве северных хантов хорошо иллюстрирует общая характеристика «групп оленных остяков», составленная А.А. Дуниным-Горкавичем. Так, он выделил ниже Березова группу остяков «рыболовов-олeneводов». Вероятно, в данном случае он имел в виду сыньско-куноватских хантов, оленеводство которых имело тенденцию к пище-сырьевой направленности. По его определению это оленеводство «с избытком». На Казыме А.А. Дунин-Горкавич отметил остяков «звероловов-рыболовов-олeneводов» и в отличие от Н.А.Абрамова, который писал, что «содержание многочисленных стад составляет главнейшую заботливость и богатство Казымских обывателей»,²⁴ указал на малочисленность оленей у казымцев.²⁵ При описании юрт Березовского прихода, включая Казым, малочисленность в них оленей отмечал также и А.И. Якобий.²⁶ Сходные данные о казымском оленеводстве приводит С.И. Руденко, указавший, что летом оленей выпасают на специально огороженных пастбищах и используют их как транспорт и только в период зимнего промысла.²⁷

Более подробно оленеводческая система казымских хантов представлена И.Н. Шуховым.²⁸ Его описания дают нам представление о собственно казымском оленеводстве, а также позволяют уточнить некоторые особенности оленеводства таежного населения Западной Сибири в целом, например, независимость оленеводства от промысловой направленности таежных хозяйств. В частности, в зимний период перекочевки осуществлялись как с целью промысла зверя, так и в связи со сменой оленьих пастбищ.²⁹ Другие признаки таежного оленеводства подтверждают приведенные выше описания, а именно:

применение для защиты от гнуса сараев с дымокурами, использование различных деревянных пут и пастушеской собаки, для ограничения подвижности которой также использовали путы либо стреноживание.³⁰ В XX в. ни территория распространения этой формы оленеводства среди северных хантов, ни основные ее признаки существенных изменений не претерпели.³¹

Итак, литературные источники XIX–XX вв. характеризуют распространение среди северных хантов таежной оленеводческой системы, которая отличается следующими признаками: сезонной оседлостью, зимним транспортным использованием оленя, частичным сочетанием интересов оленеводства и промысла, наличием небольшого стада, специальных сооружений для летнего содержания оленей, а также деревянных колодок для ограничения их подвижности.

Приведенный формальный перечень может быть дополнен конкретными полевыми материалами, фиксирующими остатки оленеводческой традиции у северных хантов в 1970–1980 гг., но и указанные материалы не в состоянии дать нам полное представление об их оленеводстве. Это связано с тем, что в 1930-е гг. в основных таежных центрах распространения оленеводства у северных хантов — на Казыме (пос. Казым), на Сыне (пос. Мужы, Овгорт и Ямгорт), на Куновате (пос. Лопхари и Горки), в районе Березова (пос. Ванзеват и Теги), после коллективизации формируется крупностадное оленеводство, которое вытесняет прежние оленеводческие традиции. Другой особенностью современного оленеводства этого района является то, что оно еще в XIX в.³² развивается прежде всего под влиянием оленеводства коми-ижемцев, которые постоянно откочевывали в зимний период на территории расселения сыньских и куноватских хантов. На Казым коми с оленями переселяются в 1920-х гг.³³ В период коллективизации были обобществлены более многочисленные олени стада коми. Первоначально на Казыме в шести из семи стад были олени коми. До настоящего времени (пос. Казым) большую часть пастухов составляют коми.

Сохранившиеся элементы традиционной для северных хантов оленеводческой системы позволяют выявить ее соответствие способам содержания и использования оленей у других народов тайги Западной Сибири. Небольшие размеры стад, от 10 до 70–100 голов, предопределяли бережное отношение к поголовью. Это транспортное оленеводство. Олени как упряжной транспорт использовались только зимой для перекочевки на охотничьи угодья и их опромышление. В районах промысла перекочевки осуществлялись и в связи с потреб-

ностями оленей в пастбищах. В период зимней охоты олени паслись вблизи стойбища без присмотра. Для ограничения их подвижности использовались разнообразные путы: ошейники — *юх л'ак* («деревянное кольцо»), *сапл'юх* («шейное дерево»), *сапл'л'ак* («шейное кольцо»), к которым привязывали деревянную колодку — *торга*. Вся эта конструкция называлась *вул'ы торга*. На ошейниках ставили меты собственности в виде семейных тамг. В настоящее же время чаще ставятся инициалы владельца оленя. Наряду с шейными путями использовались ножные, так называемые «деревянные башмаки» — *эш юх* («ручное или держащее дерево»), которые одевались на переднюю ногу.

Как уже отмечалось, в весенне-осенний период, когда наступал рыболовный сезон, олени находились на свободном выпасе. В летних юртах, которые семьей, либо группой семей, каждый год ставились на одном месте, сооружался олений сарай — *вул'ы хот* («олений дом»), или теневой навес — *лонгл'* («крыша»), иногда просто дымокур — *пун* («дым»). Последний представлял собой костер, перекрытый дерном и огороженный жердями, поставленными конусом по окружности — *пун хот* («дом дыма»).

Разнообразие терминологии, используемой для построек, защищающих оленей от гнуса и высоких летних температур, позволяет отметить нестабильность традиций их сооружения. В частности, *вул'ы хот* как разновидность наиболее капитальной постройки для летнего содержания оленей в настоящее время практически не встречается, хотя представления о ней сохраняются: это срубная или каркасно-столбовая постройка из бревен или плах, без окон, с высокой и широкой дверью, плоской, покрытой берестой и дерном крышей. О подобных сооружениях, существовавших до коллективизации, можно говорить по отношению ко всем группам северных хантов, практикующих таежное оленеводство. Кроме описательных материалов об оленьих сараях казымских хантов свидетельствуют иконографические источники³⁴ и фотоматериалы.³⁵ Они указывают, что олений сарай казымских хантов, возможно, других территориальных групп, собственно срубным не был. И у И.Н. Шухова, и у В.Н. Чернецова зафиксированы постройки каркасной/каркасно-столбовой конструкции, стены которых образовывали опирающиеся на столбовой каркас деревянные плахи или нетолстые бревна. Такая конструкция соответствует жилым постройкам типа полуземлянок, характерным для обских угров.

Последующая история подобных сооружений определяется обобщением личных оленей и распространением в зоне тайги крупностадного оленеводства. Из разнообразных типов построек в настоящее время здесь сохраняются в основном тентовые навесы, в которых хозяева иногда содержат оленей летом. Тентовые навесы более просты по конструкции и разнообразны по форме, чем собственно *вул'ы хот*, хотя и на них продолжает распространяться тот же термин. В зависимости от величины стада они представлены двумя конструктивными вариантами. Если количество оленей в стаде не превышает десятка, строят дымокур — *пун*, или тентовый забор — *пунес*. Это постройка каркасной конструкции размером 3×3 м, основу ее составляют вертикально поставленные жерди высотой около 2–2,5 м, которые вверху также соединены жердями. Иногда в качестве опорных столбов каркаса могут выступать растущие деревья. Стены и крышу покрывали ветками; ходов, как правило, было несколько. Внутри постройки сооружался дымокур несколько меньших размеров, чем на открытой площадке. Такие сооружения носили временный характер, они строились ежегодно, а в связи с изменением мест рыбалки и несколько раз в течение лета.

Другой вариант постройки для летнего содержания оленей являлся более постоянным. Он использовался и реставрировался в течение всего периода эксплуатации, строился на постоянном месте летней рыбалки семьи, имеющей оленей, и мог использоваться для содержания объединенного стада малооленных хозяйств поселения. Особенности его конструкции позволяли быстро приспособлять постройку к размеру стада. Это тентовый навес, который наряду с названием *вул'ы хот* имеет еще одно обозначение — *лонгл'* («крыша»). Одно из таких сооружений нам удалось наблюдать в 1978 г. на р. Сыня, а по сообщениям информантов, подобные постройки были достаточно типичны и для р. Куноват. Навес представляет собой каркасную постройку, основу которой составляет крыша, опирающаяся на 20 столбов, по 5 столбов в 4 рядах. Собственно перекрытие изготовлено из толстых расколотых пополам по длине плах, которые располагаются на связях верхней части столбов, сверху крыша ежегодно забрасывается ветвями деревьев хвойных пород. Размеры постройки — 12×5,5×1,8 м. Как указывалось, такая постройка довольно легко может быть увеличена постановкой дополнительных рядов опорных столбов. Внутри сооружения ставился дымокур — *пун*. Сами ханты считали такую постройку наиболее удобной. В *лонгл'* олени проводили день, а вечером уходили на пастбища. Для ограничения подвижно-

сти, особенно самцов, использовали *вул'ы торго* или *џи юх*. На шею вожака стада часто одевали металлический колокольчик. По окончании периода гнуса олени уходили в тайгу, где их затем разыскивали поздней осенью, часто по первому снегу.

Отмеченные признаки можно рассматривать как универсальные для таежного оленеводства северных хантов, хотя по всей территории их расселения встречаются незначительные отличия. Так, сынско-куноватские ханты применяли *џи юх* только летом, а при окарауливании оленей с помощью собаки для ограничения ее подвижности использовались не олени, а собачьи шейные путы — *ап торго*. В ряде мест (р. Сыня) с середины зимы перекочевки происходили в пределах территорий пастбищ, олени в основном находились у чума, в то время как охотник уходил в тайгу на лыжах с ручной нартой.

Источники начала XX в. показывают, что процесс редукции этой системы начался еще до коллективизации. Очевидно, что, как и у кетов,³⁶ у хантов оленеводство летом вступало в определенное противоречие с основным сезонным занятием — рыболовством. В частности, в начале 30-х годов XX в. И.Г. Юданов отмечал, что только четыре хозяйства сынских хантов круглый год кочуют с оленями. Остальные с конца апреля и до конца сентября отдают своих оленей на выпас или оставляют с ними часть семьи. Не кочует ряд семей Овгорта, летом у юрт они устраивают дымокуры.³⁷ Окончательное вытеснение таежного оленеводства в районах расселения северных хантов было связано с распространением после коллективизации крупностадного оленеводства.

Практика абсолютно свободного выпаса, встречающаяся у селькупов и кетов, которой свойственно полное отсутствие надзора за оленями, у северных хантов не отмечена.

Наряду с распространением у северных хантов специфических для тайги способов содержания оленей, оленеводческая терминология такой обособленности не фиксирует. Для обозначения оленя ханты применяли различные термины. Собственно оленя называли *вул'и* (к), для остальных территориальных групп — *вул'ы*, дикого — *вэнт вул'и* (к),³⁸ *ут вул'ы*, домашнего — *хот вул'ы* для всех групп. Ручных оленей, которые постоянно находились у чума, называли *авка*. Уже на этих примерах наглядно проявляется особенность хантской оленеводческой терминологии. Она либо собственно хантская описательная, либо, как в последнем случае, ненецкая. То же самое можно отметить и в отношении терминов, которые используются для обозначения возрастных и половых групп домашних оленей. По полу

олени делятся на самцов-производителей — *хор/хот хор*, кастрированных самцов — *хопты*, обычно это ездовые животные, важенок — *не вул'ы*, яловых важенок — *хапторка*.

Для обозначения возрастных групп наряду с хантыйской описательной и самодийской терминологией у северных хантов широко распространена лексика коми. В последующие возрастные периоды олени за исключением функциональных групп обозначались только по полу: *хор* — самцы, *не вул'ы* — самки. У всех групп хантов зафиксирован термин *минурей*, относящийся к вожаку стада. Это же понятие отмечено у коми, ненцев и русских.³⁹

Таблица 1. Оленеводческая терминология северных хантов, дифференцирующая оленей по полу и возрасту

Термин	Описательный	Самодийский	Коми
Новорожденный	ай сую	сую	пеши/пожи
Молодой олень (по полу)	не сую, хор сую		
Олень до года	хор сурты, не сурты	нялоку	
До двух лет		нямноку/намна	

Структура стада в таежном оленеводстве, как правило, не регулировалась. Очевидно, это связано с тем, что при транспортной ориентации оленеводства и малочисленности оленей в хозяйстве в упряжку мог ставиться любой, достигший трехлетнего возраста олень. В то же время, как и везде в оленеводстве, предпочтение отдавалось кастрированным самцам. Оленей кастрировали в полуторагодовалом возрасте ножом — *кежи*, но чаще применяли традиционный для самодийцев способ кастрации зубами — *пека*.

При оценке места оленеводства в культуре северных хантов подчеркивается его транспортная функция. Это нартенное оленеводство. Каких-либо свидетельств о существовании у хантов вьючного или вьючно-верхового оленеводства не зафиксировано. По всем атрибутам (нарта, упряжка, упряжь, посадка и управление), которые являются универсальными типологическими определителями для выделения региональных или этноспецифических вариантов сибирского оленеводства,⁴⁰ олений транспорт северных хантов соответствует ненецкому. Такие соответствия наблюдаются и в лексике, связанной с оленьим транспортом.⁴¹

Оленья упряжка северных хантов — многооленная веерная. В современном крупностадном оленеводстве количество оленей, запрягаемых в нарту, определяется формой упряжки и сезоном. Грузовая упряжка чаще парная. По сообщениям информантов, если оленей в хозяйстве недостаточно, запрягают и одного. В ездовую нарту летом запрягали 4–6, а зимой 3–4 оленя. Распространение летней езды, которая для северных хантов не характерна, позволяет предположить, что в прошлом зимой в ездовую нарту запрягали меньшее количество оленей.

В парной упряжке для обозначения оленей используются следующие термины: левый, передовой — *олн хопты*, или *олн вул'ы* («главный бык, или главный олень»), правый пристяжной — *пелей/пелек*, или *хопты вул'ы*. В многооленной упряжке обозначения для крайних оленей те же, средний — *кутоп хопты/вул'ы* («средний бык/олень»).

Упряжь — *вул'ы кел'* («оленья веревка»), *уухол' кел'* («нарти-веревка»), различалась в грузовой и ездовой упряжках. В последней упряжь состояла из следующих частей: недоуздок — *кел'* («веревка») — ременная обороть с двумя–четырьмя костяными или деревянными пластинками. На лобной кости, под рогами, располагались две Г-образные пластинки — *сем сяну* («глазные пластинки»), на щеках — две плоские прямые — *пал сяну* («ушные пластинки»), которые на затылке соединялись ремешком — *пот л'ак кел'* («черепное веревочное кольцо») и под подбородком связывались *негсен кел'* («нижняя веревка») (к). Недоуздок передового оленя чаще имел только «глазные» пластинки, в то время как для пристяжных применялся недоуздок с полным набором пластинок. Это объясняется тем, что поперечные ремни, соединяющие всех оленей в упряжку, идут от пояса левого к «ушным» пластинкам правого оленя.

Лямка — *л'ак* («кольцо») одевалась на шею или через плечо оленя и имела подгрудный ремешок — *мевел' нюр*. Лямка сбоку внизу соединялась с поясом — *сол' кел'* («широкая веревка»). На поясе передового оленя слева крепился костяной крючок *сул'ки оныт* (к) для поддержания вожжи. Пояса всех оленей справа имели ременное или металлическое кольцо, к которому привязывался поводок или цепь *пел'ек кель* («пристяжная веревка»), соединяющая пояс левого оленя с недоуздкой правого. Потяг — *сыв кел'* (к), *л'ак кел'*, соединял крайних оленей, крепился к лямке и поясу и проходил к нарте между задними ногами животных. С нартой потяг соединялся при помощи деревянных блоков — *лон хал'е*, привязанных к головкам нарты ре-

мешками. Упряжкой управляли при помощи вожжи — *ук кел'*, соединенной с «глазными» пластинками недоуздка передового оленя, а также хореем — *вал'* (к), *сув* — деревянным шестом длиной 4–5 м с небольшой костяной или деревянной втулкой на утонченном конце. Пристязные олени имели такую же упряжь, но отдельный потяг и блок, при помощи которого соединялись с основным потягом крайних оленей.

Упряжь грузовой упряжки отличалась от ездовой. Во-первых, в ней отсутствуют пояса; во-вторых, недоуздок имеет только деревянные «щечные» пластинки либо они отсутствуют вообще. На оленей, идущих в грузовой упряжке в аргише, одевали ошейник *сапл' л'ак*, к которому привязывали длинный повод — *пуши*, соединяющий ошейник и впереди идущую нарту. Кроме того, в грузовой упряжке потяг с нартой мог соединяться не блоками. Он проходил под нащепом и свободно скользил за головками, а его перемещение назад ограничивали шпильки — *нен лун, сем лун* (к), которые вставлялись в отверстия, просверленные в нащепе и головках нарты.

Основным транспортным средством северных хантов является косокопыльная нарта самодийского типа. Процесс изготовления нарты аналогичен описанному у селькупов, кетов, манси и т.д.⁴² Общая конструкция оленьих нарт одина. Копылья — *кур* («нога») от настила наклонены вперед и наружу, их количество колеблется от 2 до 7, располагаются они во второй половине полоза. Полозья — *паты* («дно, низ»), несколько приподняты и заужены сзади, впереди утончаются по высоте, имеют пологий изгиб вперед и круто поднятые фигурные головки — *нёл'* («нос»). Головки полозьев соединены передним вязком — *антос* («главная поперечина») (к), *нетча*, иногда для большей жесткости делается несколько передних вязков, которые располагаются параллельно по высоте. Нащепы — *шойт* (к), *нар* соединены с полозьями в головках и при помощи копыльев. Каждая пара копыльев соединяется вязками сидения — *тос* («поперечина»), на них крепится дощатый настил — *сохл'* («доска»), *паты* («дно») (к). Сиденье ездовых нарт спереди и сзади ограничено спинками — *тундер*.

Особенностью конструкции современных оленьих нарт северных хантов следует считать отсутствие «барана». Нам не удалось наблюдать ни одного случая такой нарты, хотя материалы XIX в. указывают на существование нарты с «бараном» на Кызыме.⁴³

Олени нарты, так же как и упряжка, делятся на две группы, представленные многочисленными функциональными вариантами.

Ездовые или легковые нарты отличаются от грузовых большей высотой, количеством копыльев и наклоном, наличием спинок (задняя спинка более высокая). Они сделаны тщательнее и с точки зрения дизайна имеют динамичный внешний вид. Функционально ездовые нарты можно разделить на мужские и женские.

Мужская нарта — *уухыл'* («нарта»), *вул'ы уухыл'* («оленья нарта»), *ики эхыл'* («мужская нарта») (к), *ёш эых'* («ручная, или нарта, которую держат») (к). В отличие от женской эта нарта более легкая, низкая, у нее меньшая площадь сидения, менее высокие спинки, количество копыльев 3–4, часто присутствуют дополнительные элементы отделки, например, раздвоенные впереди нащепы. Иногда в передней части сидения крепился небольшой деревянный ящичек для боеприпасов и мелких предметов — *ларась*.

Женская нарта — *не уухыл'*, *не эхыл'* (к) («женщины нарта») у северных хантов бытует в виде двух конструктивных вариантов.

1. *Юрн эхыл'* («ненецкая нарта»), *ёш эхыл'* («ручная нарта»), очень редко встречается на Казыме (Амня, Юильск). От мужской такая нарта по всем параметрам отличается размерами. Она имеет большее количество копыльев (обычно 5–6), большую площадь сидения и высокие спинки (задняя до 60 см), которые привязаны ремешками к нащепам, вырезанным из комля березы с использованием прикорневой части. В начале XX в. на Казыме эта нарта зафиксирована И.Н. Шуховым.⁴⁴ Сами ханты подчеркивают традиционность такой нарты и называют ее «старохантыйской».

2. *Не эхыл'* (к), *не уухыл'*, в настоящее время распространена повсеместно. Конструктивно эта разновидность отличается от предыдущей наличием равных по высоте спинок и прикрепленной к ним с правой стороны боковой доски — *нэрт* («доска»). Иногда над таким сидением крепился каркас из таловых прутьев — *хор*, который перекрывался оленьими шкурами. В этом случае нарта называлась *хоран эхыл'* (к), *хоран уухыл'*. Этот тип нарты характерен для оленеводства коми, а следовательно, его можно считать исторически более поздним, в связи с поздним временем распространения оленеводства коми в тайге Западной Сибири.

Современные грузовые нарты представлены более разнообразными функциональными вариантами, что, очевидно, связано опять-таки с распространением в тайге крупностадного оленеводства. По сообщениям информантов, в прошлом в качестве грузовой использовалась женская нарта либо специальная грузовая единого типа — *кур*

эхыл' («ногастая»). На это же указывают и иконографические источники XIX в.

В целом грузовые нарты отличаются от ездовых по следующим признакам: большей массивностью и меньшей тщательностью отделки, меньшим количеством копыльев (2–3) и их наклоном, они чаще не группируются в задней части полоза, а располагаются по всей его длине, нарта менее высокая, настил иногда отсутствует.

Современные функциональные варианты представлены прежде всего нартой, конструктивно мало отличающейся от женской ездовой, это *вандей, сябуча, вант эхыл'* (к), *вант уухыл'*. Основа верхней ее части (нащеп, плоскость сидения и спинки) дополняется двумя боковыми досками, которые образуют коробчатый кузов. Такая нарта, очевидно, является модификацией женской «старохантыйской» и используется для перевозки одежды, продуктов и мелкой утвари, т.е. предметов домашнего и прежде всего женского обихода.

Кроме того, к современному функциональному варианту нарт относятся грузовые нарты, конструктивно отличающиеся от ездовых по вышеперечисленным признакам: нарта для перевозки тяжестей (мешки, бочки, дрова, доски пола чума, печь и т.п.) — *кур эхыл'*, *курам* («ногастая») (к), нарта для перевозки шестов чума — *утыча, хотн юл: эхыл'* («нарта домашнего дерева»), *ул уухыл'* («жердевая нарта»), нарта для продуктов — *лабаз зыхл'* (к), *лабаз уухыл'* («нарта с лабазом»), *хотн уухыл'* («нарта с домом»), *хотн туй уухыл'* («нарта с дорожным домом»). Это грузовая нарта без настила, на вязки которой ставится деревянный ящик с двухскатной крышей, на одном из скатов которой делается дверца. На р.Сыня встречаются нарты *чопу* (ср. *сябу* [нен.]), так называемые «грязные» нарты для перевозки женской постели и обуви. Сохраняются представления и о священной нарте *хогет уухыл'* для перевозки сакральных предметов семьи, но о конструктивных ее особенностях информации нет.

Для обозначения собственно нарты использовался термин *эхыл'* (к), *уухыл'*. В верховьях Казыма нами был зафиксирован еще один термин — *огос*, который употреблялся наравне с основным. Идентифицировать его не удалось, но учитывая, что в каждой этнографической группе хантов бытует свой термин для обозначения нарты, можно предположить, что в верховьях Казыма он может быть и привнесенным. В частности, по литературным свидетельствам можно отметить распространение сходного термина на территории расселения южных хантов. У иртышских хантов П.П. Пекарский отметил термин для обозначения нарты *огол* (в транскрипции),⁴⁵ С.К. Патканов у юж-

ных хантов — *огот*,⁴⁶ Л.Р. Шульц у салымских хантов — *огот*.⁴⁷ Это понятие применялось как для ручной/собачьей, так и для оленьей нарты. Эти соответствия позволяют предположить, что на Казыме данное понятие появляется в связи с переселением сюда выходцев с Прииртышской Оби. Связи казымского оленеводства с Юганом в настоящее время фиксируются достаточно определенно.⁴⁸

Олений транспорт и, в частности, нарта оказал определенное влияние на конструкцию конских саней, распространенных на территории проживания северных хантов. В конской упряжке зимой используются сани, которые называются *л'уу эхыл'* (к), *л'уу уухыл'* — «лошадиные нарты». Обычно это невысокая 3–4-косокопыльная нарта. Копылья располагаются по всей длине полоза, настил идет от головного вязака. Лошадь в такую нарту запрягается в оглобли, в конскую упряжь. Ездая нарта сзади ограничена плетеным каркасом — *кашева*. В данном случае мы имеем дело не с пережитками скотоводческого субстрата в культуре обских угров, а с более поздним распространением русскими конского транспорта в Западной Сибири. Иконографические источники фиксируют такую нарту у хантов в XIX в.

Примечания

¹ Чернецов В.Н. Термины средств передвижения в мансийском языке // Памяти В.Г.Богораза (1865–1936). Л., 1937. С. 34; Лукина Н.В. Об этнических связях ваховско-васюганских хантов // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972. С. 81; Козьмин В.А. К вопросу о времени появления оленеводства у обских угров // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 163–170.

² Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск, 1985. С. 144.

³ Лукина Н.В. Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 12.

⁴ Козьмин В.А. К вопросу о времени появления оленеводства у обских угров. С. 163–167.

⁵ Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 100.

⁶ Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970; Соколова З.П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 206–207; Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1976. С. 125–126.

⁷ Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 86.

⁸ Перевалова Е.В. Этническая история северных хантов (обдорско-куноватская группа) в XVII — начале XX вв.: Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1997.

⁹ Головнев А.В. Историческая типология ... С. 86.

¹⁰ Зуев В.Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедов // Материалы по этнографии Сибири XVIII в. ТИЭ. 1947. Т. 5. С. 30.

¹¹ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в.. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 152–154.

¹² Оленеводство Тобольского Севера в цифрах. Тобольск, 1930; см. также: Старцев Г.А. Остяки. Л., 1928. С. 18.

¹³ Головнев А.В. Историческая типология ... С. 82.

¹⁴ Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Зап. РГО. 1857. Кн. 12. С. 389–390; Дунин-Горкавич А.А. Очерк народностей Тобольского Севера // ИРГО. Вып. 40. СПб., 1904. С. 41, 52–53.

¹⁵ Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири, 1838–1844, 1845–1849 // Магазин земледения и путешествий. 1860. Т. 6. Ч. 2. С. 193; Юданов И.Г. Река Сыня и ее значение для рыболовства Обско-го Севера. Л., 1932. С. 43.

¹⁶ Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии ... С. 193; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь ... С. 154; Гофман Э. Северный Урал и Береговой хребет Пайхой. СПб., 1856. Т. II. С. 50.

¹⁷ Житков Б.М. Полуостров Ямал // Зап. ИРГО по общ. геогр. СПб., 1913. Т. 49. С. 207.

¹⁸ Головнев А.В. Историческая типология ... С. 86.

¹⁹ Абрамов Н.А. Описание Березовского края. С. 390.

²⁰ Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ямал. СПб., 1868. С. 76.

²¹ Абрамов Н.А. Описание Березовского края. С. 395.

²² Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ямал. С. 76.

²³ Дунин-Горкавич А.А. Север Тобольской губернии // ЕТГМ. 1897. Т. VIII. С. 66.

²⁴ Абрамов Н.А. Описание Березовского края. С. 396.

²⁵ Дунин-Горкавич А.А. Очерк народностей Тобольского Севера. С. 41.

²⁶ Якобий А.И. Остяки северной части Тобольской губернии // ЕТГМ. 1895. Вып. IV. С. 9–15.

²⁷ Руденко С.И. Иногородцы Нижней Оби // Тр. об-ва землед. при СПб. ун-те. 1914. Т. II. С. 31.

28 Шухов И.Н. 1) Река Казым и ее обитатели // ЕТГМ. 1915. Вып. 26; 2) Из отчета о поездке весной 1914 г. к казымским остякам // Сб. МАЭ. 1916. Вып. 3.

²⁹ Шухов И.Н. Река Казым ... С. 29, 37.

³⁰ Там же. С. 29–38.

- ³¹ Юданов И.Г. Река Сыня... С. 45; Соколова З.П. Ханты рр. Сыня и Куноват (этнографические очерки) // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972. С. 22.
- ³² Дунин-Горкавич А.А. Очерк народностей Тобольского Севера. С. 57–59.
- ³³ Прыткова Н.Ф. Материалы по оленеводству зырян (Казым) // Архив МАЭ. Ф. 18. Оп. 1. № 1. Л. 1.
- ³⁴ Чернецов В.Н. Быт хантов по рисункам XIX в. // Сб. МАЭ. 1949. Т. I. С. 21, 25.
- ³⁵ Фотоархив МАЭ. И.Н. Шухов. 1914. № 2421-14, 2421-15, 2421-81.
- ³⁶ Алексееенко Е.А. 1) Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967. С. 66, 69–70; 2) Оленеводство у кетов // Кетский сборник: Мифология, этнография, тексты. М., 1969. С. 115, 122.
- ³⁷ Юданов И.Г. Река Сыня ... С. 43–44.
- ³⁸ (к) — казымские ханты.
- ³⁹ Герд А.С. Введение в этнолингвистику. Учебное пособие. СПб., 1995. С. 69–70.
- ⁴⁰ Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1.
- ⁴¹ Чернецов В.Н. Языки и письменность народов Севера. Л., 1937. Ч. II. С. 125, 191; Donner K. Über das Alter ostjakischen und wogulischen Renttierzucht // Anzeiger der finnisch-ugrischen Forschungen. 1927. В. XVIII. S. 116.
- ⁴² Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1970. С. 144–146; Алексееенко Е.А. Средства передвижения кетов // ТИЭ. 1961. Т. 64. С. 74–75; Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994. С. 87–88.
- ⁴³ Чернецов В.Н. Быт хантов по рисункам XIX в.
- ⁴⁴ Шухов И.Н. Река Казым ... С. 38; Фотоархив МАЭ. И.Н. Шухов. 1914. № 2421-62.
- ⁴⁵ Пекарский П.П. Путешествие академика Н.И.Делия в Березов в 1840 г. // Прилож. к Зап. АН. 1865. Т. 6. С. 19.
- ⁴⁶ Патканов С.К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891. С. 34.
- ⁴⁷ Шульц Л.Р. Салымские остяки // Зап. Тюменского об-ва изуч. местн. края. 1924. Вып. I. С. 182.
- ⁴⁸ Лукина Н.В. Формирование материальной культуры ... С. 141; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. С. 74; Федорова Е.Г. О возможных путях становления обско-угорского оленеводства // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1995. С. 194.

Восточные ханты

Необходимость самостоятельного описания оленеводства восточных хантов вызвана, с одной стороны, степенью его изученности, с другой — местом, занимаемым в исследовании генезиса оленеводческих традиций западносибирских народов. Н.В. Лукина отметила, что сравнительно-исторический анализ оленеводства восточных хантов затруднен ввиду отсутствия сопоставительного материала по оленеводству северных угров.¹ К настоящему времени такой материал имеется, что позволяет сопоставить оленеводческие традиции северных и восточных хантов.

В пределах территории расселения восточных хантов оленеводство встречается не везде. На конец XIX — начало XX в. А.А. Дунин-Горкавич отметил существование «звероловов-рыболовов-олeneводо-вов» на Пиме, Тромъегане, Агане, оленеводство которых «подсобно и малочисленно». Аналогичная ситуация отмечена им и в отношении Ваха и Югана.² К последней четверти XX в. ни районы распространения, ни количественная характеристика оленеводства восточных хантов не изменились.³

Обширная литература и детальные описания оленеводческой культуры восточных хантов позволяют остановиться на обобщенной его характеристике.

Типологически оленеводство восточных хантов можно определить как таежное. Это транспортное зимнее оленеводство. Его роль в промысловой охоте на Вахе наглядно представлена М.Б. Шатиловым. В частности, исследователь писал, что использование оленьей упряжки в период зимней охоты значительно повышает эффективность последней. Так, в 49 оленных хозяйствах Ваха на одно хозяйство приходилось 551 белок, в то время как в 56 безоленных — 163,5 белок.⁴ Вместе с тем можно отметить, что здесь, как и у северных хантов, сезонные перекочевки были связаны не только с промыслом, но и с потребностями оленей в пастбищах,⁵ хотя для ваховских хантов, оленеводство которых Н.В. Лукина считает наименее совершенным,⁶ перекочевки определялись прежде всего потребностями промысла.⁷ Очевидно, то же самое было свойственно и оленеводству Агана.⁸

Вопреки указанию Н.В. Лукиной на значимые различия в системе содержания оленей хантами,⁹ можно отметить многочисленные универсалии. Так, в период зимнего промысла оленей выпасают у стойбища, летом либо объединяют стада нескольких хозяйств под наблюдение специально выделяемого пастуха, либо, если такой возможно-

сти нет, отпускают на свободный выпас. Как и северные ханты, восточные¹⁰ практически повсеместно использовали олени сараи относительно однообразной формы. Они строились из бревен, рубились «в угол», имели земляной пол и двухскатную крышу на слегах. Такая постройка конструктивно соответствует летнему жилищу. У нее один вход, он широкий, загорожен решетками. Размеры сарая зависят от величины стада. При средних размерах 5×7 м для больших стад ставили несколько сараев.¹¹ Как отмечалось, срубные сараи были известны и в оленеводстве северных хантов, но впоследствии в связи с распространением на их территории крупностадного оленеводства и редукции традиции таежного оленеводства они были заменены более простыми конструкциями типа теневых навесов.

С сараями использовались дымокуры различной формы. Северные ханты применяли дымокуры, конструктивно соответствующие громьеганским,¹² возможно, ваховским.¹³

В сараях олени содержались только в период гнуса. Осенью их отпускали в тайгу до первого снега. Вероятно, особенностью оленеводства восточных хантов следует считать распространение специальных изгородей, в которых олени содержались после окончания летнего периода до промысла.¹⁴ У восточных хантов, как и у северных, изгороди распространены не везде. В частности, С.И. Руденко отмечал, что на Казыме летом оленей пасут на специально огороженных пастбищах.¹⁵ Полевые материалы дают представление о существовании в прошлом у казымских хантов «огородов» или «огородок» для летне-осеннего выпаса оленей, хотя данных об их конструкции не сохранилось.

Набор предметов оленеводческого инвентаря восточных хантов соответствует северохантыйскому. У восточных хантов повсеместно распространены деревянные «башмаки» различной формы (зимние и летние), по нашим наблюдениям, аналогичные известным в оленеводстве лесных ненцев, селькупов и северных хантов. Наиболее подвижным оленям на шею вешали рогульку или доску.

Из отличительных черт оленеводческого инвентаря восточных хантов можно отметить использование специальных молотков для забивания шпилек в «башмак», сезонных видов «башмаков», шейных досок.¹⁶ У северных хантов оленеводческий инвентарь менее разнообразен: у них не встречаются колья для привязывания оленей. В то же время лопатки для заготовки мха для дымокура, отмеченные Н.В. Лукиной у восточных хантов,¹⁷ фиксируются и на Казыме.

Существенным признаком, сближающим оленеводческие традиции двух этнографических групп хантов, является ограниченное применение оленегонной собаки восточными хантами. Зачастую она вообще не используется, а в случае необходимости поиска и сбора оленей применяются охотничьи собаки.¹⁸ Эти факты подтверждают положение, согласно которому оленегон появляется только в крупностадном тундровом оленеводстве северных самодийцев и таежному функционально не свойственен.

Из других оленеводческих традиций восточных хантов можно отметить сходные с северными способы кастрации и форму мет,¹⁹ хотя у восточных хантов последняя более вариативна.

Таким образом, сопоставление оленеводческих систем северных и восточных хантов подтверждает вывод Н.В. Лукиной о том, что при распространении среди восточных хантов в основном таежного оленеводства здесь отмечаются некоторые признаки региональной специфики даже по отношению к северным хантам.²⁰ На наш взгляд, эти признаки недостаточно показательны с точки зрения их генетической значимости. Скорее это частные явления, которые соответствуют принципу вариативности элементов этноспецифической культуры.

Олений транспорт восточных хантов относится к самодийскому типу, но, как отмечает Н.В. Лукина, он менее совершенный, чем собственно ненецкий.²¹ Оленья упряжка, вне зависимости от назначения, всегда парная. На Агане в большой снег подпрягали дополнительного оленя, упряжь которого не имела пояса.²² Оленья упряжь варьируется по конструкции. Ездовая в целом соответствует северохантыйской, грузовая отличается от легковой формой недоузтков — они состоят только из ременной обороти и двух «щечных» пластинок, а также отсутствием поясов и вожжи.²³ Важно отметить, что грузовая упряжь восточных хантов отличалась от упряжи северных. В частности, в грузовой упряжке северных хантов недоуздки часто отсутствуют в том случае, если нарты идут в аргише. Соединение упряжки с нартой в легковой и грузовой упряжке блочное, для перевозки шестов чума на Агане использовался безблочный тип соединения. В последнем случае потяг пропускался через отверстия в переднем вязке нарты.²⁴ Подобный же способ соединения упряжки с нартой (именно с нартой для перевозки шестов чума) мы встречали у лесных ненцев. Аналогично соединяют упряжку и нарты северные ханты, у которых этот принцип распространен на все варианты грузовых нарт, но потяг пропускается не через передний вязок, а за головками нарты.

Оленьи нарты восточных хантов, судя по описаниям, представлены только четырьмя вариантами. Ездовые, мужские и женские конструктивно соответствуют нартам северных хантов. Интересно отметить, что женская нарта восточных хантов²⁵ аналогична «северохантыйской» нарте северных хантов. У восточных хантов женская нарта с коробчатым сидением не фиксируется. Грузовые нарты представлены двумя вариантами — с ящиком и без него.²⁶ Оба они известны и северным хантам. Как указывалось выше, разнообразие функциональных типов грузовых нарт в оленеводстве северных хантов следует связывать с более поздним периодом распространения в тайге элементов крупностадного оленеводства, в то время как еще в XIX в. северохантыйские грузовые нарты по составу соответствовали восточнохантыйским. На основании этих фактов едва ли справедливо полагать, что относительное единообразие типов грузовых нарт у восточных хантов иллюстрирует специфику их оленьего транспорта.

Итак, сравнительное описание оленеводства восточных и северных хантов показывает, что за исключением незначительных частности в своей функциональной и атрибутивной основе их традиции практически идентичны. В связи с этим необходимо еще раз обратить внимание на мнение о том, что оленеводство восточных хантов отлично от ненецкого.²⁷ Н.В. Лукина несомненно права в том, что современное оленеводство тундровых ненцев отличается от оленеводства народов западносибирской тайги.²⁸ Но если исходить из того, что тундровое оленеводство представляет собой дальнейшее развитие таежного, но в иных экологических, социально-экономических и исторических условиях, речь должна идти о соответствии либо отличиях оленеводства восточных хантов от таежного оленеводства самодийцев, манси, северных хантов и т.д. На наш взгляд, веских фактов в пользу существования таких отличий нет. Это позволяет утверждать, что оленеводческие традиции восточных хантов соответствовали традициям других народов Западной Сибири.

В ряде работ по оленеводству восточных хантов Н.В. Лукина много внимания уделяет оленеводческой терминологии, указывая на то, что в ней собственно ненецкая лексика единична, а большинство терминов объяснимо из хантыйского языка.²⁹

Если обратиться к лексике народов, которым известно оленеводство (восточные и северные ханты, манси, кеты, коми-ижемцы), можно отметить одну универсалию. У каждого из них существует стандартный набор понятий, связанных с обозначением средствами собственных языков таких объектов, как «олень» и «нарта», т.е. того, что

связано не только с оленеводством, но известно также таежным промысловым культурам. Прочие понятия домашнего оленеводства (половозрастная структура стада, функциональные группы, функциональные типы нарт, детали упряжи и т.п.) либо производны от самодейской лексики, либо описательны, созданы комбинированием понятий, входящих в словарный фонд языка конкретного народа. Именно поэтому часть оленеводческой лексики и объяснима особенностями его языка. Можно сравнить ряд терминов, обозначающих оленей: *новтэ* (ВХ) = *неты* (сам.) — «важенка», *сурты новтэ* (ВХ) — «двухгодовалая самка», *сурты кофты* (ВХ) — «кастрированный самец», *хор сурты* (СХ) — «годовалый самец», *не сурты* (СХ) — «самка», *кофта вэли* (ВХ) = *хабт* (сам.), *кар* (ВХ) = *хора* (сам.) — «самец-производитель», в то время как олень вообще — *вэли* (ВХ).³⁰

Однако все эти факты, даже при безусловном признании наличия в восточнохантыйском оленеводстве ряда специфических черт, не позволяют столь категорично противопоставлять его (прежде всего с точки зрения его происхождения) оленеводству других народов западносибирской тайги. Существенным дополнением факта заимствования уграми оленеводства от самодейцев является то, что везде, где ханты и манси практикуют оленеводство, причем таежное, транспортное, исследователи отмечают наличие самодейского чума. Так, распространение «типично ненецкого чума» З.П. Соколова фиксирует на Северном Урале вплоть до Чердыни, по Сосьве с притоками, на Нижней Оби и Казыме, а также по Агану, Югану, Тромьюгану и Пиму.³¹ Е.Г. Федорова замечает, что юганские ханты собственного чума не имели и считали его пимским. В связи с этим она ставит вопрос о существовании обско-угорского чума вообще.³²

Примечания

¹ Лукина Н.В. Материалы по оленеводству восточных хантов (конец XIX — 70-е годы XX в.) // СЭ. 1979. № 6. С. 118.

² Дунин-Горкавич А.А. Очерк народностей Тобольского Севера // ИРГО. Вып. 40. 1904. С. 41.

³ Лукина Н.В. Материалы по оленеводству ... С. 110, 117.

⁴ Шатилов М.Б. Ваховские остяки // ТТКМ. 1931. Т. 4. С. 134.

⁵ Лукина Н.В. Материалы по оленеводству ... С. 112.

⁶ Там же. С. 118.

⁷ Лукина Н.В. Оленеводство ваховских хантов // Из истории Сибири. Вып. 5. Томск, 1973. С. 149, 162. — Впоследствии в монографии о восточных хантах ее авторы, в том числе и Н.В. Лукина, отмечали, что в оленеводческих хозяйствах Ваха годовой цикл кочевания строился, в частности, и в зависимо-

сти от нужд оленеводства (см.: Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв. Этнографические очерки. Томск, 1977. С. 14).

⁸ Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Титаренко Е.М. Ханты р. Аган (По материалам экспедиции 1972 г.) // Из истории Сибири. Вып. 16. Томск, 1975. С. 132.

⁹ Лукина Н.В. Материалы по оленеводству... С. 119.

¹⁰ Там же. С. 112–113.

¹¹ Там же. С. 114.

¹² Там же.

¹³ Лукина Н.В. Оленеводство ваховских хантов. С. 152.

¹⁴ Лукина Н.В. Материалы по оленеводству... С. 113.

¹⁵ Руденко С.И. Инородцы Нижней Оби // Тр. Об-во землевед. При СПб. ун-те. 1914. Т. III. С. 31.

¹⁶ Лукина Н.В. Материалы по оленеводству... С. 116.

¹⁷ Там же. С. 116.

¹⁸ Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Титаренко Е.М. Ханты р. Аган. С. 132; Лукина Н.В. 1) Оленеводство ваховских хантов. С. 150. 2) Материалы по оленеводству... С. 116.

¹⁹ Лукина Н.В. Там же. С. 111, 113.

²⁰ Там же. С. 119.

²¹ Лукина Н.В. Материальная культура васюганско-ваховских хантов в конце XIX — начале XX вв. Канд. дис. Томск, 1972. АМАЭ. К. V. Оп. I. № 600. а). Л. 70.

²² Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Титаренко Е.М. Ханты р. Аган. С. 139–140.

²³ Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. С. 61–63.

²⁴ Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Титаренко Е.М. Ханты р. Аган. С. 140.

²⁵ Там же. С. 140; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. С. 53.

²⁶ Там же. С. 63–65.

²⁷ Лукина Н.В. Материалы по оленеводству... С. 120.

²⁸ Лукина Н.В. 1) Материалы по оленеводству... С. 120; 2) Оленеводство ваховских хантов. С. 164; 3) Материальная культура... Л. 70–71.

²⁹ Лукина Н.В. 1) Материалы по оленеводству... С. 120; 2) Оленеводство ваховских хантов. С. 164; 3) Материальная культура... Л. 70–71.

³⁰ Терминология восточных хантов по Н.В. Лукиной. В нашем тексте — (ВХ). Лукина Н.В. Оленеводство ваховских хантов. С. 147. По другим территориальным группам возможна иная терминология. См.: Лукина Н.В. Материалы по оленеводству... С. 121. Самодийская терминология по Л.В. Хомич. В нашем тексте — (сам.), северные ханты — (СХ). См.: Хомич Л.В. Ненцы. Л., 1966. С. 55.

³¹ Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров. Сибирский этнографический сборник. № 5 // ТИЭ. 1963. Т. 84. С. 189.

³² Федорова Е.Г. О возможных путях становления обско-угорского оленеводства // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1995. С. 197.

Северные манси

Сосьвинско-ляпинские манси образуют территориальное подразделение северной этнографической группы народа, культурная специфика которой определяется, в числе других черт, и наличием здесь оленеводства. Это подразделение манси формируется сравнительно поздно. В.Г. Бабаков пишет, что еще в XVI–XVII вв. Сосьвинская и Ляпинская волости были заселены хантами,¹ З.П. Соколова определяет время формирования сосьвинско-ляпинских манси XVIII–XIX вв. Значительное влияние на формирование региональной специфики культуры северных манси оказали северные ханты.² Рассматривая историографию этого вопроса, Е.Г. Федорова считает, что определить точные хронологические рамки процесса сложно.³

Дополнительной возможностью уточнения времени формирования северных манси является исследование места оленеводства в их культуре. Было ли оно известно манси в пределах более южных территорий, либо же они осваивают домашнее оленеводство по мере расселения на север и восток в ходе непосредственных территориальных контактов с северными хантами, самодийцами и коми-ижемцами? В письменных источниках встречаются упоминания о мансийском оленеводстве на территории, занятой современными южными манси. В Ремезовской летописи (конец XVII в.) говорится: «...Тагил, Тура пали в Тобол и по ним живут Вогуличи, ездят на оленях...».⁴ На рубеже XX столетия оленеводство было известно не только зауральским, но и приуральским манси.⁵

Весь облик мансийского оленеводства, терминология, функциональная обусловленность оленеводческих атрибутов и, что весьма существенно, «выходящее за рамки представлений о специфике чисто мансийской культуры отношение к ним как к чуждым элементам»⁶ традиционно позволяют исследователям говорить о заимствовании оленеводства манси. Однако, несмотря на динамику формирования северной этнографической группы манси, очевидно, что оленеводство самодийского типа они восприняли не от северных хантов, а скорее от

ляпинских ненцев, которые в XVII—XVIII вв. кочевали в пределах Ляпинской волости⁷ и только со второй половины XIX в. ушли в северные тундры.⁸ Как отмечает В.И. Васильев, ляпинские самоеды имели длительные хозяйственно-культурные и семейно-брачные контакты с манси.⁹ Современный уровень исследования истории мансийского оленеводства дает возможность уточнить вопрос о времени и территориях культурного взаимодействия манси с ненецким населением. А.В. Головнев считает, что на стадии отгонного оленеводства (XV—XVI вв.) таежные самодийцы проникали далеко на юг, и уже в это время на Среднем Урале манси заимствовали оленеводство у местных ненцев и затем продвинулись на север в качестве горно-таежных оленеводов,¹⁰ что можно рассматривать в качестве еще одного фактора, определившего этническую историю манси.

Заимствование оленеводства манси от ненцев подтверждается тем, что северные манси не знали таежного оленеводства. Как и ляпинским самоедам, им было известно если не кочевое, то отгонное оленеводство. Данный тезис был сформулирован нами в ряде работ.¹¹ На это же указывают многочисленные литературные свидетельства.

В XVIII в. И.Г. Георги писал о манси: «Ближайшие к северу сиречь около вышней Вишеры и Колвы, живущие, содержат по примеру Самоядов одних только оленей».¹² К концу того же века относится интересное упоминание о системе кочевания манси. Согласно этому описанию манси, занимаясь промыслом, пасут оленей в Приуралье и по Печоре, а также на Урале, но совместно с самоедами. Осенью они уходят за «Поясовой хребет», «зимой уезжают за Камень и живут Маньцы в юртах при реке Сосьве в Тобольской губернии, а Самояди в лесах и в своих чумах». Здесь же упоминается, что «и некоторые (манси. — В.К.) во все летнее время упражняются в рыбной ловле, а другие — в пасьбе оленей».¹³ В XIX в. С. Мельников отмечал, что манси приходят на Печору из Сосьвинских юрт Березовского уезда.¹⁴ По сообщению Э. Гофмана, оленные манси летом кочуют по Уралу до 65° с. ш., а зимой откочевывают на Сосьву и Лозьву в свои юрты.¹⁵ Н.В. Сорокин писал о том, что манси летом отгоняли оленей к Ледовитому океану,¹⁶ а Н.И. Кузнецов — что манси весной с оленями и семьей уходят на Урал, где живут в берестяных чумах.¹⁷

Н.Л. Гондатти, который оставил наиболее полное описание оленеводства манси, фиксирует его отгонный характер. Осенью, до прихода оленей с Урала, переезды осуществляли на собаках.¹⁸ Согласно И.Н. Глушкову, летом большинство чердынских вогул откочевывают на Урал.¹⁹ К.Д. Носилов также обратил внимание, что еще в октябре

олени не спустились с Урала и местные переезды осуществляются на собаках.²⁰ А.А. Дунин-Горкавич отмечал, что «Сосьвинские и Ляпинские остяки и вогулы летом пасут свои олени стада по восточному склону Урала, вне лесов, в полосе кормовых трав и мхов».²¹ Наши полевые материалы также указывают на то, что ляпинские манси (п. Саранпауль, Щекурья, Ясунт) таежного оленеводства не знали. Все это подтверждает положение о том, что в мансийском оленеводстве отсутствуют признаки, характерные для транспортного промыслового оленеводства («таежного оленеводства») Западной Сибири.

Как можно интерпретировать этот вывод? Во-первых, речь может идти о позднем времени формирования северной этнографической группы северных манси в пределах Западной Сибири и их давних хозяйственно-культурных связях с ляпинскими «самоедами», оленеводство которых, очевидно, изначально было отгонным.

Во-вторых, можно утвердительно ответить на вопрос о более подвижном образе жизни манси, связанном со значительной ролью в их хозяйстве охоты, что устраняет противоречие между основным летним занятием жителей тайги, рыболовством и оленеводством.

В-третьих, важным является такой фактор, как близость летних оленьих пастбищ на Урале, которые располагались на расстоянии 100–150 км от территорий расселения ляпинских манси.

Вместе с тем в литературе встречаются разрозненные упоминания об элементах таежного оленеводства.

В частности, в перечне предметов мансийской культуры коллекции Н.Л. Гондатти представлено «деревянное кольцо с рогулькой *са-ли сып ив*, а само кольцо называется *сып ив ляк*».²² У К.Д. Носилова есть упоминание о том, что оленям, которые зимой паслись у стойбища, на шею одевались колокольчики.²³ А.А. Дунин-Горкавич указывает, что зимой и летом олени у манси пасутся на одном месте, хотя конкретно места и способы пастбы он не называет. В конце зимы олени даже сами могли уйти на Урал. В «умеренное» лето перекочевки осуществлялись два-три раза, в жаркое — более часто.²⁴

Эти свидетельства не дают определенного представления о существовании навыков таежного оленеводства у манси. Скорее, все это — факты индивидуальных мотиваций конкретных людей. Но полностью исключать влияние хантыйского оленеводства нельзя.

Упомянутое выше деревянное кольцо с рогулькой, которое называется *сып ив ляк*, терминологически и конструктивно соответствует хантыйскому оленьему ошейнику *сап' лак'*. З.П. Соколова указывает на существование у ляпинских манси специальных хозяйственных

построек — срубного оленьего сарая, ссылаясь на фотоколлекцию И.Н. Шухова (№ 2421-81).²⁵ Вероятно, автором здесь допущена неточность, поскольку И.Н. Шухов на Ляпине не был, а на упомянутой фотографии стоит подпись «Оленный сарай. Казым».²⁶ Существует еще одно свидетельство З.П. Соколовой — о том, что на Ляпине «иногда для защиты оленей от комаров использовали *саз-кол* — чум, крытый берестой».²⁷ Это либо единичное, либо позднее явление, но что указывает название постройки — *саз кол* («берестяной чум»), что соответствует названию летней временной постройки у манси. У других народов, у которых существует практика строительства оленьих сараев, они имеют самостоятельное название, хотя, как и в данном случае, такие постройки производны от жилища.

Нам встретилось еще одно изображение оленьего сарая, связанное с территорией манси. Под фотографией, принадлежащей У.Т. Сирелиусу, указано: «Укрытие, построенное для оленей, с дымокурором, защищающим от комаров (*Sygva, Lobomosh*)».²⁸ Абсолютное конструктивное соответствие данного сооружения теневым навесам, которые распространены по Сыне и Куновату, не исключает влияния хантов.

Современное состояние мансийского оленеводства охарактеризовано Е.Г. Федоровой,²⁹ поэтому мы остановимся только на описании основных черт традиционной оленеводческой системы северных манси. В настоящее время ее пережитки фиксируются в выделяемом Е.Г. Федоровой «первом виде современного мансийского оленеводства», отчасти сохранившемся у небольшой изолированной группы верхнелозьвинских манси.³⁰

Оленеводство как зауральских, так и приуральских манси можно охарактеризовать как отгонное. В течение лета олени выпасались на горных пастбищах Урала, где оленеводы полутно занимались промыслом, в зимний период олени использовались как транспорт на охоте. Место оленеводства в мансийском хозяйстве отражено в схеме П.И. Сосунова, который в Западной Сибири наряду с «тундровым оленеводством» и «оленеводством на Казыме» выделил и «оленеводство Восточного Урала».³¹

Манси имели небольшие стада, хотя литература дает самые противоречивые сведения об их поголовье — от «нескольких тысяч на хозяйство»³² до нескольких десятков.³³ Наши полевые материалы совпадают с последними сведениями о том, что в конце XIX в. на одно мансийское хозяйство приходилось от 10 до 60 оленей.³⁴ Упоминания об относительной многочисленности оленей в отдельных хозяйствах манси являются либо единичными,³⁵ либо этот факт можно связать с

практикой сезонного объединения личных стад для совместного выпаса на Урале.

Другой особенностью оленеводства северных манси, отличающей их от народов западносибирской тайги, следует считать ориентацию на утилизацию продуктов, получаемых от домашнего оленя. Так, Н.Л. Гондатти, И.Н. Глушков, Е.Г. Федорова отмечали, что от оленя манси получали мясо и шкуру, олень был не только транспортным животным, но и широко использовался в натуральном обмене, входил в состав калыма, был жертвенным животным.³⁶ По этим показателям оленеводство северных манси близко ненецкому тундровому.

Оленеводческая терминология северных манси по своему составу соответствует хантыйской.³⁷ Специального термина для обозначения домашнего оленя не существует, как и дикий, он называется *сали*. Самец — *ойка сали* («старик, женатый мужчина») (Г),³⁸ самка — *нэви сали* («женщина-олень») (Ч).

Терминология возрастных групп соответствует хантыйской, в основном она ненецкая или коми-ижемская. Новорожденный олень — *пазы, пазых* (Г), слово совпадает с термином для обозначения шкуры новорожденного оленя. Олень до года — *пешка* (Г), годовалый — *сурди хор* («самец») (Г), *сурди* («самка») (Г), *сурты* («самка») (Ч), двухгодовалый — *сурты* («самка»), *номна* («самец»), *хонт, хар* («самец») (Г), *не сали* («самка») (Г), трехгодовалый — *неви сали* («самка»), *хар* («самец»), *хапт* («кастрированный самец»).

Оленей кастрировали осенью в возрасте 2–3 лет, в основном бескровным способом — зубами или палкой. Кровавая кастрация ножом практиковалась редко.

В упряжке использовали как самцов *сунын сали* («нартенный олень») (Г), так и самок — *сунын не сали* (Г).

Олений транспорт северных манси — нартенный, самодийского типа, в отличие от хантов, у северных манси использовался не только зимой, но и летом. Мансийская упряжка — многооленная, веерная. Зимой она состояла из 2–4 оленей, летом — 4–6. Зимняя грузовая упряжка — парная. В ездовой упряжке передовым является левый олень — *сара сали* (Г), правый — *оуль сали* (Г), средние — *котль сали* (Г).

Ездовая и грузовая оленья упряжь различалась по конструкции. Общий термин для упряжи — *сунын куалы* («нартенная веревка») (?). Ездовая упряжь состоит из недоуздка, лямки, пояса, вожжи и потяга. Недоуздок называется *сану* (Ч). Н.Л. Гондатти приводит иной термин — *пал куалых*. Недоуздок на передового левого назывался *сара*

сали пал куалых, правого — *оуль сали пал куалых*, средних — *котль сали пал куалых* (Г). Недоуздок усилен костяными пластинками *сану* (Ч); у передового оленя в недоуздке четыре пластинки — две Г-образные — *сар сали сянва* (Г) и две плоские щечные, у пристяжных — только щечные пластинки. Лямка — *вахлан* (Г), одевалась либо на шею оленя, либо через плечо и на груди поддерживалась грудным ремешком, а затем соединялась с поясом — *сол куалы* (Г). На поясе левого оленя слева крепился крючок — *халь салив* (Г) для поддержания вожжи, справа — ременная петля для поводка от оленя, идущего справа.

Потяг — *лях куалых* (Г), один на крайних оленей, соединялся с упряжкой в месте крепления лямки с поясом, а к нарте проходил через блоки — *лонх сали* (Г), *лон халы*. Блоки делались из рога или кости, иногда заменялись металлическими кольцами — *кер лон халы*. Крепились блоки ремешками — *хурули лонхх сали* (Г), к нащепам через отверстия в головках полоза нарты. Управление упряжкой осуществлялось при помощи вожжи — *ноль куалых* (Г), и хорея — *сув*.

Грузовая упряжь в целом также аналогична хантыйской. В ней отсутствовали пояса, недоуздок нередко заменялся поводком, соединяющим лямку оленя с идущей впереди нартой. Крепление оленей к нарте чаще безблочное, как и у хантов, лесных ненцев, потяг фиксировался на головках при помощи шпилек — *сун нел*.

Основным средством передвижения является косокопыльная нарта. Общее понятие, которое манси используют для обозначения нарты — *сун*, как и в отношении других типов нарт — *мань сун* («маленькая, или ручная нарта»), *ампак сун* («собачья нарта»), к оленьей — *сали сун* («оленья нарта»), применялся описательный термин. Процесс изготовления и материал, из которого изготавливались олени нарты, у манси те же, что и у других оленеводов Западной Сибири.³⁹

Основные конструктивные элементы мансийских оленьих нарт, вне зависимости от функционального назначения, едины. Нарта имеет от 2 до 6 косых копыльев — *сун лайл* («ноги нарты»), которые соединяют нащепы — *сайт*, с круто загнутыми в передней части полозьями — *пата*, *сун пата*. Полозья в утолщающихся головках соединены передним вязком — *нечча*, которых может быть несколько. На задних вязках — *тос*, попарно соединяющих копылья, располагается дощатый настил — *парт*. Площадь сидения ездовых нарт сзади и спереди ограничена спинками, на женских нартах, как правило, более высокими. Последний признак, судя по материалу об оленьем транспорте верхнелозьвинских манси, не был универсален.⁴⁰

Дополнительным элементом грузовых нарт манси является «баран», по сообщениям информантов, ранее обязательный и для ездовых нарт.

Функциональные типы оленьих нарт манси в целом соответствуют западносибирскому оленеводству. Причем ездовые нарты выделяются по тем же признакам, которые были отмечены и на хантыйском материале.

Мужская нарта — *ойка сун* («старика нарта»), *хум сун* («мужчины нарта»), *ерн сун* («ненецкая нарта») меньше, ниже и легче женской, она чаще трехкопыльная, имеет меньшую площадь сидения и невысокие спинки. Женская нарта — *эква сун* («женская нарта»), *ерн сун* («ненецкая нарта»), соответственно больше, выше и массивнее мужской. Она четырех- — пятикопыльная и имеет более высокие спинки. Сиденье с левой стороны может быть ограничено досками, в задней части нарты изготавливается плетеный ивовый каркас для полога. Устройство сиденья такой нарты соответствует особенностям конструкции женской нарты коми, которая распространена у северных хантов и ненцев. Женские нарты «старохантыйского» типа, аналогичные тундровому варианту женских ненецких нарт, у манси практически не встречаются.

Грузовые нарты у манси представлены теми же функциональными группами, что и у северных хантов, и имеют аналогичные особенности. Среди них выделяются: 1) нарты, конструктивно соответствующие женским ездовым — *вант сун*, которые имеют дощатый, коробчатый кузов — *тотан*. Нарта служит для перевозки и хранения одежды, мелкой утвари, запасов продовольствия и т.п.; 2) *курам* — более низкие и проще изготовленные, двух- — трехкопыльные нарты, чаще с настилом, которые служат для перевозки различных тяжестей; 3) *утус* — двух- — трехкопыльная низкая, длинная нарта, часто без настила, которая используется для перевозки шестов чума; 4) *колынг сун* — двух- — трехкосокопыльная грузовая нарта без настила, на вязки сидения которой ставится деревянный ящик с двухскатной крышей, в котором перевозятся и хранятся продукты, а также чайная посуда.

Как и у северных хантов, у манси существует «лошадиная нарта» — *луу сун* (Ч). Ее конструкция также соответствует северохантыйской. Е.Г.Федорова отмечает обычную практику запрягания лошадей весной и осенью в оленью нарту, а также для прокладывания дороги в конском обозе.⁴¹

Иконографические источники позволяют предположить, что еще в XIX в. в оленеводстве северных манси были распространены нарты,

конструктивно не отличающиеся от собачьих нарт западносибирского типа.⁴²

Примечания

¹ Бабаков В.Г. К этноисторическому изучению приобских хантов (На материалах переписи населения XVIII в.) // СЭ. 1976. № 6. С. 102.

² Соколова З.П. 1) К происхождению современных манси // СЭ. 1979. № 6. С. 54; 2) К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 202–203.

³ Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1974. С.8.

⁴ Краткая Сибирская (Кунгурская) летопись. СПб., 1880. С. 4.

⁵ Глушков И.Н. Чердынские вогулы // ЭО. 1900. Кн. 2. С. 26.

⁶ Федорова Е.Г. К вопросу о выявлении комплексов элементов в культуре обских угров // Этносы и этнические процессы. Памяти Р.Ф. Итса. М., 1993. С. 134.

⁷ Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 86, 96.

⁸ Там же. С. 175.

⁹ Там же. С. 212.

¹⁰ Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 96.

¹¹ Козьмин В.А. 1) Типология оленеводства народов Западной Сибири // Историческая этнография. Л., 1985. С. 20–21; 2) Традиции в развитии современного оленеводства таежной зоны Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 53.

¹² Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. I. О народах финского племени. СПб., 1776. С. 61.

¹³ Записка, учиненная в 1785 г. уездными землемерами, при положении между Вологодского и Тобольского наместничеств губернской межи, о кочующем народе, называема Манцы и Самояди // Новые ежемесячные сочинения. Ч. 51. Сентябрь. СПб., 1790. С. 3–5.

¹⁴ Мельников С. Сведения о мансах, кочующих в Березовском округе // Вестн. ГО. Вып. V. Отд. VI. 1854. С. 24.

¹⁵ Гофман Э. Северный Урал. Береговой хребет Пайхай. СПб., Т. 1. 1853. С. XI.

¹⁶ Сорокин Н.В. Путешествие к вогулам // Тр. об-ва естествоисп. при Казанском ун-те. 1873. Т. 3. № 4. С. 44.

¹⁷ Кузнецов Н.И. Природа и жители восточного склона Северного Урала // Изв. РГО. 1887. Т. XXIII. Вып. 6. С. 742.

¹⁸ Гондатти Н.Л. Предварительный отчет о поездке в северо-западную Сибирь. М., 1888. С. 30. 43. 68.

¹⁹ Глушков И.Н. Чердынские вогулы. С. 26.

²⁰ Носилов К. Д. Путешествие к вогулам // Естествознание и география. 1897. № 6. С. 7.

²¹ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб., 1904. С. 166.

²² Гондатти Н. Л. Предварительный отчет ... С. 82.

²³ Носилов К. Д. Путешествие к вогулам. С. 4.

²⁴ Дунин-Горкавич А. А. Очерк народностей Тобольского Севера // ИРГО. Вып. 40. СПб., 1904. С. 49. — В другой работе исследователь отмечал, что ляпинские вогулы летом кочуют на Урал (См.: Дунин-Горкавич А. А. Север Тобольской губернии // ЕТГМ. 1897. Т. 8. С. 70).

²⁵ Соколова З. П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // ТИЭ. 1963. Т. 84. С. 223.

²⁶ ФАМАЭ. И. Н. Шухов. 1914. № 2421-81.

²⁷ Соколова З. П. Материалы по жилищу ... С. 223.

²⁸ Iso Karhu. Arkistokuvaia etaisten kielisukalaistemme asainsijoita // The Great Bear: Old photographs of the Volga-Finnic, Permian-Finnic and Ob-Ugrian peoples. Lahti. 1980. P. 119. f. 104.

²⁹ Федорова Е. Г. Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях манси // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 51-155.

³⁰ Федорова Е. Г. Об оленеводстве северных манси // Сибирские чтения. 1992. Тезисы докладов. СПб., 1992. С. 24-25.

³¹ Сосунов П. И. Тобольский Север // Северная Азия, 1925. № 3-4. С. 34.

³² Сорокин Н. В. Путешествие к вогулам. С. 44.

³³ Гондатти Н. Л. Предварительный отчет... С. 30; Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. С. 168-169.

³⁴ Федорова Е. Г. Элементы традиционного... С. 152.

³⁵ Там же.

³⁶ Гондатти Н. Л. Предварительный отчет... С. 30; Глушков И. Н. Чердынские вогулы. С. 41; Федорова Е. Г. Жертвенные животные в культуре манси // Традиционное мировоззрение народов Сибири. М., 1996. С. 130-155.

³⁷ Терминология В. Н. Черницова. В нашем тексте — (Ч). См.: Чернецов В. Н. Термины средств передвижения в мансийском языке // Памяти В. Г. Богораза. Сб. статей. М.; Л., 1937. С. 349.

³⁸ Терминология Н. Л. Гондатти. В нашем тексте — (Г). См.: Н. Л. Гондатти. Предварительный отчет ... — (Г).

³⁹ Федорова Е. Г. Историко-этнографические очерки ... С. 87-88.

⁴⁰ Там же. С. 88.

⁴¹ Там же. С. 89.

⁴² Чернецов В. Н. Быт хантов по рисункам XIX в. // Сб. МАЭ. 1949. Т. X.

Кеты

Распространение оленеводства среди кетских территориальных групп на востоке ограничено Енисеем, на юге р. Елогуй, кеты Подкаменной Тунгуски оленеводства вообще не знали.¹ История кетского оленеводства традиционно рассматривается в связи с этногенезом и историей их культуры. Согласно одной точке зрения предки кетов переселяются на Енисей, имея навыки оленеводства южно-сибирского происхождения (В.Г. Богораз, Г.Н. Прокофьев), согласно второй — кеты осваивают оленеводство уже в пределах современной территории обитания (Б.О. Долгих, В.И. Васильев, Е.А. Алексеенко), более аргументированной выглядит последняя.² Е.А. Алексеенко полагает, что оленеводство у кетов появляется в результате их территориальных контактов с лесными энцами в XVII в.³ Современный облик оленеводства кетов сложился под существенным влиянием северных селькупов и западных групп эвенков.⁴

Характеристика оленеводства кетов как средства производства, служащего дополнительным условием для развития охотничьего промысла,⁵ в свое время данная Н.К. Каргером, соответствует определителю «таежное оленеводство». Е.А. Алексеенко отмечает наиболее значимые его характеристики. Кетское оленеводство транспортное, зимнее. На оленях передвигаются в основном мужчины.

Оленей у кетов было мало. Так, Б.О. Долгих, со ссылкой на материалы Приполярной переписи 1926–1927 гг., указывал, что 60% оленеводческих хозяйств кетов имели менее 10 оленей на хозяйство.⁶

Как и у большинства промыслового населения тайги Западной Сибири, оленеводство кетов находилось в известном противоречии с основным летним занятием — промыслом рыбы⁷, в связи с чем кеты практиковали систему сезонного вольного содержания оленей. Зимой олени находились у стойбищ, в то время как охотник промышлял с ручной нартой. Летом, в комариный период, сооружались олени сараи, в основном двух конструктивных типов — каркасные и срубные с двумя входами/выходами. Сараи второго типа кроме кетов известны только селькупам.⁸ В летний период и во время гона в качестве ножных пут применялись разнообразные деревянные колодки. На стойбище устраивались дымокуры, которые сооружались как в сараях,⁹ так и на открытой площадке.¹⁰ С начала августа оленей отпускали в тайгу, где затем искали по первому снегу. Пастушеская собака для окарауливания оленей не использовалась. В целом оленеводство кетов демонстрирует принцип дополнительности промысловой таежной

традиции. Вместе с тем у кетов, как и у прочих народов тайги Западной Сибири, оно приобретает значимость, когда олень рассматривается в качестве абсолютной ценности, становится престижным знаком культуры. В частности, у кетов складываются некоторые элементы постоянного наблюдения за оленями. Так, некоторые семьи не отпускали телят на вольный выпас, туруханские кеты практиковали поочередную пастьбу, у елогуйских в период летней рыбалки одна часть семьи могла окарауливать оленей, а другая — заниматься рыболовным промыслом.¹¹ Судя по литературным данным, специфической чертой кетского оленеводства сравнительно с оленеводством других народов Западной Сибири следует считать применение только кровавой кастрации.¹²

Облик оленеводства кетов, как и селькупов, лесных ненцев и обских угров, позволяет еще раз вернуться к предположению о том, что в развитии таежной оленеводческой системы народов Западной Сибири существовала стадия вольного выпаса с дымокурами, но без оленьих сараев. В ее границах домашнее оленеводство адаптировалось к хозяйственному циклу и образу жизни населения западносибирской тайги. Важен принцип появления оленьих сараев: они во всех случаях производны от жилища конкретного народа, и в оленеводческой практике их существование не обязательно регламентировано традицией. В случае с кетами на это обращали внимание В.Г. Богораз,¹³ Г.Н. Прокофьев¹⁴ и особенно Н.К. Каргер, который отмечал, что примитивность кетского оленеводства заключается в свободном отпуске оленей с конца апреля по август в тайгу, что ведет к гибели не только молодняка, но и взрослых оленей. По этой причине «туруханские кеты *сделали* (курсив наш. — В.К.) дымокур, куда вечером приходили олени восьми хозяев». О степени традиционности подобных построек, в частности, говорит и тот факт, что сами кеты считают содержание оленей в сараях «вредным для их здоровья».¹⁵

Существует и косвенное подтверждение традиционности для кетов дымокуров, которое заключается в том, что обязательные для практики сибирского таежного оленеводства дымокуры в оленеводстве кетов несут самостоятельную функциональную нагрузку, поскольку применяются не только вместе с оленьими сараями, но и ставятся как отдельные сооружения.

Кетское оленеводство подтверждает еще одно положение о составляющих таежного оленеводства Западной Сибири: в нем также отсутствует пастушеская собака.

Транспортное использование оленей (зимой — нартенное, а весной и осенью — в качестве вьючно-верхового транспорта) выявляет многообразие связей кетов и соседних народов в оленеводстве.¹⁶

Вьючно-верховое оленеводство, очевидно, заимствовано кетами от эвенков. На это указывает сходство терминологии неспециализированного оленьего седла, которое используется как верховое и вьючное. Способ передвижения верхом на олене также сходен с тунгусским. Е.А. Алексеенко датирует возникновение оленеводства у кетов предположительно серединой XVII в. — вследствие контактов с лесными энцами, а вьючно-верховой транспорт — как явление более позднее.¹⁷

Типологически значимой отличительной чертой кетского вьючно-верхового транспорта от собственно эвенкийского считается положение седла на животном. Оно крепится не на лопатках, а на спине. По мнению Е.А. Алексеенко, это объясняется тем, что кетский олень более крупный, чем эвенкийский.¹⁸ Аналогично объясняют положение седла на олене раттовские селькупы. В историографическом плане здесь уместно привести мнение В.Г. Богораза, который рассматривал данный признак кетско-селькупского оленеводства как черту весьма архаическую, генетически связанную с южносибирским оленеводством.¹⁹ Все современные исследователи склоняются к мнению о тунгусских истоках вьючно-верхового кетско-селькупского оленьего транспорта.²⁰

Олений нартенный транспорт кетов сезонный, зимний самодийского типа. В связи с наличием весьма полного его описания²¹ ограничимся только перечнем черт и признаков, которые отличают собственно кетский нартенный транспорт: его упряжка парная вне зависимости от назначения. В трудных дорожных условиях мог подпрягаться третий олень. В легкой упряжи отмечены особенности конструкции недоуздки передового (левого) оленя: из двух лобных пластинок изогнута только правая. Пояс есть только в упряжи передового оленя. В грузовой упряжи недоуздки простого типа — ременная обороть без костяных пластинок. Оленьи нарты представлены единым косокопильным типом.

Женская нарта отличается от мужской более высокой задней спинкой и большим, не менее четырех, количеством копыльцев. Летом она может быть использована как лабаз.

Грузовые нарты у кетов несколько более массивны и низки по сравнению с ездовыми. За исключением одной формы (2–3-копильной) в отличие от стандарта самодийского типа грузовые нарты име-

ют большее количество копыльев, обычно 4–5. Количество функциональных вариантов грузовых нарт ограничено четырьмя. Все варианты грузовых нарт имеют «баран».

Терминология нартенного оленьего транспорта у кетов, как и у обских угров, перенесена из тяглогового собаководства и пешей охоты.

В облике кетского оленеводства можно отметить многокомпонентный его характер. Это вполне объяснимо характером расселения кетов на границе соприкосновения самодийского и тунгусского оленеводства, а также системой межэтнических контактов, в которых они участвовали.²²

Примечания

¹ Алексеенко Е.А. Материалы по культуре и быту курейских кетов // ТИЭ. 1962. Т. 78. С. 30; Каргер Н.К. Оленеводство у енисейцев (кетов) // СС. 1930. № 6. С. 28.

² Алексеенко Е.А. Оленеводство у кетов // Кетский сборник. Л., 1969 С. 118–123.

³ Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967 С. 70.

⁴ Алексеенко Е.А. Оленеводство у кетов. С. 123.

⁵ Каргер Н.К. Оленеводство у енисейцев (кетов). С. 28.

⁶ Долгих Б.О. Кеты. Иркутск, 1934. С. 78.

⁷ Каргер Н.К. Оленеводство у енисейцев (кетов). С. 33.

⁸ Гемуев И.Н., Пелих Г.И. Селькупское оленеводство // СЭ. 1975. № 3. С. 85, 89.

⁹ Алексеенко Е.А. Оленеводство у кетов. С. 116.

¹⁰ Там же. С. 115–116; Каргер Н.К. Оленеводство у енисейцев (кетов). С. 33.

¹¹ Каргер Н.К. Оленеводство у енисейцев (кетов). С. 32–33.

¹² Алексеенко Е.А. Кеты. С. 67.

¹³ Богораз В.Г. Новые данные по этнографии малых народов Севера // Северная Азия. 1928. № 3. С. 49–50.

¹⁴ Прокофьев Г.Н. Остяко-самоеды Туруханского края // Э. 1928. № 2. С. 97–100.

¹⁵ Каргер Н.К. Оленеводство у енисейцев (кетов). С. 30, 32–33.

¹⁶ Общее описание оленьего транспорта кетов составлено на основании публикаций Е.А. Алексеенко: Алексеенко Е.А. 1) Материалы по культуре... С. 30, 56; 2) Оленеводство у кетов. С. 117–123; 3) Кеты. С. 67–70; 4) Средства передвижения кетов // ТИЭ. 1961. Т. 64. С. 72–82.

¹⁷ Алексеенко Е.А. Кеты. С. 70.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Богораз В.Г. Новые данные по этнографии... С. 49.

²⁰ Алексеенко Е.А. Кеты. С. 70; Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 101–102; Козьмин В.А. Оленеводство северных селькупов в связи с их этнической историей // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983. С. 25.

²¹ Алексеенко Е.А. Средства передвижения кетов.

²² Алексеенко Е.А. Этническое взаимодействие коренного населения Туруханского Севера и Верхнего Таза // Народы и языки Сибири. Ареальные исследования. Л., 1972. С. 32–36.

ОЛЕНЕВОДСТВО КОМИ-ИЖЕМЦЕВ И РУССКИХ

Коми-ижемцы Западной Сибири

Культурно-исторические связи коми с коренным населением Европейского Севера и Западной Сибири имеют многовековую историю, но их проявления и интенсивность носят различный характер.¹ Расселение коми-ижемцев — оленеводов в Западной Сибири относится к сравнительно позднему времени — середине — второй половине XIX в., однако процесс освоения коми этой территории начался раньше, но тогда они не были оленеводческим населением.² Как отметил Л.Н. Жеребцов, во второй половине XIX в. происходит вторичное переселение коми в Западную Сибирь.³ С этого времени начинается формирование как оседлого населения коми в поселках Саранпауль (ок. 1850),⁴ Мужи, Обдорск,⁵ основные занятия которого и были сосредоточены в этих населенных пунктах (промысловое хозяйство, извоз, меновая торговля и т.п.), так и кочевых оленеводов, имеющих постоянные связи с оленеводами коми из районов Приуралья.

Кочевья оленеводов коми в Западной Сибири доходили до Оби и распространялись далее на юго-восток в пойменные тундры между Полуем и Куноватом. Иногда коми с оленями доходили до Надыма. Это была меньшая часть оленеводов, поскольку основная территория зимних кочевий была сосредоточена в районе р. Ляпина и Сыни.⁶ Кочевья коми осуществляли в основном в зимний период с ноября по март⁷ и ограничивались северной зоной тайги и лесотундры.

В первой четверти XX в. оленеводы коми начинают активно проникать на правобережье Оби южнее Березова. В 1924 г. на р. Казым с севера Березовского района, спасаясь от «сибирки»⁸, переселяется с своими оленями группа коми-ижемцев. По нашим данным, переселение началось в 1923 г. и затронуло значительную исходную территорию. Это коми из Приуралья, а также коми-ижемцы из Саранпауля и районов, непосредственно примыкающих к Березову. Первоначально

на Казым переселилось около 15 семей со стадом оленей в 3 тыс. голов.⁹ Переселение, основными причинами которого было отсутствие эпизоотических заболеваний и богатство кормовыми ресурсами казымских тундр, продолжалось до середины 1930-х гг.¹⁰ В период коллективизации формирование крупностадного оленеводства на Казыме происходило на основе обобществления оленей переселенцев коми.¹¹ После переселения коми долго не обосновывались в поселке, а сохраняли прежний кочевой образ жизни.¹²

В литературе неоднократно подчеркивалось, что коми-ижемцы заимствовали оленеводство у европейских ненцев. Типологически олений транспорт коми соответствует самодийскому типу упряжного оленеводства, а само оленеводство коми как способ хозяйственной деятельности — тундровому крупностадному оленеводству, свойственному ряду народов Западной Сибири.¹³ Время появления оленеводства у ижемских коми было установлено В. Иславиным, это середина XVII в.,¹⁴ для коми Пустозерской волости известна иная дата — XIX в.¹⁵ Не останавливаясь на вопросах исторической динамики оленеводства у коми, их территориальных и экономических взаимоотношениях с ненцами в данной сфере хозяйства, что достаточно подробно освещено в литературе,¹⁶ обратимся к региональной характеристике оленеводства коми в Западной Сибири, используя сравнительные данные по оленеводству приуральских коми.

Здесь следует обратить внимание на то, что коми, оставив практически без изменений олений транспорт, заимствованный от ненцев, значительно усовершенствовали саму организацию оленеводческого хозяйства.¹⁷

Основной чертой оленеводства коми считается товарность. Этот признак отмечали в качестве отличительного уже в начале XX в. В частности, С. В. Керцелли писал, что вследствие лучшего ухода за оленями коми имеют крупные стада, которые из-за риска падежа держать опасно, поэтому большая часть продуктов оленеводства сбывается.¹⁸ Б. М. Житков отмечал, что самоедское оленеводство — «любительское», «самоед не бьет оленей и постоянно стремится к увеличению стада», в то время как зырянское оленеводство более практично.¹⁹ В. Бартев указывал, что коми-ижемцы, кочующие на севере Западной Сибири, являются основными поставщиками оленьего мяса в Обдорск.²⁰ Товарность является отличительным и в какой-то мере даже этноспецифическим признаком оленеводства коми. С момента его появления товарные возможности оленеводства были тем стимулом, который заставил часть коми резко изменить весь жизненный

уклад и перейти к кочевому образу жизни. Существует мнение, что товарность оленеводства коми начинает складываться только во второй половине XIX в.²¹ Этот взгляд нашел отражение в различных экономических классификациях сибирского оленеводства. Так, С.В. Керцелли определил оленеводство коми как «большое кочевое техниче-ски-промышленное»,²² М. Плотников — как «полупромышленное»,²³ И. Блюм — как «промысловое» в отличие от тобольского (аборигенного. — В.К.) «натурального». ²⁴ Все современные исследователи, касаясь вопросов культурных взаимодействий коми и ненцев в оленеводстве, отмечают его товарность у коми, а также то, что под их влиянием в конце XIX в. товарные отношения проникает в оленеводство ненцев.²⁵

Еще одна особенность оленеводства коми относится к способам содержания оленей и, в частности, к началу сроков кочевания с зимников на летники и обратно. Так, для коми были характерны более поздние по сравнению с ненцами сроки движения на север и более ранние — на юг,²⁶ что, в первом случае позволяло стаду кочевать на север по уже освободившейся от снежного покрова тундре и приходить на летние пастбища защищенным от гнуса слоем подкожного жира. Во втором случае, очевидно, сказывалось влияние осенних массовых забоев оленей до начала зимнего периода выпаса, которые практиковали коми в связи с товарной направленностью своего оленеводства. На наш взгляд, существует еще ряд фактов, которые позволяют объяснить возникновение этой особенности.

П. П. Семериков, пожалуй, одним из первых отметивший иные по сравнению с ненцами сроки кочевания оленеводов-коми, указывал что они идут на север на 3–4 недели позже ненцев, после проведения отела.²⁷ Стационарное проведение отела, как свидетельствуют многочисленные наблюдения, помогает сохранить потомство, что соответствует общей картине рационализации оленеводства коми. Дополнительно можно отметить, что протяженность маршрутов сезонных кочевок у коми была много меньше, чем у ненцев. С. В. Керцелли писал, что «летом берега океана занимают в основном самоеды»,²⁸ следовательно, и времени для перекочевок с зимних пастбищ на летние коми требовалось меньше. Можно высказать и косвенное предположение о причинах «нерациональных» сроков кочевания оленеводов-ненцев, которые могут быть объяснены спецификой их хозяйственного комплекса. Возможно, более ранние сроки движения ненцев на север были связаны с необходимостью охоты на дикого северного оленя, со стремлением застать его на путях сезонных миграций и переправ до

распадения крупных стад на мелкие популяции летнего периода с целью организации коллективных охот.

Наряду с этими признаками, свойственными оленеводческой системе коми-ижемцев, отмечается введение ими круглосуточного охвата содержания стада, что опять же объясняется заботой о сохранении поголовья,²⁹ практики меридионального кочевания (в оленеводстве европейских ненцев и коми), начал селекции и регулирования половозрастной структуры стада.³⁰ Некоторые изменения были внесены коми-ижемцами и в олений транспорт самодийского типа.³¹

Вхождение коми в Ямало-Таймырскую историко-этнографическую область впоследствии привело к тому, что большинство перечисленных новаций получило распространение в оленеводстве как сибирских, тундровых ненцев, так и обских угров. Вместе с тем большая часть оленеводческой терминологии коми восходит к лексике ненцев и обских угров, что объясняет не только истоки системы оленеводства коми-ижемцев, но и последующие их историко-культурные связи с соседними народами, практикующими данную форму хозяйства. Наряду с региональной «общеоленивческой» лексикой в оленеводстве коми встречается описательная терминология, широко представлена также лексика, перенесенная из животноводства и охоты.

Для обозначения оленя коми использовали слово *кор* (Б) или *кыр*.³² Этот термин применялся по отношению и к дикому, и к домашнему оленю. Для обозначения половых групп оленей использовались следующие термины: самка — *важенка*, *сырица* (Б), яловая важенька — *хатторка* (П), самец-производитель — *хора* (П, Б), кастрированный самец — *бык* (П), *хатт* (Б). В целом можно отметить, что для основных половых групп, составляющих основу оленьего стада, использовалась ненецкая терминология.

Возрастные группы домашних оленей коми обозначали следующим образом: новорожденный олень — *теля/теля хор/теля важенька* (П). С. В. Керцелли и А. А. Дунин-Горкавич приводят термины, которые использовались для обозначения оленей соответствующего возраста в связи с товарным качеством шкур молодых оленей: новорожденный — *пешка*, или *пыжик*, олень до следующей весны (до года) — *неплюй*.³³ Олень до 2 лет — *нялуку* — некастрированный самец, *нямноку/нямуюку* — самка. Олень до 3 лет — *нялуку/хора* — некастрированный самец, *сырица* (П) — самка. Далее половозрастная терминология определялась либо отнесением к половой группе, либо погодичным счетом. Трехлетний олень — *нель хора*, четырехлет-

ний — *вит хора* и т.д. В стаде специально выделяли вожака — *минорей, минурей*, а также телят, которые выращивались у жилища и были ручными — *авка*.

Оленей метили специальными метами. Коми так же, как самодийцы и обские угры, ставили меты на ушах и лопатке оленя. Совпадает терминология, применяемая для обозначения таких мет, — *паль пас* (П) у коми, *паль нос* — у хантов и *кат нос* — у манси.³⁴

В упряжке использовали оленей из специально выделяемой транспортной части стада. В ее состав входили кастрированные олени — *быки, хабты* (Б). Кастрацию молодняка проводили на третий год осенью. Кастрация — *коданы* (П) — применялась как кровавая, так и бескровная. Предназначенных в упряжку оленей предварительно обучали, одевая на шею деревянную колодку — *неш*. Н. Ф. Прыткова отмечала, что на Казыме наряду с колодкой, одеваемой на шею, использовали специальные ножные колодки,³⁵ что не исключает влияния оленеводческой техники таежного оленеводства хантов, в частности, ножных пут *ёш юх*.

При наличии общих типологических оценок оленьего транспорта коми и отсутствии достаточных литературных сведений о его специфике имеет смысл более подробно остановиться на его описании.

Олений транспорт коми-ижемцев — нартенный самодийского типа. Коми, как и ненцы, практиковали круглогодичную нартенную езду, вследствие чего их транспорту свойственны летние и зимние формы упряжки с двумя ее функциональными разновидностями — легкой и грузовой. В зависимости от сезона и функциональной разновидности упряжки в нарту запрягали различное число оленей. В легковую летом — до 6, зимой и осенью — до 4.³⁶ В грузовую упряжку зимой — 2, летом — 3, весной и осенью — 2–3. Передовым в упряжке был левый — *вожжевой*, правый назывался *дор пелей*, остальные — *шер пелей*. В соответствии с таким делением упряжь называлась *вожжевой саламка, дор пелей саламка* и *шер пелей саламка*. Оленья упряжка коми относится к веерному (поперечному) типу с многоямочной сложной упряжью. В зависимости от функционального назначения упряжки использовалась легковая или грузовая упряжь, которые отличались по тем же признакам, что и у самодийцев и северных групп обских угров.

Легковая упряжь — *саламка*, состоит из недоуздка — *нед пеленя* с костяными пластинками — *сян* (П). Недоуздок передового оленя имеет две лобные изогнутые пластинки, недоуздки пристяжных — две лобные и две щечные пластинки. Лямка — *тасма* (П), одевается

на шею или через плечо и внизу или сбоку соединяется с поясом — *тасми* (П). Пояс передового оленя с левой стороны для поддержания вожжи имеет костяной крючок — *халцево* (П). В месте соединения лямки и пояса крепится потяг — *са* (П), один на крайних оленей, который соединяется с нартой либо при помощи блоков — *плячей* (П), либо неподвижно крепится на головках нарт.³⁷ В многооленной упряжке коми прохождение потяга отличается от типологического стандарта. С. В. Керцелли отмечал, что потяг между задними ногами оленей проходит только в парной упряжке, а в многооленной у крайних оленей — сбоку, у правых — слева, а у левых — справа и только у центральной пары — между ног.³⁸ Аналогичное прохождение потяга свойственно и ненецкой многооленной упряжке.³⁹ В самой упряжке олени поперечно соединены цепями, проходящими от пояса левого к щечным пластинкам правого. Вожжа — *вожжа*, присоединяется к левой лобной пластинке передового оленя. Для управления упряжкой используется хорей.

Грузовая упряжь — *пуня*, отличается от ездовой меньшим набором конструктивных деталей. Отсутствуют пояса и зачастую недоуздки. Упряжки в аргише соединяются цепями от кожаного ошейника пристяжного оленя к идущей впереди нарте.

Нарта у коми, как и упряжка, самодийского типа. Вследствие того, что конструктивные особенности оленьих нарт и их функциональных вариантов у коми те же, что и у ненцев, обратим внимание на их терминологические особенности. Оленьи нарты коми представлены двумя разновидностями — легковыми и грузовыми с многочисленными функциональными вариантами, особенно в отношении второй разновидности.

Общего термина для обозначения нарт нет. А. Шренк и С. В. Керцелли приводят термин *утизы/утицы*.⁴⁰ Сейчас так называется один из функциональных вариантов грузовых нарт. Чаще встречаются два варианта термина для общего обозначения оленьих нарт. Первый — *норты*, или *нарт*, соответствует обозначению собачьих нарт у коми⁴¹ и обычно встречается в оленеводстве европейских коми-ижемцев⁴² и очень редко — у западносибирских коми.⁴³ Вторым вариантом термина — *додь*, более распространен в Западной Сибири.⁴⁴ А. Захаров приводит описательный вариант данного термина — *кэр додь* («оленья нарта») и в то же время отмечает, что «эти зырянские сани — “кэр додь”, в отличие от самоедских, длиннее, уже и ниже».⁴⁵ Н. Ф. Прыткова упоминает два термина, которые как бы совмещают оба варианта: *гожся додь* — легковые сани, и *норт* — зимняя нарта.⁴⁶

Из функциональных разновидностей нарты прежде всего выделяются мужские и женские, легковые или ездовые. Мужская нарта называется *додь/мужик додь*, женская — *баба додь*. Женские нарты имеют большее количество копыльев, они более высокие, у них больше площадь сидения и высокие передняя и задняя спинки. Кроме спинки справа сидение может быть ограничено боковой доской. У женских нарт часто есть деревянный каркас, изготовленный из тальниковых прутьев, который является опорой навеса — *кашева*, служащего защитой от снега и ветра детям.

Грузовые нарты в отличие от ездовых имеют ряд конструктивных особенностей, связанных с их функциями. Наиболее широко представлен функциональный вариант грузовых нарт, конструктивно мал отличающийся от собственно ездовых. Это нарта *вандей* с сшивным коробчатым кузовом, которая используется для транспортировки одежды и утвари, а также мелких предметов домашнего обихода. Прочие функциональные разновидности грузовых нарт конструктивно могут существенно отличаться от легковых. В целом они, как правило, более массивны, ниже, иногда без настила, имеют меньше более прямо расположенных по всей длине полоза копыльев. К этой категории относятся *утыча* — нарты для перевозки жердей чума. Этот термин в несколько измененном виде, как отмечалось выше, использовался для обозначения нарты вообще. Его же, но уже для обозначения только легковых оленьих нарт у европейских коми-ижемцев упоминает В.Н. Белицер.⁴⁷ *Ларь додь* (П) — нарта для перевозки продуктов, имеет ящик с двухскатной крышкой. *Урос* (П) — нарта для транспортировки лодок. В целом можно отметить, что набор функциональных типов нарт в оленеводстве у коми совпадает с тем, который характерен для тундровых ненцев.

Вне зависимости от типа нарты либо функционального его варианта основные детали нарты называются одинаково. Копылья — *под*, полозья — *шу*, нащепы — *нин*, передний вязок — *недед*, вязки настила — *яз*, настил — *пэ*. В легковых нартах спинки называются *тендер*, навес — *кашева*. Материалы и инструменты, которые использовались для изготовления оленьих нарт у коми, те же, что и у других народов севера Западной Сибири, которым известен олений транспорт самодийского типа.

Как видим, коми внесли некоторые усовершенствования в олений транспорт, связанные с собственной культурной традицией, но не изменившие его типологического статуса. Это относится к использованию нетрадиционного для оленеводства материала для изготовления

упряжи — сыромятной кожи. Широкое распространение в оленьем транспорте коми имел металл. Из него изготавливались блоки, подползники, металлические цепи, применявшиеся для соединения оленей в упряжке и упряжек в аргише. Специфическим элементом оленьего транспорта коми следует считать женскую нарту с коробчатым кузовом, которая не характерна для тундрового варианта ненецких нарт.

При наличии ряда специфических элементов, которые сложились в оленеводстве коми-ижемцев, в том числе и в Западной Сибири (товарность, рационализация системы содержания оленей, некоторая модификация транспорта), общие тенденции его формирования и развития соответствуют тем процессам, которые можно наблюдать при заимствовании и адаптации оленеводческого хозяйства неоленинцевским населением. Особенно наглядно это показывает оленеводческая терминология: основные ее понятия чаще всего просто перенесены с аналогичных явлений своей собственной культуры либо полностью заимствованы вместе с восприятием оленеводческой традиции. Заимствованный характер оленеводства коми-ижемцев имеет массу соответствий в оленеводстве таежного населения Западной Сибири и косвенно подтверждает его истоки в культурах этого населения, восходящие к северосамодийской оленеводческой традиции.

Примечания

¹ Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. Гл. 5–6.

² Жеребцов Л. Н. 1) Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. Сыктывкар. 1974. С. 27; 2) Историко-культурные взаимоотношения... С. 179; Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 141; Федорова Е. Г. Обские угры: веки этнической истории // Народы Сибири в составе государства Российского. СПб., 1999. С. 7.

³ Жеребцов Л. Н. Этнические и культурно-исторические связи... С. 27.

⁴ Дунин-Горкавич А. А. Очерк народностей Тобольского Севера // ИРГО. Вып. 40. 1904. С. 59.

⁵ Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб., 1896. С. 8–9, 23.

⁶ Дунин-Горкавич А. А. Север Тобольской губернии // ЕТКМ. 1897. Т. VIII. С. 70.

⁷ Дунин-Горкавич А. А. Очерк народностей Тобольского Севера. С. 58.

⁸ Прыткова Н. Ф. Материалы по оленеводству зырян // АМАЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁹ Л.Н. Жеребцов приводит цифру — 34 хозяйства (см.: Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения ... С. 181).

¹⁰ Кантар Е.Д. Казымская культбаза // СС. 1933. № 6. С. 67.

¹¹ Козьмин В.А. Традиции в развитии современного оленеводства таежной зоны Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири. Л. 1986. С. 13–14.

¹² Гудкова И.С., Синкевич В.В. Социализм в быту хантов // СЭ. 1940. № 4. С.86.

¹³ Козьмин В.А. Типология оленеводства народов Западной Сибири // Историческая этнография. Л., 1985. С. 23. Табл. на с. 23.

¹⁴ Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. С. 30.

¹⁵ История Коми АССР. Сыктывкар, 1978. С. 59.

¹⁶ Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения ... С. 162–165.

¹⁷ Хомич Л.В. Ненцы. Л., 1966. С. 60; Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения ... С. 165–166.

¹⁸ Керцелли С.В. По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск, 1911. С. 111–114.

¹⁹ Житков Б.М. Полуостров Ямал // Зап. ИРГО по общ. геогр. СПб., 1913. Т. 49. С. 256.

²⁰ Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири. С. 37.

²¹ История Коми АССР. С. 59; Белицер В.Н. Очерки по этнографии народа коми // ТИЭ. 1958. Т. 45. С. 61.

²² Керцелли С.В. Материалы к изучению оленеводства // Тр. сев. научно-пром. экспедиции. Вып. 3. Пг., 1921. С. 6.

²³ Плотников М. Оленеводство. Чита, 1924. С. 3–6.

²⁴ Блюм И. Натуральность тундрового оленеводства Тобольского округа и расслоение оленеводческих хозяйств // Бюлл. об-ва изучения края при Музее Тобольского Севера. 1929. № 3. С. 13.

²⁵ Жеребцов Л.Н. Этнические и культурно-исторические связи ... С. 13–14; Хомич Л.В. 1) Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. С. 146; 2) Ненцы и коми Кольского полуострова // Этнографические исследования северо-запада СССР. Л., 1977. С. 117; Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 206–209.

²⁶ Жеребцов Л.Н. Этнические и культурно-исторические связи ... С. 13; Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. С. 117.

²⁷ Семериков П.П. Оленеводство тундр Ненецкого округа. Архангельск, 1933. С. 6, 13. — Сходные данные, но не в столь наглядной форме, встречаются и у С.В. Керцелли (см.: Керцелли С.В. По Большеземельской тундре с кочевниками. С. 87–93).

²⁸ Керцелли С.В. По Большеземельской тундре с кочевниками. С. 97.

²⁹ Жеребцов Л.Н. Этнические и культурно-исторические связи... С. 13; Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. С. 117.

³⁰ Житков Б.М. Полуостров Ямал. С. 263–264.

³¹ Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. С. 146.

³² (Б) — терминология по В. Н. Белицер. См.: Белицер В.Н. Очерки по этнографии народа коми // ТИЭ. 1958. Т. 45. (П) — терминология по Н. Ф. Прытковой. См.: Прыткова Н.Ф. Материалы по оленеводству зырян (Казым) // АМАЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 4. Терминология, собранная нами у коми Березовского и Шурышкарского районов Тюменской области, приводится без ссылок.

³³ Керцелли С.В. По Большеземельской тундре с кочевниками. С. 78; Дунин-Горкавич А.А. Очерк народностей Тобольского Севера. С. 54.

³⁴ Руденко С.И. Графическое искусство остяков и вогулов // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л., 1928. С. 14.

³⁵ Прыткова Н.Ф. Материалы по оленеводству зырян. Л. 9.

³⁶ Там же. Л. 10.

³⁷ Бельдыцкий Н. По Чердынскому Уралу на оленях // ИАОИРС. 1912. № 1–2. С.30; Белицер В.Н. Очерки по этнографии народа коми. С. 114.

³⁸ Керцелли С.В. По Большеземельской тундре с кочевниками. С. 94.

³⁹ Хомич Л.В. Оленьи нарты и упряжь у ненцев // Сб. МАЭ. 1961. Т. XX. С. 48.

⁴⁰ Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России. СПб., 1855. С. 246; Керцелли С.В. По Большеземельской тундре с кочевниками. С. 93.

⁴¹ Лашук Л.П. Упряжное собаководство в Западном Приуралье // КСИЭ. 1955. Вып. XX. С.28.

⁴² Белицер В.Н. Очерки по этнографии народа коми. С. 142.

⁴³ Прыткова Н.Ф. Материалы по оленеводству зырян. Л. 11.

⁴⁴ Материалы автора.

⁴⁵ Захаров А. Тундра. Очерк жизни зырян и самоедов. М.; Л., 1928. С. 80.

⁴⁶ Прыткова Н.Ф. Материалы по оленеводству зырян. Л. 11.

⁴⁷ Белицер В.Н. Очерки по этнографии народа коми: Словарь. Можно отметить, что в отношении оленеводства В.Н. Белицер допускает ряд неточностей. В частности, на фотографии изображена не грузовая, а женская нарта, вызывают сомнения и размеры оленьих нарт (С. 143). Возможно, что данный термин также допускает разночтения.

Русские

При оценке выявленных закономерностей истории западносибирского оленеводства существенным оказывается их контроль дополнительными материалами. В нашем случае уместно выйти за границы сибирской культурной традиции, в которой история оленеводства практически везде определялась сходными факторами, но при соблюдении одного необходимого условия — непосредственного территориального контакта оленеводческого и неоленеводческого населения. Как отмечалось, таким путем происходило формирование культурного облика коми-ижемцев. Но на Европейском Севере с оленеводческим населением взаимодействовали и русские, экономика и ряд особенностей культуры которых сложились не только под влиянием географических условий, но и вследствие этого взаимодействия.

Историография исследования культуры русских полярного ареала имеет давнюю традицию,¹ но вопросы истории и атрибутики оленеводства русских в качестве специального предмета исследования, ранее не поднимались.² Поэтому довольно сложно определить точку отсчета в описании русского оленеводства. На наш взгляд, здесь могут быть использованы материалы Похозяйственной переписи Приполярного Севера СССР 1926–1927 гг.³ Их общий анализ в свое время был проведен П. Е. Терлецким, а источниковое значение для исследования традиционной экономики северян обосновал И. И. Крупник.⁴ С источниковой точки зрения существенным является то, что в переписи нашел отражение последний этап развития оленеводства как отрасли традиционного хозяйства,⁵ предшествующий его социально-экономическому переустройству в 20–30-х годах XX в.⁶ Можно отметить неполноту этого источника, поскольку применительно к территории Русского Севера переписью не была охвачена часть населения Архангельской губернии Карельского и Поморского берегов, а также низовья Печоры.⁷

Оценка признаков, характерных для русского оленеводства, дана нами на основании выборки цифровых показателей, сведенных в тематические таблицы.⁸

Первый показатель, который позволяет выявить территории распространения оленеводства среди русских, — это выделение хозяйств, имеющих оленей (табл. 2).

Таблица 2. Оленеводческие хозяйства Севера

Распределение населения Севера по группам	Хозяйства				
	кол-во	%	с оленями	%	русских среди хозяйств с оленями (в %)
<i>Всего:</i>	33641	100,0	13872	41,2	
Русских,	10316	30,7	910	8,8	6,5
<i>в том числе осед-</i>	23429	69,6	4218	18,0	
<i>лых</i>					
Русских среди осед-	10287	42,9	884	8,6	21,0
<i>лых,</i>					
<i>в том числе коче-</i>	10212	30,4	9654	94,5	
<i>вых</i>					
Русских среди коче-	29	0,3	26	89,7	0,3
<i>вых</i>					

На основании данных табл. 2 можно сделать следующие выводы.

Русские хозяйства на Севере во второй половине 1920-х гг. составляли треть общего числа северных хозяйств, из них более 40% были оседлыми и 0,3% кочевыми.

Собственно оленеводческие хозяйства северных территорий России в это время составляли 41,2%, причем олень представлен прежде всего в хозяйствах кочевого населения — 94,5%. Внутреннее соотношение по группам хозяйств русского населения повторяет данную закономерность, т.е. их абсолютное преобладание среди кочевых оленеводческих хозяйств (почти 90%) при общем невысоком проценте кочевников среди русских (0,3%). Более существенным в характеристике хозяйства северных территорий России является то, что 21% оседлых хозяйств, в которых зафиксированы олени, — это русские, что позволяет прийти к заключению о значимости оленеводства в их культуре.

Следующий вопрос, на который позволяет ответить перепись, — это пространственное размещение русских оленеводческих хозяйств (табл. 3).

На основании данных табл. 3 в пределах территорий, заселенных русскими, можно выделить два района, где хозяйства с оленями составляли значительную долю в их общем количестве. Во-первых, это Якутия (Булунский и Верхоянский округа), где русские оленеводческие хозяйства насчитывают 85%, но, как уже отмечалось, корреляция «кочевой — оленный» абсолютна. Количество же оседлых русских

хозяйств с оленями в Якутии колебалось от 16,4 до 35%. Но учитывая, что русских оленеводческих хозяйств здесь было всего 54 (5,9% общего числа русских хозяйств Севера), оленеводство русских Якутии едва ли может выступать в качестве типичного. Основу региональной этнографической характеристики русского оленеводства может дать Русский Север: в Мурманском округе и Архангельской губернии зафиксировано 756 хозяйств с оленями, что составляет 83,2% общего количества оленеводческих русских хозяйств Севера, причем в Мурманском округе сосредоточено более половины таких хозяйств.

В связи с этим на основании материалов переписи можно осуществить более детальный анализ оленеводства русских на территории Русского Севера.

Таблица 3. Распределение на территории Русского Севера русских оленеводческих хозяйств

Территория	Хозяйства			
	группа	общее кол-во	с оленями	%
Мурманский округ	оседлые	1095	705	64,4
Архангельская губ.	— // —	356	53	14,9
Тобольский округ	— // —	4686	35	0,7
Красноярский округ	— // —	1672	39	2,3
Булунский округ	— // —	140	23	16,4
		20	17	85,0
Верхоянский округ	кочевые	40	14	35,0
Колымский округ	оседлые	199	4	2,0
Камчатский округ	— // —	1540	7	0,4
Николаевский округ	— // —	243	3	1,2
Сахалинский округ	— // —	315	1	0,3

Первое, на что следует обратить внимание, — это различная концентрация оленеводства на двух выделенных территориях (табл. 3, 4). Так, в Мурманском округе 64,4% русских хозяйств имели оленей, в Архангельской губернии только — 14,9%. Наблюдаются и территориальные различия в распространении оленеводства. В Мурманском округе оленеводство было сосредоточено в прибрежной (основной) зоне расселения: Понойском районе, где находилось около половины всех оленеводческих хозяйств, и Териберском районе, в котором русские составляли почти половину всех хозяйств, 91,8% из них были оленеводческими. Наибольшая концентрация русских оленеводческих хозяйств наблюдалась на территории Терского берега — 693 хозяйств.

ва, из них 528 (76,3%) было занято в оленеводстве. Любопытно, что здесь имелось только одно нерусское оленеводческое хозяйство.

Таблица 4. Оленеводческие хозяйства русских в Мурманском округе и Архангельской губернии*

Территория	Хозяйства				
	всего	с оленями			
		общее количество хозяйств		количество русских хозяйств	
		всего	%	всего	%
Мурманский округ, районы					
Александровский	372	152	40,9	9	5,9
Кольский	326	168	51,5	9	5,4
Понойский	160	148	92,5	66	44,6
Териберский	231	97	42,0	89	91,8
Терский	693	529	76,3	528	99,9
Архангельская губ., волости:					
Дорогорская	141	17	12,0	11	64,7
Мезенская	217	50	23,0	39	78,0

* *Примечание:* в таблицу не включены данные по русским хозяйствам, составлявшим абсолютное меньшинство в территориальных группах. Например, в Ловозерском районе было 4 русских хозяйства, в Каининско-Тиманской волости — 3. Данные по ним не меняют картины. Кочевые и оседлые хозяйства объединены. Перепись не фиксирует оленеводство русских Карельского и Поморского берегов и низовья Печоры.

В Архангельской губернии хозяйства оленеводов зафиксированы в Мезенской и Дорогорской волостях и составляют соответственно 23,0% и 12,0% общего количества хозяйств. Региональной особенностью является то, что в этих волостях оленеводство русских преобладало над ижемским и ненецким. В Дорогорской волости русские оленеводческие хозяйства составляли 64,7%, а в Мезенской — 78,0% общего количества хозяйств, имеющих оленей.

Теперь обратимся к таким показателям, как занятость в оленеводстве, элементы оленеводческого быта (олeneводческое жилище и транспорт), хозяйственная направленность оленеводства (структура стада и функциональные группы), организация выпаса и продукция оленеводческого хозяйства. Очевидно, что региональные особенности русского оленеводства на Кольском полуострове и в Архангельской губернии могут быть выявлены только в сравнении с оленеводческими

традициями других народов, практикующих оленеводство в этом районе, т. е. с коми-ижемцами, ненцами, саамами, карелами и финнами.

Существенным показателем значимости отдельных отраслей в комплексном хозяйстве служит занятость населения в том или ином виде деятельности (табл. 5). В Мурманском округе русские занимали четвертую позицию по процентному соотношению оленных хозяйств (64,4%) после кочевых саамов (96,2%), коми (94,8%) и оседлых саамов (84,7%). В Архангельской губернии, если исключить кочевое население, где показатель оленеводческих хозяйств — 98%, оленеводческих русских хозяйств было всего 14,9%, что соответствует среднегубернскому показателю — 16,3% и незначительно уступает хозяйствам ненцев (20,4%) и коми (25,8%).

В Мурманском округе у кочевых саамов и коми занятость мужчин в оленеводстве абсолютно преобладала над прочими видами хозяйственной деятельности, она составляла 86,8% и 84,4% соответственно. У русских в оленеводстве было занято около половины трудоспособного мужского населения. В Архангельской губернии среди оседлого населения русские занимали второе место — 14,4%. Любопытно, что эта цифра здесь даже выше, чем у ненцев (10,3%). Несколько необычно выглядит показатель занятости в оленеводстве женщин. У ненцев Архангельской губернии, где сохранились традиции ведения кочевого образа жизни, связанные с оленеводством, он едва доходил до половины (46,7%). В остальных случаях он необычайно низок. Так, показатель занятости женщин в труде, связанном с оленеводством, по Мурманскому округу составляет всего 5,3%, а по Архангельской губернии — 10,7%. Возможно, данное соотношение демонстрирует установку традиционной культуры, которая ограничивает сферу приложения женского труда домашним производством, что все же не исключает возможности участия женщин в занятиях связанных с оленеводством. Так, в конце ягодного сезона, именно женщины занимались «моходраньем» — заготовкой мха для коров и оленей.⁹

Профиль оленеводческого хозяйства во многом обуславливается степенью обеспечения его оленями (табл. 6). Следует отметить, что в данном случае не учитывается аспект социальной дифференциации, и оценивается только общая картина соотношения численности оленей, приходящихся на хозяйство у разных народов, живущих на Русском Севере. Так, например, в Мурманском округе три четверти русских хозяйств имело до 10 оленей на одно хозяйство. Это третий показатель в округе после финнов и карел, но с тем отличием, что у послед-

Таблица 5. Занятость в оленеводстве

Вид и принадлежность хозяйств по территориям	Количество хозяйств	Хозяйства, имеющие оленей		Кол-во трудоспособных		Мужчины, занятые в оленеводстве		Женщины, занятые в оленеводстве	
		кол-во	%	мужчин	женщин	кол-во	%	кол-во	%
<i>Мурманский округ</i>	2020	1324	65,5	2978	2437	1455	48,9	130	5,3
<i>Всего оседлых хозяйств,</i> из них:	1697	1011	59,6	2515	2037	1057	42	31	1,5
русских	1095	705	64,4	1576	1296	701	44,4	6	0,5
коми	96	91	94,8	161	170	136	84,4	4	2,4
карел	66	19	28,8	110	85	17	15,5	1	1,2
саамов	85	72	84,7	123	100	77	62,6	20	20
финнов	304	95	31,3	459	319	93	20,3	0	0
<i>Всего кочевых хозяйств,</i> из них:	323	313	96,9	463	400	398	86,7	99	24,8
саамов	286	275	96,2	416	365	361	86,8	97	26,6
<i>Архангельская губерния</i>	891	511	57,4	1449	755	792	54,8	81	10,7
<i>Всего оседлых хозяйств,</i> из них:	443	72	16,3	582	598	85	14,6	10	1,7
русских	356	53	14,9	472	572	68	14,4	6	1,1
коми	31	8	25,8	50	33	11	22	0	0
ненцев	54	11	20,4	58	38	6	10,3	4	10,5
<i>Всего кочевых хозяйств,</i> из них:	448	439	98,0	867	155	707	81,5	71	45,2
коми	45	44	98,0	114	30	80	70,2	10	3,3
ненцев	399	390	97,0	737	122	619	84	57	46,7

Таблица 6. Распределение хозяйств по количеству оленей

Вид и принадлежность хозяйств по территориям	Кол-во хозяйств с оленями	Кол-во оленей в хозяйстве														
		До 10		11-25		26-50		51-100		101-250		251-500		501-1000		
		кол-во	%*	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	
<i>Мурманский округ</i>	1324	743	56,1	223	16,8	150	11,3	101	7,6	73	6	27	2	6	0,5	
<i>Всего оседлых хозяйств,</i>	1011	708	70,2	157	15,5	66	6,5	41	4	24	2	13	7,3	1	0,1	
из них:																
русских	705	551	78,2	116	16,5	26	3,7	9	1,3	3	0	0	0	0	—	
коми	91	3	3,3	10	10,9	21	32,1	22	24,2	20	22	13	14,3	1	1,1	
карел	19	18	94,7	1	5,3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	
саамов	72	25	34,7	23	31,9	16	22,2	7	9,7	1	1	0	0	0	—	
финнов	95	89	93,7	5	5,3	1	1,4	0	0	0	0	0	0	0	—	
<i>Всего кочевых хозяйств,</i>	313	35	11,2	66	21,1	84	26,8	60	19,2	49	16	14	4,5	5	1,6	
из них:																
саамов	275	35	12,7	62	20,5	77	28	52	18,9	35	13	11	4	5	1,6	
<i>Архангельская губерния</i>	511	36	7,0	53	10,4	91	17,8	120	23,5	110	22	59	11,5	21	4,1	
<i>Всего оседлых хозяйств,</i>	72	25	34,7	20	27,8	6	8,3	10	13,9	3	4	8	11,1	0	—	
из них:																
русских	53	17	32,1	12	22,6	6	11,3	8	15,1	2	4	8	15,1	0	—	
коми	8	5	62,5	2	25	0	0	1	12,5	0	0	0	0	0	—	
ненцев	11	3	27,3	6	54,5	0	0	1	9,1	1	9	0	0	0	—	
<i>Всего кочевых хозяйств,</i>	439	11	2,5	33	7,5	85	19,4	110	25	107	24	51	11,6	21	15,1	
из них:																
коми	44	1	2,3	1	2,3	1	2,3	7	15,4	15	34	13	29,5	6	13,6	
ненцев	390	10	2,6	32	8,2	84	21,5	103	21,5	81	21	36	9,2	15	3,8	

* Хозяйств, имеющих оленей.

них практически все хозяйства являются малооленными. У русских наблюдается тенденция формирования хозяйств, которые можно определить не просто как «имеющие оленей», но уже как оленеводческие. Так, в Мурманском округе зафиксировано 3 хозяйства с поголовьем от 100 до 250 оленей, что, по данным И. И. Крупника, соответствует среднему показателю 180–250 оленей в специализированном оленеводческом хозяйстве чукчей и ненцев.¹⁰

Иные данные характеризуют русские хозяйства Архангельской губернии (табл. 6). Здесь малооленные хозяйства составляли только треть общего числа оленеводческих хозяйств. Основная их часть (26 хозяйств — 49% общего их числа) имела от 10 до 100 оленей на хозяйство. Далее, как бы с отрывом, следовала группа из 8 хозяйств с показателем «до 500 оленей». В этом районе по оленеобеспеченности русские занимали промежуточное положение между кочевыми оленеводческими и оседлыми хозяйствами коми и ненцев.

Табл. 7 дает представление о наличии в русских хозяйствах оленеводческих навыков, обеспечивающих возможность ведения кочевого образа жизни. Одним из элементов кочевой оленеводческой жизни является чум. У русских Мурманского округа он не зафиксирован. В пяти хозяйствах учтены палатки, хотя в данном случае оценка их использования именно в оленеводстве весьма неопределенна. В Архангельской губернии мобильное жилище зафиксировано в девяти русских хозяйствах (6,2%) с прямым указанием на 8 зимних чумов и 1 летний. Следует отметить, что это самый низкий процент наличия мобильного жилища в губернии, даже по сравнению с карелами и финнами, что свидетельствует об отсутствии традиции кочевого образа жизни в русском оленеводстве. Для сравнения можно отметить, что у кочевых оленеводов Архангельской губернии — коми и ненцев — зимний и летний чум зафиксирован в 95–99% хозяйств, а у оседлых — до 16%.

Иначе выглядит соотношение хозяйств, имеющих транспорт, и хозяйств с «оленным инвентарем». В Мурманском округе олений транспорт имели 98,3% хозяйств, что соответствует показателям коми и саамов.

Здесь же следует отметить существенную особенность в соотношении между грузовыми и легковыми нартами. Пожалуй, это единственная территория Севера, вплоть до Чукотки, где легковых нарт было больше, чем грузовых — 1726 и 1274 соответственно. В то же время данный показатель не свидетельствует о кочевом образе жизни в русском оленеводстве. Здесь отражен основной принцип использова-

Таблица 7. Транспорт и переносное жилище

Вид и принадлежность хозяйств по территориям	Хозяйства с постройками				Кол-во палаток	Кол-во чумов		Хозяйства с транспортом	Хозяйства с оленьим транспортом		Кол-во нарт	
	всего	постоянные		переносные		зимних	летних		кол-во	%	грузо-вых	легко-вых
		кол-во	%	кол-во	%							
<i>Мурманский округ</i>	1670	1641	98,3	142	8,5	151	68	0	1338	1260	3793	2173
<i>Всего оседлых хозяйств, из них:</i>	1438	1432	99,6	55	3,8	31	30	0	1081	1003	2489	1899
русских	970	970	100	5	0,5	9	0	0	720	708	1274	1705
коми	71	69	97,2	25	32,5	9	26	0	66	66	612	56
карел	56	56	100	3	5,4	4	0	0	35	16	40	3
саамов	68	66	97	9	13,2	0	0	0	71	68	182	68
финнов	266	266	100	7	3,1	7	0	0	157	118	307	4
<i>Всего кочевых хозяйств, из них:</i>	232	209	90,1	87	37,5	120	38	0	257	257	1254	274
саамов	210	199	98,8	68	32,4	107	22	0	232	232	1055	244
<i>Архангельская губерния</i>	792	414	52,3	450	56,8	0	449	400	805	525	6473	2197
<i>Всего оседлых хозяйств, из них:</i>	366	355	96,9	27	7,4	0	20	8	380	101	548	92
русских	305	305	100	9	6,2	0	8	1	308	67	471	50
коми	26	25	96,2	4	15,4	0	3	1	30	8	39	10
ненцев	35	25	71,4	4	16	0	9	6	42	26	38	32
<i>Всего кочевых хозяйств, из них:</i>	426	59	13,8	423	99,3	0	429	329	425	424	5925	2105
коми	43	11	25,6	41	95,9	0	38	39	43	43	725	205
ненцев	379	47	12,4	378	99,7	0	378	349	378	378	5125	1891

ния оленя, это транспортное оленеводство, ориентированное на перевозку людей. О наличии такой функции в оленеводческой культуре известно. Так, в экономической классификации типов оленеводства на севере Европы С.В. Керцелли выделил «промышленное оленеводство» с «торгово-промышленной или рабоче-ездовой» его разновидностью.¹¹ Приведенное выше соотношение между функциональными разновидностями нарт позволяет отметить, что это не «рабоче-ездовое», а скорее «пассажирское» оленеводство.

В Архангельской губернии олений транспорт зафиксирован в 67 русских хозяйствах (21,8%), что является самым низким показателем обеспечения хозяйств оленьим транспортом.

В табл. 8 представлен дополнительный индикатор определения хозяйственной ориентации оленеводства у русских — структура стада. Прежде всего обращает на себя внимание его отличие по двум основным территориям. В Мурманском округе соотношение между количеством «ездовых» (2864) и «гулевых» (1588) оленей указывает на существенное преобладание транспортных животных при общем, весьма незначительном перевесе репродуктивной части стада (важенки + производители) — 2565 голов, над транспортной (холощенные быки) — 1887.

В структуре стада других оленеводов Мурманского округа наблюдается обратная картина: воспроизводящая часть в среднем в два раза превосходит транспортную. Здесь же необходимо отметить положительный баланс (прибыло — убыло) оленей в русских хозяйствах на момент переписи: 1810 — 1273. При отмеченной пропорции репродуктивной и транспортной частей и высоких естественных потерях положительного сальдо ожидать трудно. Ситуация объясняется тем, что русские покупали оленей часто, и именно это позволяло поддерживать стабильную численность поголовья. Так, в 1926–1927 гг. на Кольском полуострове русскими было приобретено 357 (64,4%) оленей, всего же в округе было куплено 552 оленя, т.е. больше, чем в кочевых хозяйствах ненцев Архангельской губернии (303 оленя). К сожалению, по Мурманскому округу аналогичные данные, характеризующие структуру стада, отсутствуют.

В Архангельской губернии покупка оленей русскими не зафиксирована, а данные по структуре стада и функциональным группам соответствуют данным о хозяйствах продуктивной направленности. Так, даже при небольшом поголовье взрослых оленей (990) транспортная часть (315) в два раза меньше «гулевой» (675), а соотношение

Таблица 8. Структура стада, движение поголовья, организация выпаса

Вид и принадлежность хозяйств по территориям	Количество оленей										прибыло	убыло	
	своих и принятых на выпас	сздовых		«тулевых»*		важен-ки	производители	холо-щенные	на выпас				прибыло
		старше трех лет	моложе трех лет	старше трех лет	моложе трех лет				принято	отдано			
Мурманский округ	32716	12832	1323	3913	14648	20232	1600	10884	2363	2514	14010	11348	
Всего оседлых хозяйств,	16911	7101	684	1974	7152	9987	854	6070	1026	1287	7133	5730	
из них:													
русских	4452	2645	219	343	1245	2345	220	1887	0	0	1810	1273	
коми	10811	3735	354	1446	5275	6781	479	3551	1026	1138	4529	3838	
карел	62	32	10	4	16	13	6	38	0	0	12	9	
саамов	1167	339	82	166	525	702	50	415	0	0	568	446	
финнов	301	213	17	11	60	94	71	136	0	0	99	71	
Всего кочевых хозяйств,	15805	5731	629	1139	7496	10254	746	4814	1337	1227	6887	5618	
из них:													
саамов	12680	4724	542	1487	5927	8200	589	3891	957	1155	5773	4502	
Архангельская губерния	76869	31593	8162	6437	30677	52797	2977	21095	15405	1748	39940	32162	
Всего оседлых хозяйств,	1111	307	75	120	600	767	32	312	41	1355	1149	1227	
из них:													
русских	900	256	59	113	562	704	28	258	41	1135	1003	1055	
коми	13	4	3	3	3	8	1	4	0	87	28	71	
ненцев	108	47	13	13	35	55	3	50	0	133	118	101	
Всего кочевых хозяйств,	75758	31268	8057	6308	30017	52030	2945	20873	15364	393	38791	30935	
из них:													
коми	13924	4207	1091	1174	5452	7993	424	3507	3452	0	5447	5458	
ненцев	61628	25989	6548	5036	23955	42372	2415	16741	11329	393	32240	24557	

* Понятие «тулевые» использовалось для обозначения непродуктивной части поголовья.

транспортной и репродуктивной частей составляет 1:3. По этому показателю русские хозяйства соответствуют специализированным оленеводческим хозяйствам ненцев, у русских он даже несколько выше, чем у коми — 1:2,4.

Перепись фиксирует еще один весьма любопытный факт, позволяющий оценить способы организации выпаса оленей в русских хозяйствах Архангельской губернии. Практически все олени русских отдавались на выпас. Причем это характерно для всех «оседлых» хозяйств, не только русских, но и ненцев и коми. Олени на выпас отдавались в кочевые хозяйства коми-ижемцев и ненцев.

Последний идентификатор касается продуктивности русского оленеводства. На основании данных, приведенных в табл. 9, можно подтвердить выводы о различной ориентации оленеводства русских Мурманского округа и Архангельской губернии. В первом случае у русских было оленей в два раза больше, но в обоих случаях совпадают абсолютные показатели по забою (386 и 391 соответственно), т. е. на Мурмане, по отношению к общему поголовью, оленей забивалось в два раза меньше. Такая ситуация свойственна хозяйствам с достаточно ярко выраженной транспортной ориентацией. Русские Мурманского округа реализовывали большую часть шкур забитых взрослых оленей; шкуры молодняка, судя по данным переписи, не продавались. В Архангельской губернии реализовывалась треть полученных шкур, причем не только взрослых, но и молодняка. Это несколько меньше, чем в хозяйствах ненцев и коми, где продавалось около половины шкур, но значительно больше, чем у русских Мурманского округа, где этот показатель составляет шестую часть проданных шкур.

Сведения об оленеводстве на Карельском и отчасти Поморском берегах приводятся по работе В.В. Никольского.¹² Судя по времени публикации, эти данные синхронны материалам переписи (табл. 10). К сожалению, табл. 10 дает лишь обобщенное представление о русском оленеводстве в Карелии, поскольку в ней отражен подворный учет оленей без указания на этническую принадлежность хозяйства, т.е. в графах «Количество хозяйств», «Количество оленей» учтены как русские, так и карельские хозяйства. Но хозяйственная ориентация оленеводства в Карелии достаточно очевидна. Это малооленные хозяйства, имеющие при среднем показателе 3,1 от 1 до 8 оленей на хозяйство. Абсолютное преобладание в структуре стада транспортных оленей говорит о транспортной ориентации оленеводства Карелии.

Таблица 9. Продукция оленеводства

Вид и принадлежность хозяйств по территориям	Количество оленей			Количество шкур				новорожденные		
	на начало года	забито	%	вес мяса, в ц.	взрослые		молодняк до года		получено	продано
					получено	продано	получено	продано		
Мурманский округ	45713	6016	13,2	2956	4852	3181	1654	0	527	0
Всего оседлых хозяйств,	22788	2979	13,1	1464	2552	1869	746	0	245	0
из них:										
русских	5811	386	6,6	190	195	113	529	0	25	0
коми	14580	2316	15,9	1138	2053	1674	117	0	203	0
карел	68	4	5,9	2	44	0	0	0	0	0
саамов	1647	198	12,0	97	135	4	83	0	11	0
финнов	328	20	6,1	10	51	33	8	0	2	0
Всего кочевых хозяйств,	22925	3037	13,2	1492	2280	1249	908	0	262	0
из них:										
саамов	18900	2408	12,7	1183	1649	823	839	0	233	0
Архангельская губерния	81658	17180	21,0	7206	6067	2707	12798	5707	6141	2631
Всего оседлых хозяйств,	3293	489	14,8	196	140	46	360	129	232	48
из них:										
русских	2790	391	14,0	168	120	40	299	121	211	48
коми	195	10	5,1	11	15	6	13	8	8	0
ненцев	308	58	18,8	17	5	0	48	0	13	0
Всего кочевых хозяйств,	78392	16721	21,3	7010	5927	2661	12432	5578	6909	2583
из них:										
коми	11655	2619	22,5	1127	1061	565	2312	1168	724	316
ненцев	64714	13422	20,7	5710	4686	1966	9700	4098	5017	2117

Таблица 10. Подворный учет оленей в населенных пунктах Карельского и Поморского берегов

Населенные пункты	Количество хозяйств			Количество оленей	
	русских	карел	с оленями	всего	ездовых
Кандалакша	111	6	35	130	90
Федосово	18	4	12	72	62
Колвица	0	32	18	114	88
Верес Ручей	0	3	3	7	7
Князь Губа	63	49	19	89	58
Ковда	109	6	2	17	10
Кереть	131	14	6	13	11
Гридино	90	0	71	170	126
Калагалакша	75	0	58	98	80
Поньгома	50	0	9	9	9
Шуя	142	18	1	1	0

Итак, анализ материалов похозяйственной переписи позволяет следующим образом охарактеризовать оленеводство русских.

1. На территории Севера и Сибири наибольшая концентрация русских хозяйств с оленями зафиксирована на Русском Севере.

2. В этом регионе, даже с учетом неполноты данных, можно выделить две территории, где русское оленеводство имеет различную хозяйственную направленность.

3. На Кольском полуострове, особенно на Терском берегу, наблюдалась наибольшая концентрация русских оленеводческих хозяйств. Здесь около половины мужского населения было связано с оленеводством. Оленеводство Мурмана мелкостадное с ярко выраженной транспортной ориентацией.

4. В Архангельской губернии оленеводческих хозяйств русских было меньше, но их ориентация в большей степени соответствовала профилю оленеводства жителей тундры ненцев и коми. Вместе с тем кочевой образ жизни, связанный с оленеводством, для русских не был характерен.

Очевидно, что статистический источник (материалы Приполярной переписи) дает нам синхронную характеристику явления, и хотя позволяет оценить его качественно, все же оставляет за рамками анализа большую часть этнографических реалий. Поэтому, несмотря на фрагментарность и в ряде случаев неопределенность литературных источников, попытаемся дополнить выявленную картину историко-этнографическим описанием оленеводства на Русском Севере.

Первый вопрос, к которому следует обратиться, — это время и условия появления оленеводства у русских. Ответ на него может быть дан как на основании оценки динамики процесса формирования локальных подразделений русских на Европейском Севере, так и по непосредственным свидетельствам о русском оленеводстве.

Как отмечает Т. А. Бернштам, подавляющая часть русских поселений на побережье Белого моря возникла в период с середины XIV до конца XVII вв.,¹³ а суть самого процесса заключалась в формировании совершенно особой системы хозяйства, ориентированной в первую очередь на морские рыболовно-зверобойные промыслы (морская промысловая система хозяйства русских).¹⁴ Существенной чертой культуры русских всего полярного ареала, даже при их переходе к экстенсивным видам промысла, требующим относительной мобильности, Р. В. Каменецкая считает оседлость.¹⁵ Именно эти два основополагающих признака русской северной культуры позволяют предположить, что оленеводство у русских появляется в процессе формирования промысловой традиции и этнической территории, в ходе этнокультурного взаимодействия с аборигенным населением.

На Европейском Севере оленеводство было известно саамам, ненцам, карелам и коми-ижемцам. Очевидно, что это именно те этнокультурные среды, из которых русские и восприняли оленеводство. Существенным является тот факт, что оленеводство каждого из перечисленных народов имело этнические особенности, что, вероятно, отразилось в проявлении отмеченных выше региональных вариантов русского оленеводства. В связи с этим уместно обратиться к этнографической характеристике оленеводства территорий, где русские проживали совместно с народами, имеющими более древнюю оленеводческую традицию. К таким территориям относятся Кольский полуостров, Карелия и Архангельская губерния.

Кольский полуостров. Данные о русском оленеводстве Мурмана относятся в основном ко второй половине XIX — началу XX в. Считается, что здесь оленеводство русскими было заимствовано от саамов. Сложнее дело обстоит с датировками явления, поскольку исследователи специально к этому вопросу не обращались. На что здесь можно ориентироваться? Во-первых, на время начала освоения русскими территории Кольского полуострова — эта дата определяется серединой второго тысячелетия н.э.¹⁶ Непосредственные свидетельства о достаточно развитом оленеводстве относятся к последней четверти XIX в. Вероятно, установление оленеводческой традиции у русских произошло ранее периода, когда на Кольском полуострове появ-

ляются оленеводы коми и ненцы.¹⁷ Очевидно, это был достаточно длительный этап формирования основ промысловой культуры поморов, одной из важных составляющих которой стал олений транспорт, обеспечивающий зимний промысел морских животных и рыбную ловлю на льду. Следует отметить, что во всех аспектах русского оленеводства на Мурмане фиксируется развитая атрибутика, что требовало времени для ее формирования. Русские даже разводили «своеродных» оленей, привычных к определенной местности и условиям содержания.¹⁸ Весьма показательными являются неоднократные упоминания об оленеводстве как важнейшем культурно-связующем звене между саамами и русскими, о существовании в их оленеводстве «согласных» отношений.¹⁹ Вероятно, об органичности, а следовательно, и о давности оленеводства в культуре русских Мурмана, говорит и тот факт, что его трансформация от саамской к ижемско-самодийской оленеводческой системе в последней четверти XIX в. произошла у русских и саамов синхронно и затронула сходные стороны культуры. Это позволяет предположить, что вхождение оленеводства в промысловую культуру русских Кольского полуострова произошло не позднее XVII в.

К показательным признакам оленеводства Мурмана относятся:

1. В XIX в. территория распространения оленеводства совпадает с зафиксированной в Приполярной переписи 1926–1927 гг.

2. Хозяйственная ориентация определяется численностью оленей, что также соответствует данным переписи. Это транспортное оленеводство, в основном малооленных хозяйств с поголовьем от 5 до 30 оленей на семью.²⁰ Как отмечал А. П. Энгельгардт, говоря о территории Печорского уезда, что справедливо и для Мурмана, «без оленя житель Печорского края — тот же безлошадный и не имеющий скота хозяин в земледельческой полосе».²¹ В. Регель об оленеводстве на Варзуге писал: «Как и вообще в русских селениях Кольского полуострова, оленей держат исключительно для домашних надобностей».²² По В. А. Алымову, продукция оленеводства имела небольшое значение, в то же время олень использовался для перевозки пассажиров и самых различных грузов: дров, сена, ягеля (на корм скоту), зимой — для подвозки воды. Олени как транспорт широко использовались для транспортировки строительных материалов при сооружении Мурманской железной дороги, причем оленевод, который нанимался на работы на 2–3 месяца, шел со своим чумом.²³ Весьма показательной является связь оленеводства с промысловой деятельностью. Именно на оленях доставляли снасти и скарб с летних тоней, ездили промышлять

морского зверя к Поною. Существуют свидетельства, что с сокращением поголовья оленей уменьшалось количество промысловиков.²⁴

Уместно привести одно весьма любопытное свидетельство, которое ранее не применялось при определении профиля оленеводческого хозяйства. Л. Мелетьев отметил следующую закономерность: у коми существует достаточно развитая оленеводческая терминология для обозначения оленей ранних возрастов (до двух лет), по отношению к оленям старше двух лет используется обобщенный термин, обозначающий только половозрастные группы оленей. Это связано с активной сменой поголовья в результате регулярных массовых забоев, что свойственно оленеводству пище-сырьевой ориентации. Таким образом, через 8–10 лет стадо обновляется практически полностью. В оленеводстве русских и саамов развитая половозрастная терминология существует применительно к оленям до пяти лет, что свидетельствует о большей стабильности поголовья и структуры стада, типичной при транспортной ориентации оленеводческого хозяйства.²⁵ Аналогичную картину можно наблюдать и в Западной Сибири. Здесь слабо развита половозрастная терминология в оленеводстве коми, в то время как у ненцев, обских угров и селькупов она весьма разнообразна. О транспортной ориентации русского оленеводства свидетельствует и структура стада, где треть поголовья составляли рабочие «быки»,²⁶ а также тот факт, что в связи с «чрезмерностью эксплуатации сил оленя» поморы были вынуждены их прикупать.²⁷ Этот факт, как было отмечено выше, нашел отражение и в материалах Приполярной переписи.

3. Способы содержания оленей русскими не отличались от саамских,²⁸ но зимой русские чаще держали оленей «на руках», т.е. у жилища, для ежедневных транспортных потребностей. В это время оленей содержали в легких сараях и загонах.²⁹ В пищу им давали ягель, который заготавливали из расчета 120–250 пудов на одно животное, либо сено из травы, растущей на морском берегу, отчего оно отличалось солоноватым привкусом.³⁰

С появлением на Кольском полуострове ненцев и коми начинается переход к новой системе содержания оленей в хозяйствах саамов и русских. Этому способствовала практика передачи оленей на выпас в хозяйства коми и ненцев либо, как у жителей с. Поной, наем пастуха из коми и ненцев. К 20-м годам XX в. по Летнему наволоку по саамской системе выпасалось около 2/3 оленей саамов и 1/2 — русских, а остальные — по ненецко-ижемской системе.³¹

4. Влияние ненецко-ижемского оленеводства на русское, без изменения хозяйственной направленности последнего, прослеживается

в переходе к самодийскому типу упряжного оленеводства и широком распространении самодийской оленеводческой лексики.³²

Карелия. Сведения об оленеводстве в Карелии еще более фрагментарны. Динамика и атрибутика русского оленеводства аналогичны отмеченным на Мурмане. Причиной тому является заимствование карелами, а от них и русскими, оленеводства от саамов. Первые упоминания о карельском оленеводстве появляются в XVIII в., но учитывая, что саамы в прошлом были более широко расселены в Карелии и их контакты с русскими и карелами устанавливаются более ранний период, дату появления оленеводства в Карелии можно отнести, по меньшей мере, к предыдущему столетию.

Оленеводству в Карелии посвящена специальная работа,³³ но в ней, как и в других описаниях, оленеводство русских и карел не дифференцируется. Вероятно, это связано с тем, что, как отмечает Т. А. Бернштам, термины «корел», «корелянин» не всегда имели только этническое звучание.³⁴

Исходя из общей характеристики оленеводства в Карелии можно отметить следующие его особенности:

1. Оленеводство в хозяйстве русских и карел, а также финнов Карелии к началу XX в. занимало важное место, но не было определяющим в экономике края, поскольку имело незначительные масштабы и распространялось локально, в основном на побережье Белого моря.³⁵

2. Хозяйственное значение оленеводства ограничивалось транспортной функцией. Это был зимний оленьий транспорт для перевозки дров, сена и ягеля, рыбы и продовольствия.³⁶

3. Способы содержания оленей карелами не отличались от отмеченных на Кольском полуострове. А. Н. Сегаль указывает на наличие в Карелии двух способов содержания оленей. Поморы практиковали «приизбенное оленеводство», которое предполагало содержание оленей в загонах у дома. В качестве кормов при фактически стойловом содержании оленей использовали заготовленные летом сено и ягель. Норма заготовки кормов соответствовала принятой на Мурмане — 150–250 пудов на одно животное.³⁷ Карелы практиковали саамскую систему выпаса.³⁸

Вероятно, эта схема может быть уточнена и дополнена. Так, в описании Карельского берега В. В. Никольским отмечалось преобладание русских оленеводческих хозяйств (см. табл. 10). В то же время отмеченный здесь способ летнего выпаса оленей здесь — вольный отпуск; осенне-зимнее «имание» и прием установления права собственности на оленей при помощи дощечек «кейкало» и ушных мет в

целом не отличались от саамского.³⁹ Способ содержания оленей русскими специфичен только в зимний период, поскольку именно на это время приходится активное хозяйственное использование оленя. Это действительно «приизбенное» оленеводство, но таким способом содержались не все олени. При большом их количестве в стаде только часть оленей находилась на «привязях» или в загонах, а другие паслись в лесу. В случае необходимости их заменяли на «стойловых».⁴⁰ Аналогичным было содержание оленей и на Кольском полуострове.⁴¹

В целом оленеводство русских Карелии сходно с оленеводством русских Мурмана, что объясняется как общим корнем (заимствование от саамов), так и сходной хозяйственно-культурной функцией.

Архангельская губерния. На северо-востоке этой территории оленеводство среди русского населения было распространено на Зимнем берегу, в районах Мезени и Пустозерска.⁴² Имеющиеся источники и исследования позволяют предположить, что здесь оно было заимствовано от ненцев в тот же период, что и коми-ижемцами, т.е. в середине XVII в.⁴³ Это предположение не исключает возможности более раннего заимствования, поскольку контакты русских с ненцами издавна характеризовались разного рода культурными взаимодействиями. Е. И. Колычева и В. И. Васильев на материалах архивных источников XVII–XVIII вв. отметили сложившуюся и разностороннюю картину культурных контактов русских и ненцев на Европейском Севере.⁴⁴ В этом процессе более активной стороной были именно русские.⁴⁵ Данный период был периодом формирования промысловой приморской культуры, включившей в себя ряд элементов аборигенных культур. Именно поэтому вполне вероятно предположение о более ранних контактах между русскими и ненцами и в сфере оленеводства. Еще одна тенденция, отмечаемая в литературе, состоит в том, что в XVII–XVIII вв. русское оленеводство на Мезени, Цильме и Печоре развивалось параллельно с коми-ижемским и под непосредственным его влиянием.

По материалам Приполярной переписи, у русских этого региона в оленеводстве наблюдалось сложение ряда элементов товарного производства. В то же время в литературе XIX в. можно встретить многочисленные свидетельства об уменьшении поголовья оленей сравнительно с более ранним периодом.⁴⁶ Наглядной иллюстрацией служит диалог С. В. Максимова с жителем поселка Усть-Цильма: «Олени-то есть у вас? — Самая малость. Только про свой обиход. Во всем селе-нии найдешь половину противу того, что вон у ижемца другого и не больно богатого. Олени-то все у них, вся тундра у них».⁴⁷

Очевидно, в этом свидетельстве нашел отражение заключительный этап истории русского оленеводства данного региона. Суть заключительного этапа состояла в переходе под влиянием оленеводства коми-ижемцев незначительной части русских хозяйств в сферу товарного оленеводства. Вероятно, этот процесс был связан и с социальной дифференциацией, что наряду с появлением специализированных оленеводческих хозяйств у незначительного процента русского населения вело к утрате основной частью русских хозяйств оленеводческих традиций.⁴⁸ Л. В. Хомич отмечает, что к концу XVIII в. многие русские имели до 500 голов оленей. Об основательности русского оленеводства с точки зрения нагрузки на пастбищные угодия говорит и факт введения в 1835 г. Устава управления самоедами, что явилось реакцией местной администрации на «жалкое положение самоедов, порабощенных русскими, как поселившихся в тундрах, так и наезжающих туда первоначально для торговых сделок, а затем заведшими своих оленей, которых они приобрели у самоедов».⁴⁹ По данным А. Шренка, в середине XIX в. на Мезени «некоторые из более достаточных мезенцев занимались разведением северных оленей в соседствующих самоедских тундрах».⁵⁰ Причину упадка русского оленеводства на Мезени А. Шренк видел в «язве» 1831–1833 гг., а также во введении упомянутого Устава, который ограничивал для русских и коми территории занятия оленеводством и обязывал их выплачивать ненецким общинам «покопытные деньги».⁵¹ Само мезенское оленеводство А. Шренк оценивал противоречиво. В одном случае он указывал, что «этот источник не так доходен, как прежде», а в другом признавал, что, «несмотря на ограничения, оленеводство выгодно».⁵² По данным В. Иславина, в 1845 г. число оленей у крестьян Канинской и Тиманской тундр составляло 10 175 голов. В Большеземельской тундре в 1844 г. было учтено 11 404 человек русских и коми, из них оленехозяев 330, которые располагали поголовьем в 136 138 оленей. Далее В. Иславин отмечает, что на каждого хозяина русского и коми приходится 412 голов оленей, в то время как на ненца — только 17.⁵³ Оценка обеспеченности русских хозяйств оленями на основании этих данных невозможна, поскольку учтено общее поголовье как у русских, так и у коми, а последние, как правило, имели больше оленей. Существенным является и такое замечание: «Среднее количество оленей на один двор колеблется за счет наличия крупного оленеводства».⁵⁴ Тем не менее В. Иславин отмечает, что хотя мезенцы в основном держат оленей «помалу», есть хозяева, у которых в стаде насчитывалось до 1 тыс. оленей. В одних русских хозяйствах олени исполь-

зовались как транспорт для перевозки товаров на ярмарки, «а другие обзавелись оленями в надежде на большие барыши».⁵⁵

По А. Шренку, оленеводство в Пустозерском крае — это «средство заниматься промышленностью и торговлей». Русские не разводят оленей «до бесконечности», их оленей пасут ненцы, в то время как «сами хозяева всегда бывают заняты охотой и рыбной ловлей».⁵⁶ То же самое отмечает и В. Иславин, который указывает, что в районе Пустозерска оленя использовали как транспорт для отправки рыбы и мяса на Пинежскую ярмарку, причем недостающих оленей нанимали у ненцев. Кроме того, морской зверобойный промысел на побережье Ледовитого океана требовал доставки туда необходимого промыслового снаряжения на оленях. В отличие от А. Шренка В. Иславин видит причину упадка русского оленеводства именно в промысловой традиции жителей Пустозерска: «... богатые промыслы, которыми они владеют, не оставляют им времени заниматься оленеводством».⁵⁷

Сходная картина наблюдается в оленеводстве усть-цилемцев.⁵⁸

Эти свидетельства подтверждают тенденции развития русского оленеводства на северо-востоке Архангельской губернии, выявленные на основании материалов Приполярной переписи. Так, в отличие от Кольского полуострова и Карелии здесь можно наблюдать ориентацию русских на оленеводческие традиции коми и ненцев при сохранении ими оседлого образа жизни в сочетании с экспедиционным способом ведения зверобойного и рыболовного промыслов, в которых как транспорт использовался домашний олень. Наряду с этим олень применялся на извозе, для транспортировки торговых грузов и пассажиров. Во второй половине XIX в. часть русских хозяйств перешла к крупностадному оленеводству, в котором помимо транспортного начинало оформляться и продуктивное направление. Тем не менее оленеводство как северный вариант скотоводческой экономики у русских, в отличие от коми-ижемцев, не получило значительного развития, поскольку русские не отказались от промыслового хозяйства и оседлого образа жизни и не ушли, как коми, с оленями в тундры.

Своих оленей русские на выпас отдавали ненцам, иногда коми или ненцы нанимались в качестве пастухов «хозяйских оленей».⁵⁹ В литературе нам встретилось только одно упоминание о том, что мезенские мещане и крестьяне, имеющие оленей, пасут их в южной части уезда и ведут тот же образ жизни, что и самоеды.⁶⁰ Основной же способ выпаса оленей состоял в их передаче в ненецкие стада, сами хозяева только наезжали туда, но там не жили. Когда в семье было

достаточно мужчин, один из них мог постоянно участвовать в выпасе. Стада обязательно навешались в периоды отела и забоя.⁶¹

Олений транспорт у русских особенно широко представлен в Кольском и Кемском уездах Архангельской губернии, в низовьях Мезени и Печоры и описан М. И. Васильевым.⁶² Оленьи нарты М. И. Васильев объединяет с конскими. И те и другие имели общее обозначение — «чунки», «утицы» — и подразделялись на ездовые и грузовые.

Существенно, что ездовые нарты были исключительно оленьими. Ездовые нарты конструктивно ничем не отличались от нарт «самодийского типа». Это, по словам автора, «позволяет нам присоединиться к единодушному мнению многих исследователей о заимствовании этой нарты русскими от ненцев».⁶³

Конструктивно более разнообразны грузовые нарты, причем в ряде мест в качестве конских они служат летним средством передвижения. Зимой использовались дровни или розвальни. Грузовые нарты отличаются по высоте и форме копыльев, характером их расположения по длине полоза и наклоном, особенностями конструкции и способа соединения вязов с копыльями.

Русские не только заимствовали, но нередко и покупали нарты у ненцев. Вместе с тем в русском оленьем транспорте есть и нововведения (употребление вязов-брусев, надевающихся на копылья, вязов из толстых прутьев, огибающих копылья, конструкция самих копыльев и т.п.), которые можно объяснить влиянием санного транспорта. Отмечены факты влияния конструктивных особенностей русских нарт на ненецкие. В частности, в Малоземельской тундре у ненцев встречаются нарты с брусками-вязами, надеваемыми на копылья.⁶⁴

Оленья упряжь несколько отличалась на Кольском полуострове и северо-западном побережье Белого моря. Здесь одного/двух оленей запрягали в «кережу», «балок», иногда — в русские сани. Оленья упряжь состояла из лямки, потяга, пояса и вожжи. У русских в Кемском и Александровском уездах вместо лямки использовался деревянный хомут. В Кольском уезде, а также в районах Мезени и Печоры был более распространен собственно самодийский тип упряжи и упряжки. В грузовую нарту запрягали двух, в ездовую — до четырех оленей. Упряжь состояла из лямок — «подер», недоузтков — «сены», потягов — «сса» и поясов — «тасма». Упряжка крепилась к нарте при помощи блоков — «енделей», «чурок», «печеев», и управлялась вожжой — «игна», «гигна», «хигна», и шестом — «хореем». В грузовой упряжке отсутствовали пояса. Состав упряжи и ее терминология соответствуют ненецкой и коми-ижемской.⁶⁵

В заключение следует отметить еще ряд характеристик русского оленеводства.

Во-первых, мы коснулись оценки явления только как формы хозяйственной деятельности. С появлением оленеводства по всей территории, где происходило взаимодействие русских с ненцами и коми, в северорусской культуре, даже среди населения, которое оленеводством непосредственно не занималось, распространяется зимняя оленеводческая одежда. Она покупалась, изготавливалась из традиционного для оленеводов сырья — оленьих шкур; малицы шили и из овчины.⁶⁶ В отличие от аборигенов Западной Сибири, которые заимствовали такую одежду от ненцев, в основном в мужском ее варианте, русские женщины, как и женщины коми,⁶⁷ также носили малицы.⁶⁸ В северорусском словаре сформировался объемный фонд лексики, связанной с оленеводством, генетически восходящей к ненецкому языку.⁶⁹ Все это свидетельствует об органичности вхождения северной оленеводческой традиции в культуру поморов.

Во-вторых, существенным, на наш взгляд, является то, что выявленные тенденции адаптации и генезис оленеводческой традиции в русской культуре, несмотря на то, что был взят сравнительно ограниченный регион, в известной степени универсальны. Так, аналогичный процесс хозяйственного освоения и функционального назначения оленеводства в культуре русских севера Западной Сибири отметила Н.А. Миненко.⁷⁰

В-третьих, на основании приведенных выше характеристик появляется возможность уточнить классификационные оценки экономического значения оленеводства в хозяйстве русских.⁷¹ Выделение С. В. Керцелли «кочевого промышленного оленеводства» и его варианта — «торгово-промышленного» оленеводства у русских Архангельской губернии, справедливо только с точки зрения их хозяйственного значения, тогда как способ содержания оленей в большей степени соответствует «кочевому натурально-первобытному». Признаки оленеводства русских Кольского полуострова также не вполне соответствуют схеме С. В. Керцелли. Например, понятие «оседлое избенное оленеводство» применимо только к зимнему периоду содержания оленей и не может служить хозяйственным определителем. Оба его варианта — «торгово-промышленное» и «рабочее ездовое» — в целом соответствуют профилю русского оленеводства на Мурмане.

Выявленные характеристики и тенденции развития русского оленеводства, а также интеграция в северорусскую культуру широкого круга явлений культуры ненцев и коми в целом подтверждают зако-

номерности взаимодействия оленеводческих и неолениводческих традиций. Во всех случаях реализуется одна и та же программа: заимствуются олень и широкий набор элементов культуры, базирующийся на обращении с оленем. В меньшей степени адаптируются экономические составляющие, что объяснимо исходя из возможностей обеспечения этноса-реципиента собственной хозяйственной моделью. В случае с коми мы видим полный отказ от экономики предшествующего периода и даже территории. Русские, как и все народы тайги Западной Сибири, даже после усвоения навыков обращения с домашним оленем, остались в рамках прежней хозяйственной модели, модифицировав ее за счет оленеводства.

Примечания

¹ Бернштам Т.А. 1) Поморы: формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978; 2) Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. (Этнографические очерки). Л., 1983; Каменецкая Р.В. Русские старожилы полярного ареала // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1976. С. 67–81.

² Каменецкая Р.В. Ездовое собаководство русских старожилов полярного ареала Сибири // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — начала XX в. Вып. 1. М., 1990. С. 119.

³ Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926 / 1927 года: Территориальные и групповые итоги приполярной переписи. М., 1929.

⁴ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989; Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера (по данным переписи 1926/1927 г.). Л., 1932.

⁵ Крупник И.И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // СЭ. 1976. № 6. С. 61–69.

⁶ Этническое развитие народностей Севера в советский период / Под ред. И. С. Гурвича. М., 1987.

⁷ Похозяйственная перепись... С. V.

⁸ Понятия «русское оленеводство», «русское оленеводческое хозяйство», «русское хозяйство с оленями» при оценке материалов переписи применяются, если это специально не оговаривается, не в смысле определения хозяйственной доминанты и даже не ориентации. В данном случае речь идет о констатации факта, что данное хозяйство имеет оленей.

⁹ Летом в Поморье // ИАОИРС. 1910. № 12. С. 21; Материалы по статистическому исследованию Мурмана. Т. II. Вып. I. Описание колоний Восточного берега и Кольской губы. СПб., 1902. С. 3.

¹⁰ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. С. 96.

¹¹ Бернштам Т.А. Поморы ... С. 41.

¹² Керцелли С.В. Материалы к изучению оленеводства // Труды Сев. научн. промысл. эксп. Вып. 13. Пг., 1921. С. 8.

¹³ Никольский В.В. Быт и промыслы западного побережья Белого моря // Тр. ин-та по изуч. Севера. № 36. 1937. С. 12–62.

¹⁴ Там же. С. 166.

¹⁵ Каменецкая Р.В. Ездовое собаководство ... С. 83.

¹⁶ Бернштам Т.А. Поморы... С. 41; Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов Кольского полуострова в конце XIX–XX вв. М., 1971; Алымов В.А. Оленеводство у русского населения Терского берега // Карело-Мурманский край. 1929. № 3–4. С. 31.

¹⁷ Хомич Л.В. Ненцы и коми Кольского полуострова // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Л., 1977. С. 118–119.

¹⁸ Бернштам Т.А. Поморы ... С. 126; Алымов В.А. Оленеводство... С. 13–31; Из области оленеводства // ИАОИРС. 1909. № 7. С. 40.

¹⁹ Чарнолуцкий В.В. Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л., 1930. С. 27; Из области оленеводства. С. 48.

²⁰ Алымов В.А. Оленеводство... С. 33; Чарнолуцкий В.В. Материалы ... С. 113; Из области оленеводства ... С. 40.

²¹ Энгельгардт А.П. Русский Север. СПб., 1897. С. 229; Бернштам Т.А. Поморы... С. 126.

²² Регель В. Путешествие по Кольскому полуострову летом 1913 г. // ИАОИРС. 1914. № 11. С. 332.

²³ Осинский В. Олений транспорт на лесозаготовках // Карело-Мурманский край. 1929. № 6. С. 9.

²⁴ Алымов В.А. Оленеводство... С. 31; Из области оленеводства... С. 40; Бернштам Т.А. Поморы... С. 125.

²⁵ Мелетьев Л. Об эпизоотиях антракса у оленей и состав их стад в Печорском уезде Архангельской губернии // ИАОИРС. 1909. № 8. С. 45–56.

²⁶ Алымов В.А. Оленеводство... С. 33.

²⁷ Из области оленеводства... С. 41; Бернштам Т.А. Поморы ... С. 126.

²⁸ Алымов В.А. Оленеводство ... С. 31–32; Из области оленеводства... С. 44; Бернштам Т.А. Поморы ... С. 126.

²⁹ Керцелли С.В. Избенное оленеводство в сельском хозяйстве. Л., 1933. С. 12.

³⁰ Алымов В.А. Оленеводство... С. 30.

³¹ Там же. С. 31; Чарнолуцкий В.В. Материалы... С. 116.

³² Алымов В.А. Оленеводство... С. 33; Чарнолуцкий В.В. Материалы... С. 30; Бернштам Т.А. Поморы... С. 126; Керцелли С.В. Избенное оленеводство... С. 8.

³³ Сегаль А.Н. История северного оленя и оленеводства в Карелии: Морфология, систематика, экология, физиология, вопросы оленеводства // Северный олень в Карельской АССР. М.;Л., 1962. С. 41–57.

³⁴ Бернштам Т.А. Поморы... С. 55.

³⁵ Сегаль А.Н. История северного оленя ... С. 48–49, 51.

- ³⁶ Там же. С. 50; Жилинский А.А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Пг., 1919. С. 139.
- ³⁷ Никольский В.В. Быт и промыслы ... С. 62.
- ³⁸ Сегаль А.Н. История северного оленя ... С. 50.
- ³⁹ Никольский В.В. Быт и промыслы ... С. 62.
- ⁴⁰ Сегаль А.Н. История северного оленя ... С. 50.
- ⁴¹ Алымов В.А. Оленеводство ... С. 32.
- ⁴² Бернштам Т.А. Поморы ... С. 66; Ануфриев И. Наше северо-восточное побережье Белого моря и Ледовитого океана // ИАОИРС. 1912. № 6. С. 241.
- ⁴³ Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. С. 20; Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 93.
- ⁴⁴ Колычева Е.И. Ненцы Европейской России в конце XVII — начале XVIII в. // СЭ. 1956, № 2. С. 80; Васильев В.И. Этнические контакты европейских ненцев в XVII–XVIII вв. // К истории малых народностей Европейского Севера СССР. Петрозаводск, 1979. С. 53.
- ⁴⁵ Васильев В.И. Этнические контакты ... С. 53.
- ⁴⁶ Ануфриев И. Наше северо-восточное побережье ... С. 24; Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 139.
- ⁴⁷ Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 353.
- ⁴⁸ Хомич Л.В. Проблемы этногенеза ... С. 140.
- ⁴⁹ Голубцов Н. Вопрос об управлении самоедами Архангельской губернии (по архивным данным) // ИАОИРС. 1909, № 3. С. 52.
- ⁵⁰ Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России через гундры самоедов к северным Уральским горам. СПб., 1855. С. 111.
- ⁵¹ Там же. С. 111–112; Голубцов Н. Вопрос об управлении ... С. 38–48, 50–60.
- ⁵² Шренк А. Путешествие ... С. 111–112.
- ⁵³ Иславин В. Самоеды ... С. 55–58.
- ⁵⁴ Гиммер Н. Крестьянский бюджет на Севере // ИАОИРС. 1911. № 19. С. 573.
- ⁵⁵ Иславин В. Самоеды ... С. 80.
- ⁵⁶ Шренк А. Путешествие ... С. 122–123.
- ⁵⁷ Иславин В. Самоеды ... С. 79.
- ⁵⁸ Шренк А. Путешествие ... С. 179; Иславин В. Самоеды ... С. 77.
- ⁵⁹ Общую характеристику профиля хозяйства и оленеводческой системы см: Васильев В.И. Этнические контакты ... С. 53; Голубцов Н. Вопрос об управлении самоедами ... С. 38–40; Житков Б., Бутурлин С. По Северу России. М., 1901. С. 65–67; Иславин В. Самоеды ... С. 58–59, 66–67, 77–80; Колычева Е.И. Ненцы Европейской России ... С. 86–87; Плетцов Н. Самоеды Большеземельской и Малоземельской тундр (по материалам переписи 1924 г.) // Северное хозяйство. 1925. № 3. С. 11; Шренк А. Путешествие ... С. 123–124, 179.

⁶⁰ Канинская и Тиманские тундры // ИАОИРС. 1912. № 21. С. 975.

⁶¹ Керцелли С.В. По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск, 1911. С. 99–100.

⁶² Васильев М.И. Сухопутные средства передвижения русских севера Европейской России: Канд. дис. СПб., 1994. С. 86–91, 191, 223–227.

⁶³ Там же. С. 87.

⁶⁴ Там же. С. 90.

⁶⁵ Там же. С. 225–226.

⁶⁶ Энгельгардт А.П. Русский Север. С. 46 (фото); Ефименко П. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. I (Описание внешнего и внутреннего быта). М., 1877. С. 49, 52, 55, 57.

⁶⁷ Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения... С. 170.

⁶⁸ Ефименко П. Материалы по этнографии ... С. 49.

⁶⁹ Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб., 1995. С. 69–70.

⁷⁰ Миненко Н.А. Северо-западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск. 1975. С. 78–79.

⁷¹ Керцелли С.В. 1) Материалы к изучению оленеводства ... С. 5–8;
2) Избенное оленеводство в сельском хозяйстве.

ТИПОЛОГИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Традиционным приемом изучения сибирского оленеводства являются типологические исследования, направленные на выявление элементов этнической специфики, характеристику этнических взаимодействий в данной сфере культуры северян и в целом на решение вопроса происхождения и развития сибирского оленеводства.

Именно такой подход отличает и общую оценку оленеводства народов Западной Сибири. Он позволяет зафиксировать общее (региональное) на уровне хозяйственно-культурной принадлежности, проследить историю взаимодействия этноспецифических культур в оленеводстве, которая демонстрирует не только универсалии, но и особенное в адаптации этих универсалий согласно этнической традиции.

Мы ограничимся фиксацией элементного состава явления с выходом на структурный уровень оценки, во-первых, оленеводства как способа хозяйственной деятельности и, во-вторых, оленьего транспорта, который занимает промежуточное положение между культурой первичного производства и культурой жизнеобеспечения.

Обращаясь к истории создания типологий сибирского оленеводства в целом и западносибирского в частности, можно отметить, что, как и для любой типологии, здесь важен набор признаков, характеризующих явление.¹

Первые типологии сибирского оленеводства появляются довольно поздно и в связи с задачами реконструкции хозяйства коренного населения Севера. При этом, как правило, опираются не на этнографический материал, а на оценку экономических особенностей различных форм оленеводства северян.² Но уже в этих исследованиях авторы обращают внимание на этнографические особенности различных форм оленеводства. Так, С. В. Керцелли выделил две его локальные разновидности — западное, с пастушеской собакой, и восточное, без пастушеской собаки. По этому признаку оленеводство народов Запад-

ной Сибири относится к западному «собачьему оленеводству».³ Деление оленеводства по экономическому признаку проводится также в работах И. Блюма и А. Брюханова, которые разделяют оленеводство на кочевое и оседлое (избенное) с выделением натуральных и промышленных форм.⁴

Первые попытки этнографических оценок разнообразия форм сибирского оленеводства были предприняты В.Г. Богоразом. Он постарался минимизировать количество типологических определителей используя только два признака: принцип транспортного использования оленя и применение пастушеской собаки. По В.Г. Богоразу, оленеводство Западной Сибири — северное тундренное с санной ездой и пастушеской собакой. В то же время он указывал на специфику селькупского и кетского оленеводства по организации выпаса.⁵ А.Н. Максимов наряду с этими же критериями привлек в качестве дополнительных признаков, характерных для западносибирского оленеводства, размер стада и способы использования продуктов оленеводческого хозяйства. В частности, он отметил систематическое использование мяса домашних оленей в пищу.⁶

В 1951 г. Г.М. Василевич и М.Г. Левин провели специальное исследование с целью построить этнографическую классификацию оленеводства с учетом максимума признаков. Авторы выделили «самоедский тип оленеводства», характеризующийся особенностями конструкции нарт, упряжки, посадки и управления и еще рядом отличительных черт. Кроме самоедцев распространение данного типа оленеводства отмечается у большинства народов Западной Сибири. При наличии в пределах региона упряжного самоедского оленеводства авторы указали на факт встречаемости верхового оленеводства у отдельных групп лесных энцев и селькупов.⁷ Впоследствии эта классификация более подробно была изложена в «Историко-этнографическом атласе Сибири», где в отношении западносибирского оленеводства было сделано, пожалуй, единственное уточнение — определение «самоедский тип оленеводства» было заменено на «самодийский тип оленеводства».⁸ Несмотря на ограничение набора признаков, на основании которых были выделены этноспецифические типы транспортного использования оленя, данная классификация признается наиболее универсальной в современном сибиреведении.⁹

В начале 1970-х гг. С.И. Вайнштейн опубликовал две статьи, посвященные проблеме происхождения сибирского оленеводства.¹⁰ Автор предложил еще одну версию классификации сибирского оленеводства, выделив «западносибирский, или самодийский, тип» как уп-

ряжное оленеводство и указывая на такие его характеристики, как наличие оленя-маньшика, пастушеской собаки и отсутствие доения домашних оленей.¹¹ С нашей точки зрения, оправданным является введение двойного термина для обозначения данного типа оленеводства, поскольку он более связан с территорией, чем с определенным этносом. В то же время фиксируется его генетический аспект, восходящий к самодийской культурной традиции.

Наряду с этнографическими типологиями западносибирского оленеводства существуют хозяйственно-культурные классификации, построенные на дифференциации оленеводческих типов.¹² Причем общие классификации, в которых выделяются только хозяйственно-культурные типы оленеводов тундры и охотников-олeneводо-в тайги, недостаточно отражают особенности оленеводства отдельных народов западносибирского региона.

Более детальную типологизацию оленеводства народов Западной Сибири провел В.И. Васильев. На основании особенностей оленеводства лесных энцев, лесных ненцев, селькупов, кетов, северных хантов и манси он выделил хозяйственно-культурный тип полукочевого упряжного оленеводства таежной зоны Западной Сибири.¹³ В 1976 г. И.И. Крупник определил наиболее общие признаки крупностадного оленеводства как господствующей формы тундровой экономики¹⁴ и проследил его влияние в эволюции хозяйственно-культурных типов тундрового населения Западной Сибири.¹⁵

Из последних разработок наиболее детальным представляется исследование А.В. Головнева, посвященное классификации отдельных отраслей хозяйства народов Западной Сибири в виде так называемых хозяйственных комплексов. Хозяйственный комплекс, согласно определению, — это цикл занятий, составляющих способ материального обеспечения коллектива людей в конкретных природно-географических и исторических условиях.¹⁶ Итогом анализа обширного материала явилось создание двух схем.

Первая схема дает представление о типах оленеводства народов Западной Сибири на основании традиционных индикаторов: размер стада, маршруты и амплитуда кочеваний, приемы выпаса, использование оленей и продукции оленеводства. С учетом этих признаков выделены четыре региональных типа оленеводства.

1. Тундровое крупностадное оленеводство ненцев и северных хантов Полярного Урала, Ямала и Гыдана.

2. Лесотундровое оленеводство ненцев и хантов от Урала до водораздела Таза и Енисея.

3. Таежное оленеводство хантов, северных селькупов и лесных ненцев.

4. Горно-таежное отгонное оленеводство приуральских манси и хантов.

Перечисленные типы выделяются также на основании территориальной обособленности, которая соотносится с конкретной природно-географической зоной и со специфическим комплексом оленеводческих технологий.

Существенной является общая оценка западносибирской оленеводческой традиции: «Наряду с определенной замкнутостью, названным типам и подтипам свойственна пространственная и функциональная взаимосвязь. В районах низовой Оби, Пура, Таза, например, сезонно были представлены следующие типы оленеводства: тундровый (зимой), таежный (летом), лесотундровый (круглый год). Известны и многообразные формы обмена оленями (чаще всего производителями), оленеводческим инвентарем между представителями различных типов и подтипов, переходы хозяйств от одного стиля оленеводства к другому (к примеру, от лесотундрового к тундровому и наоборот)».¹⁷

Вторая схема демонстрирует многообразие хозяйственных комплексов народов Западной Сибири, включающих и оленеводство с различной его хозяйственной функцией.

В арктическом комплексе оленеводство арктического типа: небольшие стада, периодическое, локальное кочевание, подчиненность промысловой хозяйственной составляющей, свойственное ненецкому населению севера Ямала и Гыданского полуострова.

В тундровом комплексе оленеводство прибрежного подтипа: с преобладанием крупностадного оленеводства, которое составляет основу хозяйственного комплекса ненцев и частично хантов Полярного Урала, Ямала, Гыдана.

В южнотундровом комплексе — прибрежный вариант тундрового оленеводства, который практиковали ненцы и ханты юга Ямала и Низовой Тундры. В нем при сохранении оленеводческого «образа жизни» фиксируется усиление роли промысловой составляющей.

В лесотундровом комплексе малооленные семьи ненцев и хантов берегов Обской и Тазовской губ специализировались в рыболовстве, здесь оленеводство играло вспомогательную роль при сохранении тундровой системы содержания домашних оленей.

В таежно-ненецком комплексе (лесные ненцы) оленеводство сочетает признаки тундровой и таежной его разновидности.

В приречно-таежном, хантыйском комплексе низовьев притоков средней Оби оленеводство таежное, транспортное.

В глубинно-таежном комплексе селькупов и хантов среднего и верхнего течения притоков Оби оленеводство также транспортное и характеризуется усложнением техники летнего выпаса оленей.

В таежном предуральском комплексе северных манси и отчасти северных хантов — специфический способ выпаса оленей, который определяется как отгонный, в нем присутствует также не только транспортная, но и пища-сырьевая составляющая.¹⁸

Итак, история типологических построений оленеводства народов Западной Сибири дает представление о наличии различных подходов исследователей к созданию как общих, так и частных классификаций. Наиболее распространены классификации, которые базируются на этнографических характеристиках оленьего транспорта,¹⁹ другие учитывают хозяйственно-экономическую направленность оленеводства,²⁰ выделяется ряд типологий оленеводческих систем²¹ и, наконец, предлагаются общие схемы, учитывающие различные, зачастую произвольно выбранные признаки.²² Следует отметить, что выделение этих групп типологий в известной степени условно, поскольку, как правило, признаки в них не составляют иерархии, а их набор достаточно произволен. Это прежде всего классификации описательного порядка. К настоящему времени классификационные оценки оленеводства расширены за счет включения в его характеристику количественных показателей,²³ а также признака соотнесенности с прочими видами хозяйственной деятельности.²⁴

Разнообразие подходов к оценке западносибирского оленеводства позволяет вернуться к его типологии с точки зрения соотнесенности тех признаков, на основании которых строятся частные классификации. В связи с тем, что оленеводство как культура первичного производства аккумулирует в себе многие параметры, остановимся только на трех, по нашему мнению, наиболее показательных и дающих представление о специфике региональной оленеводческой традиции, а также на некоторых признаках этнического своеобразия в оленеводстве народов, которые практикуют эту форму хозяйства в Западной Сибири. К данным признакам можно отнести форму хозяйственной направленности оленеводства, тип оленеводческой системы и способ транспортного использования оленя.

Под хозяйственной направленностью мы понимаем место оленеводства в хозяйственном комплексе конкретного народа и его соотнесенность с прочими видами хозяйственной деятельности. Классифи-

кация хозяйственных комплексов народов Северо-Западной Сибири А.В. Головнева даже при возможности выделения достаточно большого их количества в итоге дает функциональную оценку, суть которой сводится к следующему. «Ни один хозяйственный комплекс в производственно-потребительском цикле и обеспеченности людскими резервами не характеризовался самодостаточностью. В тундровом хозяйственном комплексе “перепроизводство” в оленеводстве сочеталось “недопроизводством” в промыслах, в периферийных, наоборот, при недостатке оленеводческой продукции имелся некоторый излишек промысловой». Посредством обмена между двумя хозяйственными комплексами, в которых присутствует оленеводство, происходило своеобразное перераспределение продукции в рамках целостной хозяйственной системы, на чем и базировалась вся система связей между тундрами и тайгой Западной Сибири.²⁵

Приведенные выше соображения позволяют утверждать, что вполне достаточно выделения двух форм хозяйственной направленности оленеводства народов Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.

1. *Тундровое крупностадное оленеводство* характерно для тундровых ненцев, энцев, коми-ижмцев, отчасти северных хантов и селькупов. Оно представляет собой самостоятельную форму хозяйства и северный вариант скотоводческой экономики. Это оленеводство пище-сырьевого направления, транспортное упряжное. В экономическом плане для народов Западной Сибири оно является натуральным.²⁶ Его становление происходит в XVII–XVIII вв., а статус хозяйственной доминанты оно обретает в XIX в.²⁷ Тундровому крупностадному оленеводству сопутствуют сезонные виды промысловой деятельности. Его происхождение связывается с тундровыми ненцами.

В этой форме хозяйственной направленности западносибирского оленеводства могут быть выделены два этноспецифических варианта: а) оленеводство коми-ижмцев как товарная форма оленеводства, продукция которого была ориентирована на рынок; б) при наличии основ пищесырьевой направленности оленеводство северных манси, ориентированное на обеспечение транспортных потребностей промыслового хозяйства.

2. *Транспортное таежное оленеводство* характерно для промысловых хозяйств зоны лесотундры и тайги Западной Сибири. Его практиковали отдельные территориальные группы северных хантов, ханты восточной этнографической группы, лесные ненцы, частично — енисейские ненцы, селькупы, лесные энцы, кеты. Для него ха-

характерно транспортное, сезонное (зимнее) использование оленя, подчиненность оленеводства промысловому хозяйственному циклу.

Типы оленеводческих систем, под которыми мы понимаем способ содержания оленей, соответствуют формам хозяйственной эксплуатации на территориях их распространения и этнической принадлежности.

1. *Тундровая кочевая оленеводческая система* характеризуется следующими признаками: мобильный способ выпаса с протяженными меридиональными сезонными перекочевками в пределах зон тундры — северных границ лесотундры (лето — север, зима — юг); круглогодичный выпас на оленьей упряжке; использование при выпасе пастушеской собаки.

2. *Таежная оленеводческая система* характеризуется стационарным способом выпаса: зимой — в местах промысла, летом — в местах рыбалки. Перекочевки осуществляются на ограниченной территории. В связи с сезонным (зимним) временем использования оленя в весенне-осенний период возможен вольный отпуск. Вследствие оседлого образа жизни таежной разновидности домашнего северного оленя²⁸ принадлежащие к этой разновидности олени от стойбища далеко не уходили. В период «гноса» в пределах территории стойбища устраивались искусственные защитные сооружения — «олений сарай», «теневого навес» с дымокурами либо ставились на открытой площадке огороженные дымокуры. В течение всего года для ограничения подвижности оленя применялись деревянные путы, которые одевались на ногу, либо деревянные колодки, которые одевались на шею оленя. Пастушеская собака для окарауливания не применялась. Н.В. Лукина отмечает регулярность использования собак в оленеводстве восточных хантов, специально, однако, не предназначавшихся для этого оленегонами.²⁹

На наш взгляд, справедливым является утверждение В.И. Васильева о невозможности распространения на таежную оленеводческую систему понятия «избенное оленеводство»,³⁰ поскольку оно применимо к способу стойлового содержания оленей, который имеет ограниченное распространение на территории Русского Севера.³¹ Тем не менее этот термин предпочитают использовать и в современных исследованиях при описании оленеводства народов Сибири.³²

Наряду с двумя региональными типами оленеводческих систем могут быть выделены и этноспецифические варианты, распространение которых определяется скорее географическими особенностями района, где они использовались.

Первый вариант — отгонная вертикальная система кочевания, которую практиковали северные манси. Зимой олени выпасались в Приуральской тайге в местах зимнего промысла, летом — в горных тундрах Урала. Этот вариант более соответствует тундровой оленеводческой системе.³³

Второй вариант в большей степени соответствует таежной оленеводческой системе. Он распространен в лесотундре между Обью и Енисеем. Основной особенностью его организации является летний выпас на водораздельных тундрах, что не исключает возможности применения искусственных сооружений для содержания оленей летом. Эта система частично применялась лесными ненцами и энцами, а также селькупам.³⁴

С точки зрения исторического соотношения тундровой и таежной оленеводческих систем, с учетом их соответствия формам хозяйственной направленности оленеводства, таежную оленеводческую систему принято рассматривать как более древнюю.³⁵

В современном оленеводстве народов Западной Сибири распространен единый способ **транспортного использования оленя** — это упряжное оленеводство самодийского типа, которое сформировалось в условиях западносибирских равнинных тундр³⁶ и генетически восходит к культуре ненцев либо, как указывает Л.В. Хомич, «быть может, точнее, северных самодийцев».³⁷ Таким образом, и в прошлом, и теперь способ транспортного использования оленя соответствует форме хозяйственной направленности оленеводства и типу оленеводческих систем.

Можно отметить историческое соответствие упряжного транспорта тундровому оленеводству и оленеводческой системе, а вьючного транспорта — таежному оленеводству и оленеводческой системе.³⁸ На ином уровне, вследствие вытеснения вьючного транспорта нартенным, можно наблюдать некоторые признаки такого соответствия и в настоящее время. Так, для тундрового оленеводства и оленеводческой системы характерен нартенный транспорт самодийского типа в «чистом виде»: круглогодичная нартенная езда, многооленная веерная упряжка, нарты представлены многочисленными функциональными вариантами. Наши полевые исследования оленьего транспорта ненцев Гыданского полуострова позволили, с учетом трех переменных — термина, функции, конструкции, выделить около 15 функциональных разновидностей нарт.

Для таежного оленеводства и оленеводческой системы также характерен самодийский упряжной транспорт, но в несколько изменен-

ном виде, что связано с модификацией основного типа каждым этносом, имеющим традиции применения копыльных нарт (упряжное и тягловое собаководство, ручная охотничья нарта), а также ограниченным применением нартенного оленьего транспорта в промысловой культуре тайги Западной Сибири.

Здесь нартенная езда на оленях — сезонная (зимняя). Упряжка чаще парная, детали конструкции оленьей нарты могут отличаться от самодийского типа. В качестве оленьей нарты, как вариант, может использоваться собачья или ручная.³⁹ Отмечается ограничение функциональных типов грузовых нарт. Наблюдаются многочисленные отличия в составе упряжи, способе соединения упряжки с нартой.

Перечисленные соответствия позволяют выделить *тундровый способ транспортного нартенного использования оленя*, который практиковали северные манси, коми-ижемцы, обдорские ханты, тундровые ненцы и энцы, отчасти — енисейские ненцы и селькупы. *Таежный способ транспортного нартенного использования оленя* известен северным и восточным хантам, лесным группам северных самодийцев, отчасти — енисейским ненцам, селькупам и кетам. Наряду с основной характеристикой типа в оленьем транспорте селькупов и кетов можно отметить заимствования отдельных черт выючного верхнего транспорта эвенков.⁴⁰

Приведенные выше материалы позволяют уточнить типологические схемы оленеводства Западной Сибири.

В типологиях сибирского оленеводства выделяется единый тип для всей территории Западной Сибири — самодийский (Г.М. Василевич, М.Г. Левин), или западносибирский (С. И. Вайнштейн). Те признаки, по которым выделяется этот тип, внутри региона мало показательны, поскольку они являются признаками самодийского оленеводства в целом, без учета эволюции и распространения данной формы хозяйства в Западной Сибири. По выше приведенным признакам составлена табл. 11, характеризующая типологическую принадлежность оленеводства народов Западной Сибири. Из таблицы следует, что в пределах Западной Сибири тип оленеводства, который в общей схеме обозначается как самодийский, различается в зависимости от зоны его распространения и этнической принадлежности. Он представлен тундровым и таежным вариантами, которые соответственно локализуются в зоне тундры и тайги. В зоне лесотундры оленеводство либо имеет специфические признаки, либо несет признаки, характерные для двух основных вариантов. О единстве и специфике оленеводства народов Западной Сибири можно говорить только в плане его происхождения,

Таблица 11. Типологическая принадлежность оленеводства народов Западной Сибири

Народы или их территориальные группы	Формы хозяйственной направленности оленеводства	Тип оленеводческой системы	Способ транспортного использования оленя
Тундровые ненцы и обдорские ханты	Тундровое крупностадное	Тундровая кочевая	Тундровый
Коми-ижемцы	Тундровое крупностадное, товарное направление	Тундровая кочевая	Тундровый
Северные манси	Тундровое крупностадное транспортно ориентации	Отгонная, с вертикальной системой кочевания	Тундровый
Северные ханты	Тажное транспортное	Тажная	Тажный
Восточные ханты	Тажное транспортное	Тажная	Тажный
Лесные ненцы	Тажное транспортное	Тажная	Тажный, генетически выючный(?)
Селькупы	В зависимости от зоны расселения — тундровое крупностадное, тажное транспортное	В зависимости от зоны расселения — тундровая, тажная, отгонная на водоразделах	В зависимости от зоны расселения — тундровый тажный, выючно-верховой эвенкийский
Кеты	Тажное транспортное	Тажная	Тажный, верховой эвенкийский
Лесные энцы	Тажное транспортное	Тажная	Тажный, генетически выючный(?)
Тундровые энцы	Тундровое крупностадное	Тундровая кочевая	Тундровый
Енисейские ненцы	В зависимости от зоны расселения — тундровое крупностадное, тажное транспортное	В зависимости от зоны расселения — тундровая, тажная, отгонная на водоразделах	В зависимости от зоны расселения — тундровый, тажный

в то время как современный его облик определяется особенностями исторической и естественно-географической обусловленности. Нам представляется возможным в общей типологии выделить западноси-

бирский (самодийский) тип оленеводства с двумя вариантами — тундровым и таежным.

Выделение тундрового и таежного вариантов в западносибирском оленеводстве предполагает необходимость еще раз обратить внимание на их историческую преемственность. Если рассматривать эти варианты как два уровня развития производительных сил в оленеводстве, то следует считать тундровое оленеводство более совершенной формой ведения хозяйства. В данном случае на региональном уровне реализована общесибирская эволюционная схема. Если же обратиться к этническим особенностям атрибутики этих вариантов, то элементы таежного оленеводства в тундровом практически отсутствуют за исключением самодийского пласта в оленеводческой терминологии и современного оленьего транспорта, распространение которых у таежных народов может иметь и позднее происхождение.

Примечания

¹ Крюков М.В. О принципах типологического исследования явлений культуры // СЭ. 1983. № 5. С. 3–13; Чеснов Я.В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 189–203.

² Керцелли С.В. Материалы к изучению оленеводства // Труды Сев. научн. промысл. эксп. Вып. 13. Пг., 1921. С. 4–12; Плотников М. Оленеводство. Чита, 1924.

³ Керцелли С.В. Материалы к изучению оленеводства. С. 10–12.

⁴ Блюм И. Натуральность тундрового оленеводства Тобольского округа и расслоение оленеводческих хозяйств // Бюллетень о-ва изучения края при Музее Тобольского Севера. 1929. № 3. С. 13–16; Брюханов А. Лесное оленье хозяйство Северного края // Советское краеведение. 1936. № 10. С. 33–46.

⁵ Богораз В.Г. 1) Древние переселения народов в Северной Евразии и Америке // Сб. МАЭ. 1927. № 6. С. 37–62; 2) Оленеводство // Проблемы происхождения домашних животных. Л., 1933. С. 219–239.

⁶ Максимов А.Н. Происхождение оленеводства // Уч. зап. РАНИОН. 1928. Т. 6. С. 9.

⁷ Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1. С. 63–87.

⁸ Историко-этнографический атлас Сибири. М., Л., 1961. С. 23.

⁹ См., напр.: Боголюбский С.Н. Происхождение и порообразование домашних животных. М., 1959. С. 409.

¹⁰ Вайнштейн С.И. 1) Проблема происхождения оленеводства в Евразии. I. Саянский очаг одомашнивания оленя // СЭ. 1970. № 6. С. 3–14; 2) Проблема происхождения оленеводства в Евразии. II. Роль Саянского очага в распространении оленеводства в Евразии // СЭ. 1971. № 5. С. 37–52.

¹¹ Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972. С. 102.

¹² Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4. С. 3–17.

¹³ Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение // КСИЭ. Вып. 37. 1962. С. 75.

¹⁴ Крупник И.И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // СЭ. 1976. № 2. С. 57–69.

¹⁵ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989. С. 146–164.

¹⁶ Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 13.

¹⁷ Там же. С. 86–87.

¹⁸ Там же. С. 120–132.

¹⁹ Богораз В.Г. 1) Древние переселения народов в Северной Евразии и Америке. С. 37–62; 2) Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926–1927 гг. // СЭ. 1932. № 4; 3) Оленеводство. С. 219–239; Васильев Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение. С. 63–87.

²⁰ Керцелли С.В. 1) Материалы к изучению оленеводства. С. 4–12; 2) Избенное оленеводство и его значение в сельском хозяйстве. Пг., 1919; Блюм И. Натуральность тундрового оленеводства Тобольского округа и расслоение оленеводческих хозяйств. С. 13–16; Терлецкий П.Е. Основные черты хозяйства Севера // СС. 1930. № 9–12. С. 44–47; Хлобыстин Л.П., Грачева Г.Н. Появление оленеводства в тундровой зоне Европы, Западной и Средней Сибири // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности общественного строя. Л., 1974. С. 82–86.

²¹ Керцелли С.В. Избенное оленеводство и его значение в сельском хозяйстве; Сосунов П.И. Тобольский Север // Сев. Азия. 1925. № 3–4; Брюханов А. Лесное оленное хозяйство Северного края. С. 33–46; Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение. С. 67–75.

²² Максимов А.Н. Происхождение оленеводства. С. 3–37; Золотарев А.М., Левин М.Г. К вопросу о древности происхождения оленеводства // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. Т. I. М., Л., 1940. С. 171–186; Боголюбский С.Н. Происхождение и породообразование домашних животных; Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. С. 88–125.

²³ Лебедев В.В. Роль оленеводства в хозяйственном комплексе селькупов // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М., 1978. С. 14–25.

²⁴ Головнев А.В. 1) Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. С. 12–156; 2) Говорящие культуры. Екатеринбург, 1995. С. 37–52.

²⁵ Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. С. 131–132.

²⁶ Керцелли С.В. Материалы к изучению оленеводства. С. 3–7; Плотников М. Оленеводство. С. 3; Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. С. 131–132.

²⁷ Головнев А.В. 1) Историческая типология... С.94; 2) К истории ненецкого оленеводства. С. 106; Крупник И.И. Арктическая этноэкология. С. 153–157.

²⁸ Баскин Л.М. Северный олень: Экология и поведение. М., 1970. С. 52.

²⁹ Лукина Н.В. Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 12.

³⁰ Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение. С. 71.

³¹ Керцелли С.В. Избенное оленеводство и его значение в сельском хозяйстве. С. 2–6; Брюханов А. Лесное оленное хозяйство Северного края. С. 33–35.

³² Пика А.И. Биологические ресурсы Сосьвинского Приобья и их использование аборигенным населением в XVIII–XIX вв. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 162.

³³ Козьмин В.А. Традиции в развитии современного оленеводства таежной зоны Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 52–54; Федорова Е.Г. Об оленеводстве северных манси // Сибирские чтения 1992. Тез. докл. СПб., 1992. С. 24–25; Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. С. 138.

³⁴ Козьмин В.А. Традиции в развитии ... С. 46; Головнев А.В. Историческая типология... С. 125, 127.

³⁵ Хлобыстин Л.П., Грачева Г.Н. Появление оленеводства в тундровой зоне Европы, Западной и Средней Сибири. С. 83–84.

³⁶ Козьмин В.А. Экологические факторы сложения западносибирского оленеводства // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 150–53.

³⁷ Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 80.

³⁸ Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. С. 88–125; Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение. С. 67–75.

³⁹ Лукина Н.В. Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов. С. 13.

⁴⁰ Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967. С. 70; Козьмин В.А. Оленеводство северных селькупов в связи с их этнической историей // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Тезисы докладов. Омск, 1983. С. 25.

Часть II

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ОЛЕНЕВОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

В данном разделе мы обратимся к ряду компонентов культуры, имеющих широкое распространение среди коренного населения Западной Сибири и образующих комплекс собственно оленеводческой культуры. Исследование генезиса этого комплекса и его распространения, наряду с данными по этноспецифическим оленеводческим технологиям, позволяет проследить историю западносибирского оленеводства в целом.

В отечественной традиции описания этнических культур проводились и проводятся на монографическом уровне в виде, как правило, независимых очерков по отдельным, иногда даже произвольно выбранным культурным составляющим: одежда, пища, утварь, средства передвижения т. п., причем такие описания считаются доказательными и достаточными для констатации облика и генезиса именно этнической культуры.

Безусловно, углубленное изучение элементов традиционно-бытовой культуры, пусть даже и на описательном уровне, отражающем скорее внешнюю сторону ее организации, играло большую роль в фиксации этнографического факта. Однако в начале 1970-х гг. в связи со становлением в отечественной этнографии концепции этноса стали формироваться и новые исследовательские методики, ориентированные на многоплановость объекта и необходимость комплексной оценки феномена этничности.

Следствием этого процесса стало осознание необходимости изучения внутренней организации и функционирования традиционно-бытовой культуры на основании системного подхода, причем системность начала рассматриваться не как исследовательская позиция, а как имманентное свойство культуры.¹

В настоящее время достаточно обоснованными выглядят схемы компонентного состава культуры этноса, построенные на основе системного подхода.² Его применение в сибиреведении носит пока ограниченный характер. Более последовательно системный подход реализуется в исследовании традиционного мировоззрения, истории взаимодействия природы и общества аборигенов Севера, структурно-функционального взаимодействия объектов и субъектов хозяйственной жизни этноса, а также в этногенетике народов Сибири. Особого внимания заслуживает монографическое исследование комплексов этнических культур народов Западной Сибири А.В. Головнева, выполненное полностью на основе системного принципа.³

С точки зрения методологии существенно, на наш взгляд, то, что ученые-теоретики, разрабатывающие проблемы применения системного подхода, рассматривая общество как одну из наиболее сложно организованных систем, считают необходимой отработку метода именно в сфере обществоведения, что предполагает его адаптацию к отдельным сферам гуманитарного знания, в том числе и этнографии. В свою очередь, такая адаптация подразумевает не столько отработку специальных методик, соответствующих предметной сфере той или иной общественной науки, поскольку это уже нарушает принцип системности, сколько доказательство сопряженности и универсальности трех исследовательских плоскостей по отношению к любой сложно организованной динамической системе: предметной, функциональной и исторической.⁴ Сказанное, безусловно, относится и к такой разновидности общности, которую принято обозначать понятием «этническая».

В применении системного подхода важным является принцип ограничения его программы, который не всегда может выступать во всей полноте составляющих его аспектов, что позволяет исследователю в каждом конкретном случае самостоятельно решать, в каком объеме эта программа может быть реализована. Именно эти обстоятельства позволяют обратиться к исследованию оленеводческой культуры народов Западной Сибири, выбрав в качестве объекта культуру жизнеобеспечения (далее — КЖ), включающую компоненты, направленные на социально организованное удовлетворение жизненных потребностей человека,⁵ что позволяет оценить ее системообразующее начало по отношению к прочим компонентам этнической культуры. В данном случае выбор КЖ в качестве объекта исследования не является самоцелью, поскольку при ее анализе появляется возможность выявить сочетание региональных особенностей формирования олене-

водческой культуры и проявление этих особенностей в этноспецифических культурах коренного населения Западной Сибири.

В настоящее время достаточно сложно говорить о приоритетах введения в научный оборот понятия «культура жизнеобеспечения». Однако можно проследить изменение его концептуальной оценки, которое заключается в том, что из определения «жизнеобеспечение — то, что обеспечивает жизнь», использующегося без семантической нагрузки, оно превратилось в термин структурного определения параметров этнической культуры.

В отечественной традиции это достаточно определенно прозвучало на симпозиуме, посвященном методологическим проблемам исследования этнических культур. На нем Ю.И. Мкртумяном был принят не просто традиционный для этнографии описательный способ констатации элементного состава компонентов этнических культур: перед автором стояла задача реализации культурологического подхода в исследовании свойств этнической культуры, что требовало выработки универсальных оценок ее инфраструктуры на различных таксономических уровнях, которые более четко определяли бы состав культурных явлений и методы их анализа и обобщения.⁶

На основании данных посылок одна из сфер культуры этноса, содержащая компоненты, направленные на социально организованное удовлетворение витальных потребностей людей, получила наименование «культура жизнеобеспечения». В элементной характеристике она включает в свой состав жилищно-поселенческий комплекс, систему питания и одежду.⁷ Методологической основой исследования каждого из компонентов, в том числе и КЖ, служит системный подход, содержащий полный набор процедур (элементный, структурный, функциональный и генетический аспекты).⁸ Существенным итогом симпозиума было признание, что именно такой подход к исследованию культуры этноса позволяет более объективно фиксировать ее этнические параметры.⁹

Реализацией идей складывающегося направления исследования этнических культур стала совместная монография этнографов и культурологов, вышедшая в 1983 г.¹⁰ В ней КЖ армянского села рассматривается в качестве основного предмета исследования, поскольку, как отмечают авторы, именно она является наиболее емкой сферой культуры, к которой может быть применен системный подход, а также своеобразным структурным центром, в котором находят отражение все компоненты этнической культуры, а в этой связи и все процессы, в ней происходящие.¹¹

В методическом разделе монографии отмечено, что адаптивная функция культуры, которая относится к объективным, фундаментальным и постоянно действующим ее функциям, реализуется обществом через соответствующее социально организованное территориальное освоение, «которое выражается в поселениях и образующих их жилищах, путем производства необходимых для поддержания жизни людей пищевых продуктов и одежды».¹² Эти элементы культуры в большей степени направлены на физическое обеспечение людей и обозначены понятием «культура жизнеобеспечения».

В этой работе еще раз сделан акцент на том, что при функциональном обосновании классификации культуры существенна полифункциональность ее элементов, что предполагает возможность построения иерархической схемы базовых (доминантных) и производных функций подсистем этнической культуры. В связи с этим КЖ имеет базовую функцию обеспечения жизненных потребностей людей, которая реализуется на уровне социального организма, вследствие чего она удовлетворяет и определенные социальные потребности.¹³

Еще одним важным положением в оценке места КЖ в этнической культуре является то, что она реализуется прежде всего в сфере потребления, будучи однопорядковой прочим подсистемам культуры, через которую меняет свои характеристики с изменением последних.¹⁴

Одним из наиболее существенных свойств КЖ в контексте этнического служит проявление его адаптивно-экологической вариативности в связи с использованием либо игнорированием различных сторон природной среды в системе жизнеобеспечения различных этносов, обитающих в сходных естественно-географических условиях.¹⁵ В системе адаптивно-экологического взаимодействия «общество — природная среда» выделяется ряд проекций функций культуры: локально-, стадияльно-, ландшафтно- и глобально-экологические. Две первые проекции применимы к анализу этнических культур, но лишь первая дает возможность установить конкретную адаптивную связь этноса со средой обитания. Именно на этом уровне индивидуальное проявляется через локальное.

Не менее важной является ландшафтно-экологическая проекция, поскольку она позволяет установить универсальные закономерности взаимодействия этнической культуры со средой. В конкретном воплощении она реализуется концепцией хозяйственно-культурных типов. В соотношении культурной общности в этнографии и археологии

их принято рассматривать с некоторой долей этнической нагрузки.¹⁶ В то же время хозяйственно-культурный тип, не являясь системой, реализует этнические параметры культуры скорее дискретно, что заставляет оценивать его познавательные возможности в отношении КЖ на уровне фиксации общих закономерностей формирования этнических культур,¹⁷ а их адаптивный характер — через исследование процессов взаимодействия культур различных народов.

Апробация теоретических основ оценки КЖ была проведена на примере армянской сельской культуры. Несмотря на моноэтнический подход, в результате исследования был сформулирован ряд выводов, фиксирующих своеобразные универсалии проявления свойств этнического в культуре. Это относится к выводам о различной степени вариативности элементов КЖ, эталонности культуры одной из зон по отношению к другим, о наличии своеобразных «бинарных оппозиций», правые члены которых способствуют стабилизации и унификации культуры, о наличии в культуре ценностных, престижных элементов, имеющих иерархически соподчиненное расположение и значение, об относительной независимости изменений сфер КЖ во времени и пространстве, относительно же влиянии экологии на параметры этнической культуры в связи с ее полиморфным статусом и общей тенденции к избыточности через культурную традицию. Существенным является положение о том, что на фоне преобладания общих черт все это свойственно именно этноспецифической культуре.¹⁸

К сожалению, за рамками исследования остался вопрос о функционировании КЖ в сфере межэтнических контактов, поскольку простая констатация факта о преобладании исторической традиции над влиянием природной среды при имеющихся различиях в культуре армян и компактно проживающих в этом районе других этносов без иллюстрации взаимодействия их культур относится скорее к сфере методологических предпосылок. Впоследствии ряд общих положений концепции КЖ были развиты в работах авторов анализируемой монографии.¹⁹ Предложенный подход к исследованию этнических культур получил положительную оценку, в том числе и в признании уникальности полученного опыта, весьма важного для проведения кросскультурных исследований.²⁰ И.И. Крупник в дальнейшем использовал возможности концепции КЖ, интегрировав ее с понятием «система жизнеобеспечения» в кросскультурном исследовании этнических традиций в сфере этноэкологии.²¹

Оба эти понятия он рассматривает в качестве аналитических категорий, способствующих обобщенно типологическому восприятию

скорее культурной, чем собственно этнической традиции.²² На наш взгляд, КЖ может выступать и в качестве элементной единицы при фиксации этнической культуры, т.е. являться и атрибутивной категорией, что соответствует нормам описания отдельных компонентов культуры этноса. Приоритетной в данном случае является ее оценка в границах системного подхода в предметной ее плоскости, где элементы подсистемы КЖ (жилище, одежда, пища) образуют устойчивые связи.

Вместе с тем существенным в исследовании этнических культур является процесс межэтнического взаимодействия в разных их сферах, не только имеющий внутрикультурные следствия, но и определяющий региональные особенности формирования культурного ландшафта.

В современной этнографии большое внимание уделяется ее предметной области. Справедливости ради стоит отметить, что обобщенно систематизированное представление о предметной области сформулировано в ряде работ Ю.В. Бромлея.²³ Войдя затем в учебную и методическую литературу, оно тем самым и подтвердило свой методологический статус.²⁴

Исходя из общих установок на предмет науки как суммы свойств объекта, изучаемых конкретной дисциплиной, Ю.В. Бромлей акцентировал внимание на их функциональной значимости в выделении этнических общностей среди других человеческих объединений. По его мнению, это функции внутриэтнической интеграции и межэтнической дифференциации. Поэтому предметной областью этнографии «является рассмотрение компонентов этноса сквозь призму выполнения ими этнической функции, прежде всего под ракурсом этнической специфики». Этому требованию в полной мере удовлетворяет исследование традиционно-бытовой культуры.²⁵

С точки зрения общей оценки предмета этнографии важно его соотнесение с исследованием человеческой культуры в целом. Ю.В. Бромлей отмечал, что «в задачи этнографии входит изучение не только особенного, но и того общего в образе жизни, культуре и психологии народов, которое определяется их принадлежностью к одной социально-экономической формации, одному хозяйственно-культурному типу, историко-этнографической области и т.д.»²⁶ В современной историографии отечественной этнографии эти тезисы подвергаются критической оценке.²⁷

На наш взгляд, исследование этнического в культуре — это комплексная проблема соотношения общего и частного, «национального

и интернационального». Характерно, что даже если мы говорим об урбанистической (городской) культуре, то всегда имеем в виду относительную универсальность этой категории и в целом абстрактный ее характер, поскольку это то самое «общее», которое в процессе оценки обязательно должно быть соотнесено с «частным», проявляющимся в сфере культуры, в том числе и в качестве этноспецифичного.²⁸

Процесс «интернационализации» — это не просто сложение некоего современного культурного стандарта. В отношении культуры конкретного этноса он проявляется всегда, поскольку абсолютно изолированные общества представляют собой скорее исключение и даже два контактирующих только друг с другом народа принимают участие в этом процессе. Поэтому существенной в подходе к этой проблематике является установка на иерархичность уровней системы взаимодействия культур, которая отражает различные возможности интернационализации. В основании этой системы располагаются локальные подразделения этноса, которые «интернационализируются» на уровне этнической общности, и ее облик в целом предстает перед нами чаще как набор культурных элементов, варьирующих в пределах территории расселения этноса. В свою очередь, этническая общность в последовательностях «интернационализации» выходит на зональный, региональный, континентальный и общечеловеческий уровни. Поэтому процесс интернационализации — это не столько исчезновение этнической специфики и этнической функции культуры, сколько конкретная форма ее выражения и существования, поскольку любая этническая культура во взаимодействии с другой, в том числе и межэтнической, в различной степени адаптирует ее к своим специфическим нуждам.²⁹

Соотношение общего и частного является кардинальным в методике анализа культуры этноса, в исследовании ее формирования.

Так, Г.Е. Марков выделил три группы культурных признаков этнической общности:

1. Специфические только для данной культуры (язык, мифология, украшения, отдельные компоненты пищи и т.п.).

2. Ассимилированные культурные заимствования, переосмысленные в духе культурной традиции (типы одежды, жилище, религиозные верования).

3. Явления, характерные для многих этнических культур, которые определяются принадлежностью к сходным хозяйственно-культурным типам.

Очевидно, что данная схема дифференцирует этническое — «интернациональное» в структурном плане. Генетический аспект соотношения этнического и межэтнического выражают:

1. Древнейший пласт культуры, элементы которого и составляют суть конкретной традиции.

2. Более поздний культурный комплекс, включающий как традиционные явления, так и ассимилированные культурные заимствования.

3. Современные (для каждого конкретно исторического периода) интерэтнические культурные явления.³⁰

Такой подход универсален в исследовании истории формирования этнических культур, он выявляет в их современном облике те компоненты, которые вошли в их состав в различные периоды.³¹

Положения этой схемы, особенно в историческом плане выражения, вызывают сомнения в связи с основной тенденцией развития этнических культур. Именно древнейший пласт, чаще обозначаемый понятием «субстрат», — это явление скорее надэтническое, которое впоследствии может стать основанием той самой специализации в форме этноспецифического, с последующей интернационализацией, как следствие взаимодействия этнических культур в пределах различных территорий — от локальных подразделений этноса до континентов.³² То же самое можно сказать и в отношении примеров первой части схемы, где мифология и элементы пищи рассматриваются как признаки абсолютной специфики. В этом случае обязательно следует иметь в виду, что мифология, по крайней мере в «ранней» ее части, скорее субстратна, поскольку, являясь основой объяснения мироздания в границах традиционного мировоззрения, она опосредована и системна,³³ а пища, в виде производного компонента модели питания, связана с хозяйственно-культурным типом и отчасти лишается этнической нагрузки.³⁴

Поэтому, на наш взгляд, более эффективным подходом в фиксации общего (субстратного и межэтнического) и частного (этнического) в культуре народа должен быть компонентный анализ культуры этноса, где основной акцент делается «на системе сложных и многообразных связей, в которых функционируют и взаимообуславливаются все компоненты этноса».³⁵ Опираясь на одно из основных положений системного подхода («системы начинаются там, где некое множество элементов оказывается так или иначе упорядоченным, образуя определенное целое, свойства которого не сводятся к свойствам составляющих его элементов»³⁶) и была создана схема компонентного состава традиционно-бытовой культуры. Познание компонентов пред-

полагает вычленение доминантных комплексов и связей как внутри конкретной сферы, так и с компонентами других сфер.³⁷

Как отметил А.В. Головнев, такая модель при всей ее стройности не является жесткой. Она одинаково удобна и как исследовательская процедура, и как способ адекватного восприятия исследователем в полевых условиях «чужой» культуры.³⁸ В рамках данной схемы познание каждой из выделенных сфер предполагает установление доминантных компонентов и связей как внутри данной сферы, так и с компонентами других сфер.³⁹ Она позволяет судить о потенциальных свойствах универсальности одних и повышенных этнических функциях других компонентов культуры народа.

С.А. Арутюнов отмечает, что в культуре первичного производства преобладают этнически слабо выраженные специфические элементы, они шире представлены в культуре жизнеобеспечения, в гуманитарной культуре представлен скорее баланс общего (рациональные знания и в конечном итоге — наука) и специфического (в традиции духовной культуры ее фольклорные формы, религия). Абсолютное преобладание элементов этнической специфики наблюдается в соционормативной культуре, где сосредоточены ценностные ориентации, генерирующие механизмы целостного функционирования культуры этноса.⁴⁰ Наряду с «установкой» на этничность очевидно, что каждый компонент культуры имеет внутренние резервы и нормы восприятия и адаптации иноэтничного, и особенно это относится к тем народам, в чьих культурах аккумулирован весьма длительный экологический опыт, где можно фиксировать своеобразные приоритеты восприятия иноэтничного, ведущего к локальной интернационализации культуры.

Традиции исследования общего и частного в культуре народов Западной Сибири состоят в фиксации комплексов культурных элементов различного происхождения у каждого народа, проживающего в этом регионе.⁴¹ Дефиниции «культурный компонент», «культурный комплекс» методически однозначно не определены. Е.Г. Федорова предлагает определять системообразующие составляющие, к которым относятся «элементы культуры — конкретные материальные объекты и их признаки (черты), как этнопоказательные характеристики элементов культуры во всех их проявлениях».⁴² Именно они, с учетом их распространенности в исследуемом этносе и соотносительности с местными и чуждыми традициями,⁴³ образуют культурные компоненты. Они позволяют стратифицировать этническую культуру во времени, в том числе в генетическом плане и выявить возможные истоки опреде-

ленного элемента культуры, его вхождение в конкретную этническую среду и дальнейшую трансформацию в ней.⁴⁴

Реализация такого подхода возможна через типологизацию явлений культуры. Но, как справедливо отмечается в литературе, эта процедура скорее «дает ответ на вопрос об межэтнических чертах, чем этнической специфике».⁴⁵ По этой причине этномаркирующие свойства предписываются отдельным признакам, фиксируемым во всем комплексе хорошо сохранившейся традиционной культуры. Основными критериями для их выделения являются: типичность, которая проявляется в широкой известности и глубоких генетических корнях; степень распространенности явления; его соответствие природно-климатическим условиям; функциональной обусловленности; слитности с мировоззрением; системой межэтнического взаимодействия с соседними народами; территориальной мобильностью носителей исследуемой культуры; этнической самооценкой традиционности явлений культуры конкретного народа; исконностью культурной терминологии. Эти критерии оцениваются исторически. Отдельные элементы культуры, возникшие в среде конкретного народа, на определенном отрезке времени могут выполнять этноидентифицирующую функцию именно в отношении данного народа, но воспринятые другими народами, они могут выполнять роль межэтнических маркеров на региональном уровне.⁴⁶ Авторы рассматриваемой методологической модели полагают, что поскольку этномаркирующую нагрузку выполняют отдельные признаки, «малозффективным может быть сравнение предметов или явлений в целом».⁴⁷

На наш взгляд, приведенные выше положения, оценка компонентного состава традиционно-бытовой культуры в качестве комплексов, элементы которых тесно связаны между собой и образуют интегрированные подсистемы этнической культуры как целого, позволяют видеть в культуре жизнеобеспечения и элементах, ее составляющих, функциональную целостность, сформировавшуюся в рамках определенной этнической традиции. Очевидно, что методическое положение, согласно которому собственно этнические черты в культуре не обуславливаются экологически либо функционально, справедливо. В данном случае проявляются признаки не этнической культуры, а культуры этноса.⁴⁸ В любой культуре количество функционально обусловленных элементов всегда больше, а в системе культурного взаимодействия именно функциональность выступает в качестве основного условия восприятия «чужого» с последующей адаптацией и

возможной модификацией в соответствии со стереотипами культуры реципиента.

Примечания

¹ Байбурин А.К. Изучение системности культуры (к постановке вопроса) // Кр. сод.-е докл. годичной науч. сессии ИЭ АН СССР 1974–1976. Л., 1977. С. 35–36; Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван, 1978.

² Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования ... С. 42–47; Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.

³ См. напр.: Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Новосибирск, 1989–1990; Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989; Головнев А.В. 1) Система хозяйства сибирских тундровых ненцев в конце XIX — начале XX в. // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986. С. 180–190; 2) Самодийцы и угры Западной Сибири: комплексы традиционных культур: Автореф. док. дис. Новосибирск, 1995; 3) Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

⁴ Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991.

⁵ Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса. С. 44.

⁶ Там же. С. 44.

⁷ Там же. С. 45.

⁸ Там же. С. 44–46.

⁹ Методологические проблемы исследования этнических культур // Раздел II. Выражение этнической культуры в ее различных компонентах. С. 42–83.

¹⁰ Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983.

¹¹ Там же. С. 9.

¹² Там же. С. 35–36.

¹³ Там же. С. 37.

¹⁴ Там же. С. 38, 58–59.

¹⁵ Там же. С. 84–85.

¹⁶ Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Проблема археологических критериев этнической специфики // СЭ. 1979. № 6. С. 79–89.

¹⁷ Алексеев В.П. Антропогеоценозы — сущность, типология, динамика // Природа. 1975. № 7. С. 19.

¹⁸ Культура жизнеобеспечения и этнос. С. 271–276.

¹⁹ Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы типологического исследования механизмов жизнеобеспечения в этнической культуре // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 19–33; Ару-

тлюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 200–229.

²⁰ [Рец.] Крупник И.И. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван, 1983 // СЭ. 1985. № 1. С. 147–150.

²¹ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. С. 14.

²² Там же. С. 15.

²³ См. напр.: Бромлей Ю.В. 1) Этнос и этнография. М., 1973. С. 207–213; 2) Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981. С. 83–84.

²⁴ Этнография / Ред. Ю.В.Бромлей, Г.Е.Марков. М., 1982. С. 8–13; Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988. С. 25–26.

²⁵ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. С. 83–84.

²⁶ Там же. С. 84.

²⁷ Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // СЭ. 1992. № 1. С. 5–20.

²⁸ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. С. 145–146.

²⁹ Там же. С. 148–154.

³⁰ Марков Г.Е. Функции этнической культуры в системе образа жизни и жизненных укладов // Методологические проблемы исследования этнических культур. С. 17.

³¹ См. напр.: Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972.; Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов. (Восточная группа.) Томск, 1985; Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994.

³² См. напр.: Чернецов В.Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре // VII МКАЭН. М., 1964; Алексеев В.П. Антропологический комментарий к гипотезе циркумполярной культуры // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 249–262.

³³ Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск, 1991. С. 15–35.

³⁴ Жуковская Н.А. Пища кочевников Центральной Азии (К вопросу об экономических основах формирования модели питания) // СЭ. 1979. № 5. С. 65–75; Этнография питания народов Зарубежной Азии. М., 1981. С. 3–10.

³⁵ Мкртумян Ю.И. Компонеты культуры этноса. С. 43.

³⁶ Каган М.С. Системный подход ... С. 19.

³⁷ Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса. С. 44.

³⁸ Головнев А. В. Говорящие культуры. С. 18–19.

³⁹ Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса. С. 44.

⁴⁰ Арутюнов С.А. Народы и культуры. С. 151.

⁴¹ Федорова Е.Г. К вопросу о выявлении комплексов элементов в культуре обских угров // Этносы и этнические процессы. Памяти Р.Ф.Итса. М., 1993. С. 129.

⁴² Там же. С. 131–132.

⁴³ Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов. С. 7.

⁴⁴ Там же. С. 8.

⁴⁵ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. 1. Томск, 1994. С. 77.

⁴⁶ Там же. С. 77–78; Лукина Н.В. О задачах и методах выявления этноразличительных черт // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 147–150.

⁴⁷ Там же. С. 77.

⁴⁸ Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов. С. 241.

НАРТЕННЫЙ ТРАНСПОРТ В ЗАПАДНОСИБИРСКОМ ОЛЕНЕВОДСТВЕ

Вопрос о месте транспорта, или средств передвижения, среди компонентов традиционно-бытовой культуры, как и его определения, в современной историографии практически не ставится. В трактовке понятия, очевидно, следует обратиться к нормативной, а вернее, к «договорной» терминологии, разработанной в серийном издании «Свод этнографических понятий и терминов». В нем средства передвижения отнесены к материальной культуре, но в связи с неоднозначностью трактовки последней как в элементном, так и функциональном планах, они наряду с орудиями труда занимают как бы промежуточное положение между культурой первичного производства и культурой жизнеобеспечения. Автор введения к упомянутому изданию считает возможным выделять их в особую подсистему.¹

Средства передвижения не выступают в виде некоей целостности. В зависимости от среды и условий применения они делятся на наземный и водный транспорт, также имеющий сезонную специфику. В «Своде» предпринята попытка трактовки только одного понятия — «транспорт наземный», причем с очевидным нарушением принципа единства подхода к оценке явления. Так, если водный транспорт определяется и классифицируется на основании признака «народной техники изготовления», т.е. конструкции,² то наземный — на основании применяемой тяговой силы. В данном случае термин «транспорт наземный» понимается не как «различные приспособления, которыми человек облегчал себе возможность переноски грузов и тяжестей в одиночку, а те, которые приводились в движение группами людей или животными. По способу взаимодействия между животными и грузом ... выделяются две формы транспортировок: вьючная и посредством тяги».³

На наш взгляд, такое определение несколько односторонне раскрывает содержание явления. Под средствами передвижения (транс-

портом) мы полагаем возможным рассматривать любые способы и приспособления, предназначенные для перемещения грузов и человека. Сложнее обстоит дело с функциональной трактовкой понятия. Очевидно, что собственно коммуникационная составляющая средств передвижения вторична. Более значима здесь хозяйственная функция, тесно связанная с образом жизни этноса. Наиболее совершенный транспорт, с конструктивной и функциональной точек зрения, выработан в традиции кочевнических культур. В них он обеспечивает определяемый хозяйством мобильный образ жизни, тесно связан с многими элементами культуры жизнеобеспечения — одеждой, жилищем, отчасти утварью, и в этом смысле сам выступает в качестве элемента культуры жизнеобеспечения. Исходя из такого подхода мы и рассматриваем историю оленьего транспорта в культуре народов Западной Сибири.

Проблема происхождения нартенного транспорта в оленеводстве Западной Сибири проистекает из несоответствия исходной для самодийцев формы транспортного использования оленя — вьючной (по С.И. Вайнштейну), нартенному транспорту, который определяет современный облик западносибирского оленеводства.

Транспортной составляющей для него является «самоедский»,⁴ или «самодийский»⁵ тип упряжного оленеводства, который выделяется по следующим признакам: косокопильная нарта с пазовым креплением деталей, веерная упряжка, сложная упряжь, блочное соединение упряжки с нартой, левосторонняя посадка и управление. Проблема происхождения этого типа однозначно не решена до настоящего времени, хотя наметившиеся подходы, при всей их «причинно-следственной объяснительной» методике, можно считать оправданными. Очевидно, что на формирование этого типа оказывали влияние как минимум два фактора: первый — географические или экологические условия, второй — историческая обусловленность сложения данного типа. Такой подход базируется на общих установках исследования материальной культуры как «механизма адаптации общества к условиям природной и социальной среды его существования ... в ней находят отражение как природно-географическая среда обитания данного этноса, так и уровень его общественно-экономического развития, политическая структура, окружение и другие конкретные исторические условия».⁶

Учитывая воздействие экологического фактора, можно отметить, что оно обусловлено распространением в тундровой зоне Западной Сибири особой породы домашнего оленя, более мелкого, чем таеж-

ный,⁷ и поэтому непригодного для верховой езды и вьючной транспортировки грузов.⁸ Вместе с тем экологическое воздействие на формирование оленьей нарты самодийского типа, сложной упряжи и многооленной упряжки объяснимо условиями и особенностями среды передвижения.

Такой признак, как массивность оленьей нарты самодийского типа, можно связывать с запряжением в нее оленя.⁹ Прочие особенности, по которым выделяется данный тип, определяются средой передвижения. Это прежде всего увеличение высоты копыльцев и в целях более прочного соединения с полозьями и нащепами их наклонное расположение, что является основным идентификатором нарты косокопильного типа. Увеличение высоты копыльцев, которое вело к увеличению высоты нарты в целом, по-видимому, компенсировалось разведением полозьев в стороны, что придавало нарте большую устойчивость. Мы также полагаем, что в связи с круглогодичной ездой настил смещается в заднюю часть нарты, что переносит центр ее тяжести, предохраняя передок нарты от зарывания летом в мокрую кочковатую тундру, а зимой — в глубокий снег. Благодаря такому соотношению поверхностей нарты она на ходу как бы «глиссирует», чему дополнительные возможности дают резко стесанные к верхней плоскости задние концы полозьев.

Ряд конструктивных особенностей самодийской нарты, адаптировавших ее к условиям круглогодичной езды, отметил Н. Гарин. В частности, он обратил внимание на пологий изгиб передней части полоза, который составляет не менее половины его длины, что, во-первых, при столкновении нарты с препятствиями снижает динамические нагрузки и, во-вторых, уменьшает коэффициент трения, как при движении по снегу, постепенно утрамбовывая его к задней части нарты, на которую приходится максимальная нагрузка, так и при летней езде, поскольку «постепенный» наезд позволяет полозу выдавливать влагу из грунта и тем самым улучшать скольжение нарты. Перемещению нарты по целине, будь то глубокий снег или заболоченная тундра, способствует и ее форма — носовая часть на уровне переднего вязка уже, чем задняя, в концах полозьев, а площадь их стояния больше, чем верх нарты. Ее полозья как бы вывернуты наружу, и при движении вперед на них действуют боковые силы сопротивления, которые поднимают, выталкивают нарту вверх¹⁰ (рис. 1).

Наглядным примером воздействия среды передвижения на особенности конструкции нарты является наличие «барана» на оленьих нартах самодийского типа в таежной зоне Западной Сибири, который

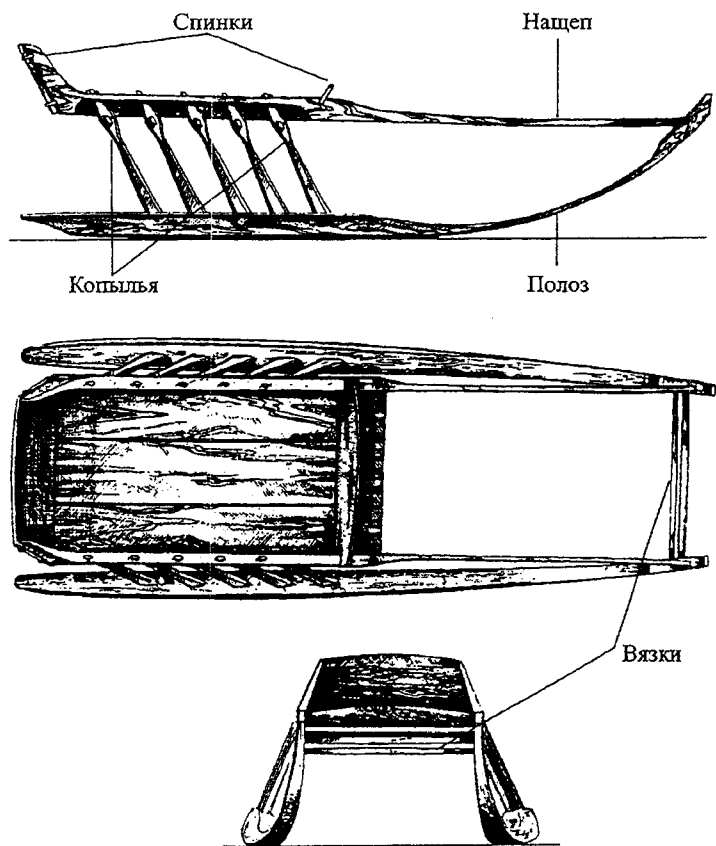

Рис. 1. Ненецкая оленья ездовая нарта.
 (Гарин Н. Нарты // Северные просторы. 1991. № 43)

в зоне тундры не применялся. Существенным является и то, что в отличие от прочих деталей нарты, которые крепятся пазовым способом, «баран» привязывается к передку нарты.

При достаточно давнем знакомстве человека с технологиями выработки в различных материалах глухих гнезд и сквозных отверстий¹¹ — последние служат основой пазового способа соединения деталей конструкции — в культуре народов Западной Сибири он имеет ограниченное распространение.

В исследовании конструктивных приемов крепления деревянных деталей у кетов Е.А. Алексеенко обратила внимание на обособленное положение пазового способа соединения частей (только для скрепления элементов оленьей нарты), что, по ее мнению, объясняется более поздним его происхождением. В связи с этим Е.А. Алексеенко указывает, что «в ручных нартах все части привязывались, кроме пазового закрепления копыльев в полозе, но и в этом случае пазовое соединение часто дополнялось привязным.

Можно предположить, что техника пазового крепления стала известна кетам с момента появления у них транспортного оленеводства, заимствованного от самодийцев. Этим способом стали частично пользоваться при изготовлении ручных нарт (для закрепления копыльев в полозе)».¹²

Технологически-функциональное основание пазового способа соединения деталей оленьей нарты самодийского типа, обеспечивающее ее повышенную прочность в условиях круглогодичной езды, и его отсутствие в прочих сибирских оленеводческих традициях ограничивают круг этнических сред, с которыми данный вид транспорта может быть связан генетически, северными самодийцами.

Очевидно, что не только нарта, но и многооленная самодийская упряжка формируется в связи с круглогодичной нартенной ездой. Так, увеличение количества оленей в упряжке (летний период) привело к усложнению упряжи, появлению блочного способа соединения упряжки с нартой, сложных недоузтков и поясов. Олени, соединенные в упряжке через поводок недоуздка и пояса, образуют компактную и сравнительно легко управляемую группу. Эти примеры дают возможность утверждать, что основные особенности, которые определяют специфику самодийского типа упряжного оленеводства, сформировались в тундровой зоне Западной Сибири. Заключая описание ненецкого оленьего транспорта, Л.В. Хомич отмечает «большую техническую разработанность и несомненную оригинальность ненецкого типа упряжки и нарт».¹³

Приведенные выше замечания важны с методической точки зрения. Весь набор признаков, характеризующих самодийский тип оленьего транспорта, связан между собой и обусловлен кочевым образом жизни оленеводов тундр, обеспечиваемым нартенным транспортом. В этом случае упоминание о существовании в тайге косокопыльной нарты, связанной с промысловой культурой (ручная/собачья),¹⁴ еще не означает, что это прототип либо переходный тип к западносибирской оленьей нарте, как, в частности, считает Н.В. Лу-

кина.¹⁵ Оленья нарта самодийского типа имеет ряд конструктивных особенностей, адаптированных к условиям и среде передвижения, и поэтому ее распространение в тайге с *полным набором особенностей* можно рассматривать как следствие влияния тундровой культуры на таежное население.

Положения, касающиеся исторической обусловленности сложения данного типа, могут быть сведены к следующему. Согласно моноцентрической схеме, исходной формой оленеводства в Евразии было выючное, с последующим развитием от выючного к выючно-верховому на восток от Енисея и от выючного к нартенному — на запад.¹⁶ При распространении в Западной Сибири в основном нартенного оленьего транспорта у ряда самодийских народов зафиксированы следы выючного оленеводства.¹⁷

Вопрос о наличии в прошлом у этих народов верхового оленеводства остается открытым, хотя оно допускает эпизодическое использование выючного оленя под верх.¹⁸ Более аргументированным является предположение о позднем заимствовании народами Западной Сибири элементов верхового оленеводства от эвенков.¹⁹

В рамках проблемы происхождения западносибирского оленеводства вопрос о распространении в прошлом у народов Западной Сибири выючного / выючно-верхового оленеводства является принципиальным, и к нему обращаются многие исследователи.

Уже в конце 1970-х гг. сомнение в универсальности положений этой схемы высказал В.И. Васильев. В исследовании генезиса и исторического взаимодействия различных компонентов культуры северо-самодийских народов он пришел «к заключению, что носители первого, наиболее раннего по своей хронологической датировке самодийского переселенческого потока из Южной Сибири в тундрово-таежные районы были по своей культурно-хозяйственной направленности не оленеводами, а коневодами»,²⁰ в связи с чем истоки западносибирского оленеводства могли иметь местную основу. Так, В.И. Васильев считал, что «главное ядро самодийцев (предки большей части ненцев) пришли на север, имея навыки ведения скотоводческого хозяйства, которые они применили для освоения нового занятия, соответствующего условиям изменившейся естественно-географической среды — оленеводства. При этом самодийцы, вероятно, использовали приемы приручения оленя, известные местному населению, в частности способ охоты с помощью маньщика».²¹ Не исключается вероятность участия саянского компонента в формировании оленеводческой культуры таежных групп северных самодийцев.²²

Существование выючной стадии в истории оленьего транспорта северосамодийских народов подвергает сомнению и А.В. Головнев. Проанализировав все имеющиеся факты, привлекавшиеся раньше для ее доказательства в истории оленеводства народов Западной Сибири, он пришел к заключению, что «вопрос о происхождении выючно-верхового оленеводства у северосамодийских народов следует считать открытым. Не исключено, что его истоки не саянские, а тунгусские».²³ Учитывая то обстоятельство, что по этой проблеме едва ли могут быть получены дополнительные факты, поскольку круг письменных источников уже практически исчерпан, а поле (мы специально исследовали этот вопрос при работе среди пуровских лесных ненцев и верхнетазовских селькупов) не дает информации о выючном оленеводстве даже на уровне воспоминаний, необходима иная концептуальная оценка генезиса западносибирского оленеводства.

В рамках данной общерегиональной проблемы в качестве важной ее составляющей формулируется вопрос о генезисе нартенного оленеводства и собственно ненецкой нарты. Кроме ненцев нарта данного типа распространена среди энцев, нганасан, хантов, манси, селькупов, кетов, долган, северо-западных эвенков, северо-западных якутов, саамов, коми-ижемцев и русских. Источники указывают на то, что скорее всего она окончательно сформировалась в одном центре, из которого впоследствии и распространилась в различные этнические среды. Об этом позволяет судить удивительное конструктивное и отчасти терминологическое соответствие оленьего нартенного транспорта на столь обширной территории и среди народов, различных по происхождению. По мнению Л. В. Хомич, центр возникновения оленьего нартенного транспорта связан с территорией, заселенной северными самодийцами.²⁴ Заключительный этап формирования оленьей нарты нами был рассмотрен выше.

Н.В. Лукина пишет о необходимости осторожно употреблять в качестве этнического определителя понятие «олений транспорт самодийского типа», которое, как она считает, «возникло в определенной историографической ситуации — когда этот способ передвижения еще не был подробно описан в литературе, не говоря уже об его анализе».²⁵ На наш взгляд, данный определитель, с учетом его происхождения, вполне корректен.

Первые упоминания о способах езды на оленях в Западной Сибири мы встречаем в письменном памятнике XV в. «О человецех незнаемых в восточной стороне и о языцех розных», где в описании «Молгонзейской и Каменьской самоеди» указывается: «...а ездят на

оленях и собаках». ²⁶ Первые изображения нарт, аналогичных ненецким, датируются XVII в., нарт современного типа — XVIII в. ²⁷

Согласно одной из точек зрения, саянские самоеды, знавшие выючное оленеводство, на севере встречают местное население, освоившее собаководство, перенимают последнее и переносят опыт использования собаки в качестве упряжного животного на оленя. ²⁸ В настоящее время эта схема базируется не только на общих соображениях о большей стадиальной древности собаководства по отношению к оленеводству Западной Сибири, но и на археологических свидетельствах, указывающих на существование собаководства в низовьях Оби на рубеже эр. ²⁹

Современные исследователи полагают, что одного собаководства, как основы для развития транспортного оленеводства, недостаточно. В частности, С. И. Вайнштейн пишет: «...спорадическое использование оленя под верх, без знания верхового оленеводства, вряд ли могло оказать влияние на развитие форм упряжного оленеводства». ³⁰ Он предполагает, что досамодийское население тундровой зоны Западной Сибири было знакомо с домашним оленем, древнейшей формой domestikации которого было приручение оленя-маньщика. В связи с этим картина развития транспортного оленеводства в Западной Сибири усложняется. Так, С. И. Вайнштейн указывает, что в развитии упряжного оленеводства сыграли роль не только навыки продвинувшихся в тундру групп таежного населения с выючным оленеводством и знакомство арктического населения с собачьей упряжкой, но также и определенная генетическая связь между древней «упряжкой» оленя-маньщика и современным нартеным оленеводством. ³¹ Сходная точка зрения высказана Ю.Б. Симченко, который считает оленя-маньщика наиважнейшим элементом культуры охотников на дикого оленя domestikцированного в этих коллективах, где олень-маньщик играл также роль транспортной силы. Управление оленем-маньщиком с помощью такой конструкции, как костяной налобник и «маньчишный» ремень, способ понуждения оленя копьём вошли туда в качестве наиболее характерных элементов упряжного оленеводства северных самодийцев. ³²

Приведенные выше соображения об отсутствии прямых фактов, связанных с существованием выючной стадии в истории западносибирского оленьего транспорта, позволяют пересмотреть роль местного компонента в этом процессе.

На наш взгляд, здесь уместна постановка двух вопросов. Первый — о формах domestikации северного оленя в культуре охотников

на дикого оленя, предшествовавших на севере Западной Сибири самодийцам. Современное состояние степени изученности данной проблемы позволяет ответить на него положительно. Во-первых, надежно аргументировано положение о стадильной связи оленя-маньщика как средства производства (орудие промысла) и транспорта в культуре охотников на дикого оленя. Так, наряду с приведёнными схемами С.И. Вайнштейна и Ю.Б. Симченко заслуживают внимания концепции А.В. Головнева, Л.П. Хлобыстина и Г.Н. Грачёвой. Последние считают, что начальный период формирования западносибирской оленеводческой культуры связан с зоной тундры и северными районами приуральской тайги и представлен в виде так называемого «стационарного оленеводства», сложившегося на базе местных охотничьих традиций, адаптированных и впоследствии составивших основу самодийского оленеводства.³³

Все упомянутые авторы видят в основе этого процесса взаимодействие нескольких компонентов. *Первый* (аборигенный) компонент — первоначальное приручение дикого оленя в охотничьих коллективах аборигенов западносибирских тундр. В этом случае олень выступает в качестве оленя-маньщика и транспортного животного. В это время он, возможно, сосуществует с транспортным собаководством. *Второй* (самодийский) компонент — лесное оленеводство, в технологиях которого формируются навыки стадного содержания оленей и использования для выпаса искусственных построек (загоны, сараи). *Третий* (уральский) компонент — нартенный транспорт, который представляет собой соединение двух предыдущих компонентов (домашний олень и нарта транспортного собаководства).

Вероятно, здесь уместно отметить, что упоминания о южносибирских корнях, даже на уровне компонента, вошедшего в состав западносибирского оленеводства, либо вообще отсутствуют (Л.П. Хлобыстин и Г.Н. Грачева), либо появляются как дань историографической традиции (А.В. Головнев).

Данная схема в настоящее время часто используется в общекультурологическом смысле при исследовании истории народов Западной Сибири.³⁴ Дополнительным аргументом в пользу давности знакомства с северным оленем аборигенов западносибирских тундр является сохранение в среде нганасан³⁵ и тундровых ненцев (Ямал и Гыда)³⁶ традиций приручения и выращивания телят диких оленей. Причем этим народам свойственны навыки, в значительной степени соответствующие современным представлениям о domestикации северного оленя.³⁷ Некоторые этнографические материалы указывают на особое отноше-

ние к оленю-маньшику. Так, по сведениям В.В. Чарнолуцкого, саамы держали маньшику отдельно от стада, его редко запрягали, он имел особую упряжь, «снаряжали» его в чистых рукавицах.³⁸

Второй вопрос может быть сформулирован в связи с наличием общих схем эволюции оленьего транспорта. В современной историографии, с учетом предшествующей традиции, можно отметить две стратегии. Первая, условно «эволюционная либо формационная», рассматривает нартенный олений транспорт, распространенный в Северной Азии, как явление относительно позднее, возникшее на основе выючного/выючно-верхового оленеводства и связанное с южными районами Сибири (М.Г. Левин и Г.М. Василевич, С.И. Вайнштейн). Вторая, условно «цивилизационная», предполагает независимость возникновения основных способов транспортного использования оленя в соответствии с традициями тех культурных сред, в которых он мог быть domesticiрован. На севере — это культура охотников на дикого оленя, на юге — промыслово-скотоводческое хозяйство. В таком случае «веских доказательств в пользу строгой последовательности верхового и упряжного оленеводства привести нельзя, это две формы транспортного использования оленя, не генетически связанные, а географически различные типы, не исключающие друг друга».³⁹ Данная позиция, сформулированная А.М. Золотаревым и М.Г. Левиным, несколько раньше была аргументирована М.И. Артамоновым. Являясь сторонником мнения о формировании упряжного оленеводства под влиянием собаководства, М.И. Артамонов обращает внимание на сосуществование в современном оленеводстве как выючно-верхового, так и упряжного способов транспортного использования оленя, а следовательно, на вероятность нескольких генетических линий его формирования. В связи с этим М.И. Артамонов отмечает, что упряжное собаководство в Сибири представлено не везде, поэтому выючно-верховое оленеводство является самостоятельной формой транспортного использования оленя, необязательно трансформировавшейся в упряжное. Другим обстоятельством культурного обособления выючно-верхового оленеводства по отношению к упряжному он считал отсутствие в нем элементов второго, вследствие чего выючно-верховой транспорт не обладает внутренними возможностями перехода в упряжной, он существует, по выражению М.И. Артамонова, «сметывается» с ним.⁴⁰

Таким образом, по М.И. Артамонову, различные способы транспортного использования оленя являются свидетельством не общей эволюционно-стадиальной последовательности, а скорее локальной

или региональной синхронной традиции формирования оленьего транспорта.

Дополнительные аргументы М.И. Артамонов приводит, рассматривая проблему возникновения различных и прежде всего наземных транспортных средств, часть которых связана с оленеводством. Это проблема генетического соотношения полозных саней (нарт) и волокуш. М.И. Артамонов полагал, что они представляют собой две абсолютно самостоятельные в плане развития конструкции. Так, сани всей поверхностью, ограниченной полозьями, располагаются на земле, а волокуша — только нижней/задней частью, а верхней/передней крепятся на животном.

Поскольку у саней и волокуш разная технология применения, то и генетически они не связаны. Волокуша впоследствии, вероятно, превращается в оглобли, и их соединение с санями «представляет собой сложное скрещение двух самостоятельных видов средств передвижения». По мнению М.И. Артамонова, изолированность территорий распространения основных форм запряжки (оглобельная, постробочная, яремная, дышловая) можно рассматривать в качестве дополнительного аргумента в пользу предположения о независимости развития саней (нарт) с постробочной упряжкой от волокуш, перешедших в элементы оглобельной упряжки.⁴¹ Все сказанное обобщает позиция, по которой «история начальных периодов в развитии транспорта, во все не представляет единой линии развития, где каждая из известных нам форм вытекает из другой ... она многолинейна и многообразна».⁴²

Таким образом, приведенные данные позволяют рассматривать историю оленеводства народов Западной Сибири с опорой на местные культурные традиции.

В аборигенном комплексе элементов современного оленьего транспорта самодийского типа прослеживаются прежде всего принцип упряжного использования оленя и управление им при помощи хорея. Вопрос об исходном типе транспортного средства при этом остается открытым. Но поскольку существует мнение о первичных формах оленеводства у досамодийского населения тундровой зоны Западной Сибири, возникает необходимость вновь вернуться к проблеме прототипа транспортного средства, послужившего основой для сложения оленьей нарты самодийцев, например, авторы одной из точек зрения полагают, что это была не копыльная, а лодкообразная нарта-волокуша.

В современном оленеводстве представлена только одна форма лодкообразных нарт. Это саамская кережа. Каково ее отношение к

самодийскому оленеводству? Учитывая возможные культурные связи саамов и самодийцев, авторы работ конца XIX — начала XX в. обращали внимание на этот вопрос. В частности, А. Миддендорф полагал, что кережа саамов развивается из самодийских копыльных нартов как приспособление к передвижению в гористой местности. Б. Лауфер считал кережу исходным типом копыльной нарты. Г. Хатт относил кережу к собственно саамской культуре, полагая, что в оленеводстве саамов, заимствованном от самодийцев, она восходит к охотничьей ручной нарте, приспособленной в качестве оленьей.⁴³

Ряд исследователей середины XX в. предполагали существование в прошлом на территории Западной Сибири нарты типа кережи. Ее облик реконструирован на основе лодкообразных нартов, зафиксированных в настоящее время у селькупов и камасинцев. По данным письменных источников нарта типа кережи еще в XVII в. существовала в оленеводстве самодийцев.⁴⁴

Мнение о том, что кережа была характерна для ранней стадии упряжного оленеводства самодийцев, обосновали Г. М. Василевич и М. Г. Левин, которые рассматривали ее как элемент, привнесенный в оленеводство из собаководства.⁴⁵ С. И. Вайнштейн пишет, что кережа является общим элементом саамского и самодийского оленеводства и происходит из более южных территорий, где встречается в виде ручной нарты у камасинцев и тофаларов.⁴⁶ Сторонники мнения о существовании элементов транспортного оленеводства у досамодийского населения тундровой зоны Западной Сибири также полагают, что в качестве нарты использовалась волокуша «типа кережи».⁴⁷

Впоследствии, при пересмотре первоначальной схемы, Л.П. Хлобыстин и Г.Н. Грачева не столь однозначно оценивали роль волокуши типа кережи в истории формирования оленьего транспорта. Они пришли к выводу, что такая волокуша относится к «доолениводческим» транспортным средствам в культуре охотников на дикого оленя. В нее подпрягался олень-маньщик, а в процессе становления упряжного оленеводства она была замещена нартой из «санного собаководства»,⁴⁸ т. е. в качестве эволюционной стадии оленьего транспорта лодкообразная нарта ими уже не рассматривалась. Характерно, что Г.Н. Грачева даже не упоминает о такой волокуше, а упряжное собаководство считает «моделью, по которой создана оленья упряжка».⁴⁹

Учитывая противоречивость приведенных мнений, обратимся к вопросу, действительно ли на территории Западной Сибири существовала лодкообразная нарта, конструктивно совпадающая с кережей.

Конкретные этнографические данные не позволяют ответить на этот вопрос утвердительно. Так, С.И. Вайнштейн указывает, что для камасинцев и тофаларов характерна корытообразная (а не лодкообразная. — В. К.) ручная нарта, хотя, по его мнению, она и сходна с керейей.⁵⁰ Аналогичные сведения имеются и по селькупам. Н.В. Лукина, изучавшая средства передвижения селькупов, описывает две разновидности ручных нарт — копыльные и безкопыльные, долбленные, корытообразные.⁵¹ Г.И. Пелих, описывая корытообразную долбленную лодку южных селькупов, высказала предположение, что такая лодка восходит к наиболее древнему рыболовецкому пласту в их культуре. В дальнейшем, по мнению автора, из этой лодки развивается ручная нарта-лодка.⁵² В Средней Сибири корытообразная нарта описана у эвенков,⁵³ но она не имеет отношения к лодке. Вероятно, это лыжа-волокуша, усовершенствованная за счет нашивания боковых досок.

В одном из новейших исследований, посвященных истории сухопутных средств передвижения у русских севера Европейской России,⁵⁴ его автор М.И. Васильев выделяет несколько типов волокуш, демонстрирующих своеобразное «движение» от волокуши-лыжи к волокуше-лодке. Это односоставная лыжеобразная охотничья волокуша. Она изготавливалась из ели, имела прямую нижнюю и слегка вогнутую верхнюю плоскости, по ее краям делались отверстия для ремешков, которыми крепился груз. Собственно долбленные волокуши, с высотой борта до 25 см, представлены так называемыми «чунками», аналогии которым автор усматривает в волокуше-полозе камасинцев, тофаларов, некоторых групп эвенков, селькупов, хантов, эвенов.

Более сложной в конструктивном отношении является «многосоставная» волокуша-полоз, которую русские называли «керешка», «керейка», «керес». Это полоз с дугами, на которых крепились боковые «дранцы» и спинка. Как отмечает М.И. Васильев, такие волокуши использовали саамы, карелы, финны и северные эстонцы.

Очерчивая круг распространения волокуши-полоза в культуре современных народов северной Европы, Западной и Южной Сибири и сопоставляя его с данными археологии, автор высказывает предположение о вероятности происхождения волокуши-полоза на этой территории в глубокой древности.⁵⁵

Таким образом, конкретный этнографический материал указывает на существование в Западной Сибири корытообразной лодки-нарты

ты, по-видимому, сходной с южносибирскими типами. Но данное транспортное средство конструктивно отличается от кережи.

Письменные свидетельства XVIII в., которые приводит М.Г. Левин для доказательства использования в оленеводстве самодийцев лодки-нарты типа кережи, на фоне существования разнообразных ее конструктивных вариантов и вариантов функционального назначения требуют очень осторожного отношения, поскольку в своем большинстве порой получены авторами из вторых рук. Вместе с тем изображения лодкообразных нарт у А. Олеария, Н. Витесна и Ф. Аврилия в соотнесении с теми фантастическими сведениями, которые приводят эти авторы о способах передвижения в Западной Сибири, вызывают сомнения в правдивости самих изображений.⁵⁶

Рисунки лодкообразных нарт, в которые запряжены собаки, имеются в Кунгурской летописи.⁵⁷ О конструктивных особенностях данной лодки-нарты судить трудно. По изображению, в частности, можно предположить, что это лодки, перевозимые на обычных нартах.

Современные исследования генезиса кережи указывают на ее связь с саамскими лодками. Во-первых, они легки и портативны. По мнению Т. В. Лукьянченко, «именно это свойство и побудило лопарей приспособить лодку для перевозки грузов по суше». Так происходит превращение лодки в ручную нарту, которая затем проникает в оленеводство.⁵⁸ Во-вторых, отмечается конструктивное сходство саамской кережи с саамской лодкой. Эти обстоятельства позволили Т. В. Лукьянченко усомниться в мнении Г. М. Василевич и М. Г. Левина о существовании в самодийском оленеводстве нарты типа кережи.⁵⁹

Исследования полозьев саней, известных в археологических памятниках, подтверждают генезис кережи от саамской лодки. По мнению К. Карпелана, кережа, появившаяся в первом тысячелетии н.э., вторична по отношению к двухполозным саням и восходит к лодкам шпангоутной и клинкерной конструкции.⁶⁰

На вопросе происхождения кережи довольно подробно останавливается М.И. Васильев. Он не считает ее генетически связанной с лодками, хотя допускает такую возможность по отношению к оленьей кереже. Ее истоки он видит «в ручной волокуше-полозе охотников и рыболовов древнего населения северной части Европы, Западной и, возможно, Южной Сибири. Современная же конструкция саамской оленьей волокуши является, без сомнения, результатом стремления к увеличению объема грузовой площадки, усилению жесткости корпуса и относительной устойчивости кережи при высоких скоростях. Распространение ее можно связывать, вероятно, со складыванием транс-

портного оленеводства»,⁶¹ что делает вполне вероятным положение о том, что кережа является элементом саамской культуры.

На наш взгляд, приведенные выше соображения позволяют исключить собственно кережу как элемент, объединяющий саамское и самодийское оленеводство, а также снять тезис о существовании в Западной Сибири лодкообразной нарты типа кережи. Формула «лодка-нарта типа кережи» условна и подразумевает существование в прошлом универсального лодкообразного транспортного средства, которое на уровне этнографической современности представлено только у саамов. Учитывая это обстоятельство, а также само существование в Западной Сибири лодки-нарты, важным является вопрос о ее отношении к копыльной нарте.

Г. И. Пелих на основании терминологических параллелей обозначения деталей нарты и элементов рыболовецкой техники делает вывод о том, что копыльная нарта возникает в рыболовецких коллективах и представляет собой явление более позднего времени.⁶² Эту нарту исследовательница не связывает с корытообразной нартой. Дополнительные аргументы в подтверждение данной позиции можно встретить у Н.В. Лукиной, которая на восточно-хантыйском материале прослеживает генезис нарты в промысловых коллективах как процесс соединения охотничьих (лыжи / волокуши) и рыболовецких (конструктивные особенности кузова) технологий. В частности, она отмечает: «Идея использования сосновых планок для нарты (изготовление кузова. — В.К.) могла зародиться в Среднем Приобье, где из них издавна изготавливали орудия рыбной ловли. Возможно, поэтому у восточных хантов названия кузова *сахылт* совпадает с названием дранок *сахыл*».⁶³

Но лодка-нарта селькупов — это не единственное транспортное средство универсального характера, которое известно в Западной Сибири. Наряду с ней существовали северосамодийские каркасные кожаные лодки, известные по описаниям XVII–XIX вв. Де Ламартиньер упоминает о такой лодке на Новой Земле,⁶⁴ Н. Витсен — на Мангазее⁶⁵ (возможно, сведения этого времени относятся к р. Енисей, так как в 1668 г. Мангазея переносится в Туруханское зимовье).⁶⁶ Ф. Белявский пишет о каркасной лодке в низовьях Оби.⁶⁷ В упомянутых описаниях обычно указывается, что эти лодки применялись как транспортные средства для передвижения по воде. Существенным является замечание Ю. Б. Симченко о том, «что у большинства народов (ненцы, энцы, нганасаны, тундровые юкагиры, чукчи-олeneводы) к XIX в. преобладали лодки, заимствованные от их южных соседей», в то же время

«способы производства этих народов немыслимы без применения ... лодки»; со ссылкой на различные свидетельства Ю.Б. Симченко приходит к заключению, что «автохтонам высоких широт была известна кожаная каркасная лодка, которая являлась универсальным транспортным средством». ⁶⁸ От гыданских ненцев нам неоднократно доводилось слышать: «лодки-долбленки у нас пуровские», а в сохранившихся преданиях кожаные лодки упоминаются как характерный атрибут культуры древнего населения Низовой тундры — сирхтя.

Исследования современных авторов показывают, что в прошлом данный вид транспорта был универсален.

Ю. Б. Симченко приводит описание частей каркасной лодки, фрагменты которой были обнаружены им на Таймыре. ⁶⁹ Мнение об универсальности этого транспортного средства основывается на этнографических данных. Автор находки отмечает, что упоминания об использовании лодки как транспортного средства для передвижения по суше имеются в нганасанском фольклоре, обращение с нартой как с лодкой встречается в нганасанских и энецких обычаях. Обрядовый элемент указывает на то, что каркасная лодка на суше использовалась в основном для перевозки грузов. Ю.Б. Симченко также допускает некоторое сходство в пропорциях между исследованными им фрагментами лодки и саамской кережей. ⁷⁰ Наиболее интересным является то, что терминология деталей нарты у нганасан и энецов восходит к терминологии деталей каркаса лодки. Последнее обстоятельство позволяет предпринять попытку сравнения терминов, принятых для обозначения деталей нарты и лодки (см. табл. 12) у других народов Западной Сибири. ⁷¹

Специальное уточнение терминов в поле их значений и сферы применения, относящихся к названиям деталей конструкции нарты и лодки, значимых совпадений не дало. Имеющиеся соответствия названий дна лодки и полоза, а также носа лодки и головок нарт информантами интерпретировались тем, что в каждом случае употребляется обобщенное понятие: полоз/дно = «то, что внизу», головки/нос = «то, что спереди». В частности, аналогичные понятия применяются по отношению к верхней поверхности лыж и ступательной площадки на них, а также их носкам. Весьма показательным является полное несовпадение терминов, обозначающих вязки нарты и поперечные распорки лодки.

Интересные данные о лодкообразной нарте встречаются в фольклоре восточных хантов. В одной из легенд упоминается спор о первых

оленях между Казым-ях (казымскими хантами) и Аус-ях (тазовскимн ненцами). Первых оленей запрягали в «двухстороннюю нарту, хоть с одной стороны запрягай, хоть с другой». Далее в легенде говорится, что эта «двухсторонняя нарта называется лунгауль, ее надо у аус-ях искать, она у них осталась».

Таблица 12. Термины, обозначающие основные детали нарты и лодки у народов Западной Сибири

Народ	Нарта		Лодка	
	Полоз / голов-ки	Вязок/передний вязок	Дно/нос	Распорки
Ненцы тундровые	Ханз / хан пыя	Нярт / недедь	Латта, нгладда / пыя	Тадей, то-де, тазе
Ненцы лесные	Канса	Носта / ничи-щан		
Ханты северные	Пат юх, паты / нел	Тос, тос ляль, нетчан / антос, ненеця	Паты / нел	Тохт
Ханты восточные	Пахыл	Ылт / ахыл ахын юх		Тохт
Манси северные	Патта	Тос / нечча	Патта / хап нел	Тахт
Коми	Щу	Яз / недед		
Селькупы северные	Качинь по, катиты, те-дий = до-словно «лыжня»	Ар по / ангин ар по, ынгжай ты		
Кеты	Ын	Татбул	Дуоде (для дощатой)	Татбул

Н.В. Лукина, будучи одним из авторов записи и публикации настоящей легенды, ссылается на нечеткую идентификацию этнонима аус ях и указывает на связь такой нарты по происхождению с хантами.⁷² В современной историографии большинство исследователей за исключением А.П. Зенько, который считает, что аус ях — это коми, отождествляют данный этноним с аборигенами севера Западной Сибири — обдорско-казымскими хантами, северными самодийцами,⁷³ либо собственно с тундровыми ненцами.⁷⁴

Е.П. Мартынова отмечает, «что у ряда групп обдорских хантов изображения божеств *хур* хранились на специальных священных нартах — *хот шанш ухал* (дом — спина — нарта), полозья которых загнуты на две стороны, чтобы запрягать оленей по направлению движения, не разворачивая нарты». ⁷⁵ В данном случае, как и в примере, приведенном Н.В. Лукиной, ⁷⁶ совпадает сакральная функция, которая находит аналогии и в нганасанских «койка нгондуй» — «шайтанских лодках», использовавшихся для хранения «фала койка» — «камня идолов», «основная роль которых сводилась к помощи охотнику во время промысла диких оленей. ... Позднейшие “койка нгондуй” изготавливались из целого куска дерева». ⁷⁷ Во всех случаях важно отметить указание на север как на территорию, откуда приходит лунгауль. На наш взгляд, и само понятие ауль можно отождествлять с названием нарты обдорско-куноватских — уухль и казымских — зохль хантов.

Существенно, что это полозная нарта, хотя ее «двухсторонность» и напоминает лодку. В связи с этим уместно вспомнить аналогию, которую приводит Н.В. Лукина, — о подобной нарте у народов Амура. ⁷⁸ Эта нарта упряжного собаководства с двумя горизонтальными баранами, относящаяся к «гиляцко-амурскому» типу. ⁷⁹

Приведенные выше факты могут интерпретироваться как указывающие на некую связь лодки как средства передвижения по воде с копыльными нартами. Процесс ее превращения в копыльную нарту В. И. Васильев объясняет стремлением придать устойчивость лодке-нарте за счет прикрепления полозьев к наружной стороне днища, а затем их разведения копыльями. ⁸⁰

Является ли данная схема единственно возможной? Очевидно, что нет. Ряд исследователей допускает, что лодка-нарта в качестве универсального транспортного средства передвижения с распространением оленеводства как самостоятельной формы хозяйства была вытеснена нартами различных типов и деревянными лодками. ⁸¹ Вероятной причиной этого явилась систематическая практика использования оленя в качестве тягловой силы и соответственно перемещения на лодке-нарте более тяжелых грузов, чего не обеспечивали ее конструктивные возможности. В частности, Ю.Б. Симченко отмечал, что даже в основной своей функции — водного средства передвижения — эта лодка не была совершенной: «... охотникам на дикого оленя приходилось каждый год существенно ремонтировать каркас и делать новое покрытие». ⁸²

Вероятно, лодка-нарта как универсальный транспорт не имела исторической перспективы, и основная роль здесь принадлежала домашнему оленю. Можно полагать, что последующую судьбу лодки-нарты более правильно определить не понятием «вытеснение», в связи с которым можно усматривать ее в современных нартах и лодках (генетический аспект), а понятием «замещение», которое отражает адаптацию в тундровую культуру средств передвижения из таежных культур.

Именно в истории таежных культур многие исследователи усматривают истоки формирования копыльной нарты, которая в их рамках прошла длительный путь развития — в образцах и функциях, ныне нам известных. Зафиксированы многочисленные терминологические параллели, связывающие копыльные ручные нарты таежной зоны Западной и Южной Сибири с лыжами.⁸³

Судя по всему, именно лыжи-волокуши были основным средством транспортировки грузов в коллективах таежных безоленных пеших охотников, о чем свидетельствует, как это можно отметить на материалах манси⁸⁴ и среднесибирских эвенков,⁸⁵ их современное существование с развитым нартенным транспортом.

На наш взгляд, возможно проведение параллелей между копыльной нартой и волокушей из двух связанных еловых ветвей, описанной Э. Л. Львовой у чулымских тюрков.⁸⁶ Упоминание о сходном явлении имеется в фольклоре восточных хантов. В легенде «Первая оленья нарта» говорится следующее: «Два ханта решили построить нарту. У них есть олени, и они слышали, что на оленях надо ездить. Пошли в лес, два хвойных дерева срубили. Один мужик ничего не обтесал, с сучками ствол, другой все сделал гладко...».⁸⁷ Веточная волокуша зафиксирована у северных манси. Но ее узкое функциональное предназначение — «перетаскивание грузов, в частности сена»,⁸⁸ позволяет предположить вторичность явления, возможно, в связи с русским влиянием.

Подобная волокуша, функционально соответствующая настилу нарты, в сочетании с лыжами, которые также использовались в качестве волокуши, может быть рассмотрена как основа формирования копыльной ручной нарты.

В. Н. Чернецов указывал на то, что не позднее конца четвертого тысячелетия до н. э. в Зауралье появляются лыжи и нарта, «первоначально, видимо, однополозная».⁸⁹ По мнению Ю.Б. Симченко, такая нарта на севере, в условиях прибрежной охоты, трансформировалась в каркас универсального транспортного средства.⁹⁰ В связи с приведен-

ными выше данными можно предположить, что в таежных охотничье-рыболовецких коллективах она становится специализированным средством передвижения по воде — лодкой, но отчасти сохраняется в традиции использования корытообразной бескопильной нарты, а лыжи, в сочетании с различного вида волокушами, развиваются в копыльную нарту.

Возможно, чрезмерное увлечение исследователей попыткой связать происхождение копыльной нарты с лодкой-нартой объясняется самим фактом открытия самобытных аборигенных культур западно-сибирской Арктики, а также тем обстоятельством, что вопрос об этногенезе северосамодийских народов решается через интеграционное взаимодействие «южносибирских компонентов» и «аборигенного компонента Северной Евразии». На более частном уровне, когда обращаются к истории отдельных культурных элементов, она не всегда соответствует генеральным методологическим установкам. В частности, Ю.Б. Симченко рассматривал лодку-нарту не как универсальную эволюционную стадию в формировании копыльной нарты, а только как атрибут локальной культуры. Вероятно, в данном случае мы сталкиваемся с примером подобного рода, а имеющиеся исследования «донартенных» способов транспортировки грузов⁹¹ и, кроме того, конструктивно-технологические и терминологические соответствия между различными транспортными средствами у народов Западной Сибири⁹² позволяют считать предложенную схему предпочтительной.

Характеризуя исторические процессы, протекавшие в циркумполярной зоне, В.Н. Чернецов отмечал, что здесь были распространены прямые заимствования культурных явлений.⁹³ Данное мнение, а также то обстоятельство, что копыльная нарта восходит к основополагающим элементам культуры охотников тайги, дают возможность говорить о ее заимствовании оленеводами тундры. В данном случае оценка функционального статуса такой нарты не имеет принципиального значения — это могла быть как собачья, так и / или ручная нарта. Важны конструктивные ее особенности — скорее всего это была копыльная нарта. Последующая ее трансформация в современную оленью нарту самодийского типа описана Г.М. Василевич и М.Г. Левиным.⁹⁴

Признавая справедливость утверждений существования у самодийского населения тундровой зоны Западной Сибири первичных форм оленеводства, в том числе и транспортного, с применением лодки-нарты, мы склоняемся к предположению, что современный нартенный транспорт северных самодийцев имеет заимствования из таеж-

ных культур Западной Сибири в виде копыльной нарты. В дальнейшем она совершенствовалась уже в самодийской среде.

Вместе с тем не вызывает сомнения факт существования в Западной Сибири лодки-волокуши нескольких конструктивных типов. Можно предположить, что это средство передвижения представляет собой стадийное явление в культуре таежных охотников и рыболовов Западной Сибири. Впоследствии такое транспортное средство замещается на суше копыльной нартой, развивающейся на основе соединения лыж с различного типа волокушами. Как уже отмечалось, терминологические параллели между лодкой и нартой в тайге могут быть объяснены простым совпадением терминов, обозначающих конструктивно и функционально соответствующие детали лодки и нарты. Причем такое совпадение прослеживается в отношении «нарты вообще».

Выяснить происхождение косокопыльной оленьей нарты можно посредством типологизации современных оленьих нарт, установив их исходный конструктивный тип. В данном случае подобный подход не является простым следованием традициям универсальной исследовательской программы. Он ориентирован на «желательность увязывания формальной типологии с функциональной типологией».⁹⁵ Типология современных оленьих нарт была предложена нами в 1983 г. В определенной мере она соответствует классификации нартенного транспорта «Историко-этнографического атласа Сибири». Но наша схема, в отличие от носящей синхронный характер классификации «Атласа», имеет своей целью выявление возможных генетических взаимодействий между основными типами нарт, известных всем народам Западной Сибири. Затем аналогичные разработки были выполнены на восточнохантыйском⁹⁶ и мансийском материалах.⁹⁷ В связи с появившимися к настоящему времени дополнительными фактами и новыми их интерпретациями, остановимся на этом вопросе подробнее.

Современные олени нарты, относящиеся к косокопыльному типу, принято делить на следующие группы. *Легковые (ездовые) нарты*. Мужские (рис. 2, а) и женские (рис. 2, б) нарты сходны по ряду элементов, характерных для косокопыльного типа в целом. Они имеют от 3 до 6 наклоненных назад и наружу высоких копыльев, расположенных в задней части полозьев, их головки соединены 1–2 передними вязками. На вязках, соединяющих копылья, располагается дощатый настил, который спереди и сзади ограничен спинками. Женские нарты выше мужских, они массивные, имеют более высокие спинки и большую площадь сидения. На мужских нартах спинки могут отсутствовать.

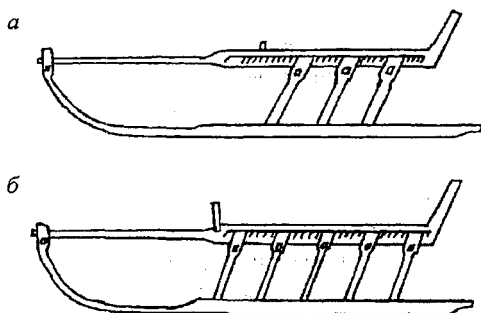

Рис. 2. Легковые олени нарты самодийского типа:
a — мужские; *б* — женские.

Грузовые нарты. Представлены двумя конструктивными типами и многочисленными функциональными вариантами. В частности, у гыданских ненцев нами было зафиксировано более 20 функциональных разновидностей нарт, специфика которых определяется по ряду переменных: название, возимый груз, отчасти особенности конструкции и ситуация использования.

Тип I (рис. 3, *a*) — грузовая нарта сходная с легкой, но более массивная и проще изготовленная. В качестве варианта может иметь коробчатый кузов, который образован боковыми досками-бортами, нашитыми на переднюю и заднюю спинки. Внешне такая нарта сходна с женской ездовой. **Тип II** (рис. 3, *б*) значительно отличается от типа I. Такая нарта имеет меньшую высоту, 2–3 прямее поставленных копыла, чаще расположенных по всей длине подола, настил может отсутствовать.⁹⁸

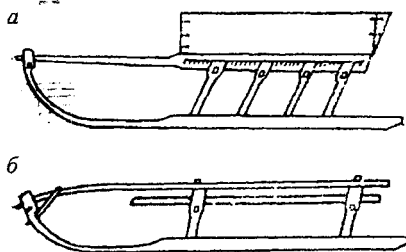

Рис. 3. Грузовые олени нарты самодийского типа:
a — тип I; *б* — тип II.

Грузовую нарту от легкой отличает конструктивная и технологическая простота, что позволяет высказать предположение, что собственно косокопильный тип является усовершенствованным вариантом типа II грузовых нарт. Здесь же можно отметить, что легковым и грузовым нартам сопутствуют различные типы упряжки и упряжи. В легковую нарту запрягают от 2 до 7 оленей со сложной упряжью и блочным креплением оленей к нарте, в грузовую — чаще запрягаются 2 оленя с упрощенной упряжью, крепление оленей к нарте часто безблочное. Учитывая общую закономерность развития транспортного оленеводства — от транспортировки грузов к транспортировке людей, можно сделать вывод, что парная грузовая упряжка с нартами типа II исторически должна предшествовать легкой, грузовым нартам типа I и, таким образом, ближе стоять к возможному исходному типу.

Если учитывать то положение, что население тундровой зоны Западной Сибири не знало копильной нарты, можно прийти к выводу, что исходный тип, по-видимому, может связываться с кругом транспортных средств, существовавших у досамодийского неоленоводческого населения Западной Сибири. Восстановить его облик позволяет анализ нартенного транспорта, сопутствующего пешей охоте (ручные нарты), а также нарт, применяемых в тягловом и упряжном собаководстве.

Ручные нарты. Современные ручные нарты в Западной Сибири представлены двумя типами и, как правило, сопутствуют тягловому собаководству.

Тип А (рис. 4, а) распространен среди ненцев⁹⁹ и северных групп хантов и манси. Эта нарта конструктивно близка оленьей, но имеет

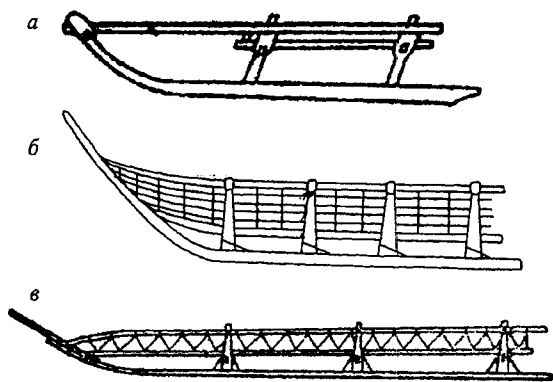

Рис. 4. Ручные нарты.

меньшие размеры. Она применялась в домашнем хозяйстве и при транспортировке грузов на промыслах в тех случаях, когда отсутствовала возможность использовать олений транспорт. В такую нарту в помощь человеку могли подпрягаться собаки. Сходство с оленьей нартой предполагает поздний характер ее появления в культуре народов Западной Сибири.

Тип Б (рис. 4, б) распространен в таежной зоне Западной Сибири у кетов,¹⁰⁰ селькупов,¹⁰¹ восточных хантов¹⁰² (рис. 4, в), северных манси и хантов.¹⁰³ Причем в каждом случае отмечаются местные особенности. В частности, на территории расселения восточных хантов, Н.В. Лукина полагает возможным выделять два варианта нарты данного типа, которые, по ее мнению, имеют различные генетические основы. 1-й вариант (условно рис. 4, в) она обозначает как тюркский, 2-й вариант (условно рис. 4, б) — хантыйско-селькупско-кетский.¹⁰⁴ На наш взгляд, признаки, выделяемые автором, регионально и этнически столь четко не локализуются, а представляют собой своеобразную мозаику. Это хорошо прослеживается в описании ручных нарты типа I у манси, которое приводит Е.Г. Федорова. Обращает на себя внимание и количество аналогий конструктивных особенностей данного типа мансийских нарты, которые автор обнаруживает в самых разных этнических средах.¹⁰⁵

Для типа Б характерны следующие признаки: нарта длинная, узкая, низкая, 3–4-копыльная, копылья прямые, в широких полозьях дополнительно крепятся ремешками, настил изготавливается из реек, борта кузова также могут быть из реек либо оплетены ремнями, в головках полозьев крепится «баран». Применение этой нарты аналогично применению нарты типа А. По мнению исследователей, данный тип наиболее архаичен и интересен в генетическом аспекте — в плане его участия в формировании упряжного собаководства.¹⁰⁶

Нарты упряжного собаководства. В современной типологии к нартам упряжного собаководства Западной Сибири относится *«западносибирский» тип* (рис. 5, а), переставший применяться в начале XIX в. Его типологические характеристики восстанавливаются по иконографическим источникам.¹⁰⁷

Для него характерна длинная, низкая и узкая нарта с прямыми копыльями, дополнительно укрепленными в пазах полозьев ремешками, спереди нарты крепится «баран». Ей сопутствует продольная парная упряжка с вентральной упряжью, посадка, вероятно, верхом. Как указывали В.В. Антропова и М.Г. Левин, независимо от этого типа на севере Западной Сибири появляется новая разновидность нарты, за-

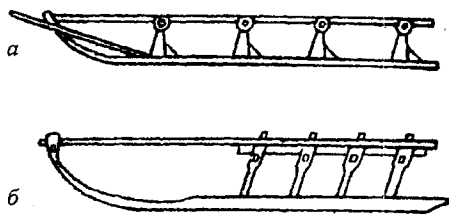

Рис. 5. Нарты упряжного собаководства.

имствованная из оленьего транспорта и приспособленная для запрягания собак.¹⁰⁸ Данный тип нарт (рис. 5, б) конструктивно не отличается от оленьей, но имеет несколько меньшие размеры.¹⁰⁹ Ему соответствует поперечная упряжка, сходная с оленьей, в то же время можно отметить некоторые элементы, характерные для упряжного собаководства «западносибирского» типа, например, встречаемость ventральной упряжи, а также парную группировку собак в поперечной упряжке.¹¹⁰ Данный тип транспортного использования собаки получил наименование «северо-западного» и распространен в основном среди ненцев, «западносибирский» тип генетически связан с культурой обских угров.¹¹¹

Современная типология ручных нарт, а также нарт, применяемых в тягловом и упряжном собаководстве, показывает, что они имеют различное происхождение. Так, тип А ручных нарт и «северо-западный» тип собачьих нарт следует связывать с оленьим транспортом самодийского типа, а тип Б ручных нарт и «западносибирский» тип собачьих нарт — с промысловой культурой народов таежной зоны Западной Сибири, а возможно, и более южных территорий.¹¹² Современная косокопильная нарта в пешей охоте, а также в тягловом и упряжном собаководстве — явление сравнительно позднее, она вторична и формируется под влиянием упряжного оленеводства самодийского типа. Данное обстоятельство позволяет предположить независимое, в этническом плане, ее распространение в Западной Сибири. Очевидно, в данном случае мы опять сталкиваемся с процессом «замещения» нартенного транспорта, предшествующего косокопильному типу. Этот процесс начался сравнительно недавно и к настоящему времени не завершен, о чем позволяет судить отсутствие в Западной Сибири единого конструктивного стандарта «нарти вообще». Современный нартенный транспорт являет собой мозаику как ранних, так и более поздних его разновидностей, что и дает возможность проследить основные этапы генезиса нартенного транспорта западносибир-

ских народов. Исходная универсальная форма транспортного использования оленя предполагает, что в тундровой зоне Западной Сибири в оленеводстве первоначально формируется грузовой транспорт. Здесь уместно еще раз подчеркнуть, что тип II грузовых оленьих нарт имеет конструктивные особенности, которые отличают его от легковых нарт и приближают к нартам типа Б, ручным и применяемым в тягловом собаководстве, а также «западносибирскому» типу нарт упряжного собаководства. Поэтому вполне вероятно предположить, что указанный круг транспортных средств и послужил основой для формирования оленьей нарты.

Изменения, которые претерпела грузовая оленья нарта, как неоднократно отмечалось выше, определялись применением оленя в качестве основной тягловой силы. Это уменьшение ширины и увеличение толщины полозьев, изменение местоположения копыльев, смещение настила назад. Так, ширина полозьев в ручной нарте обусловлена шириной лыж, на которых охотник идет впереди нарты. С увеличением грузоподъемности оленьей нарты по сравнению с ручной форма полозьев изменяется — прежде всего за счет уменьшения их ширины, чего требовало общее уменьшение веса нарты. Вероятные причины изменения местоположения копыльев и сидения отмечались выше. Прочие элементы исходного типа сохранились в оленьих грузовых нартах дольше. Среди них можно отметить меньшую высоту, более прямые копылья, часто располагающиеся по всей длине полоза, «баран», широко представленный в «таежном варианте» оленьей нарты самодийского типа. Уменьшение высоты нащепы над плоскостью сидения в легковых оленьих нартах по сравнению с корытообразным кузовом ручных можно связывать с левосторонним способом посадки — на грузовых нартах часто встречается высокое расположение нащепы над настилом. Можно отметить, что прямые и невысокие копылья на оленьих нартах сохраняются вплоть до XIX в.,¹¹³ до этого же времени в упряжку впрягались только два оленя.

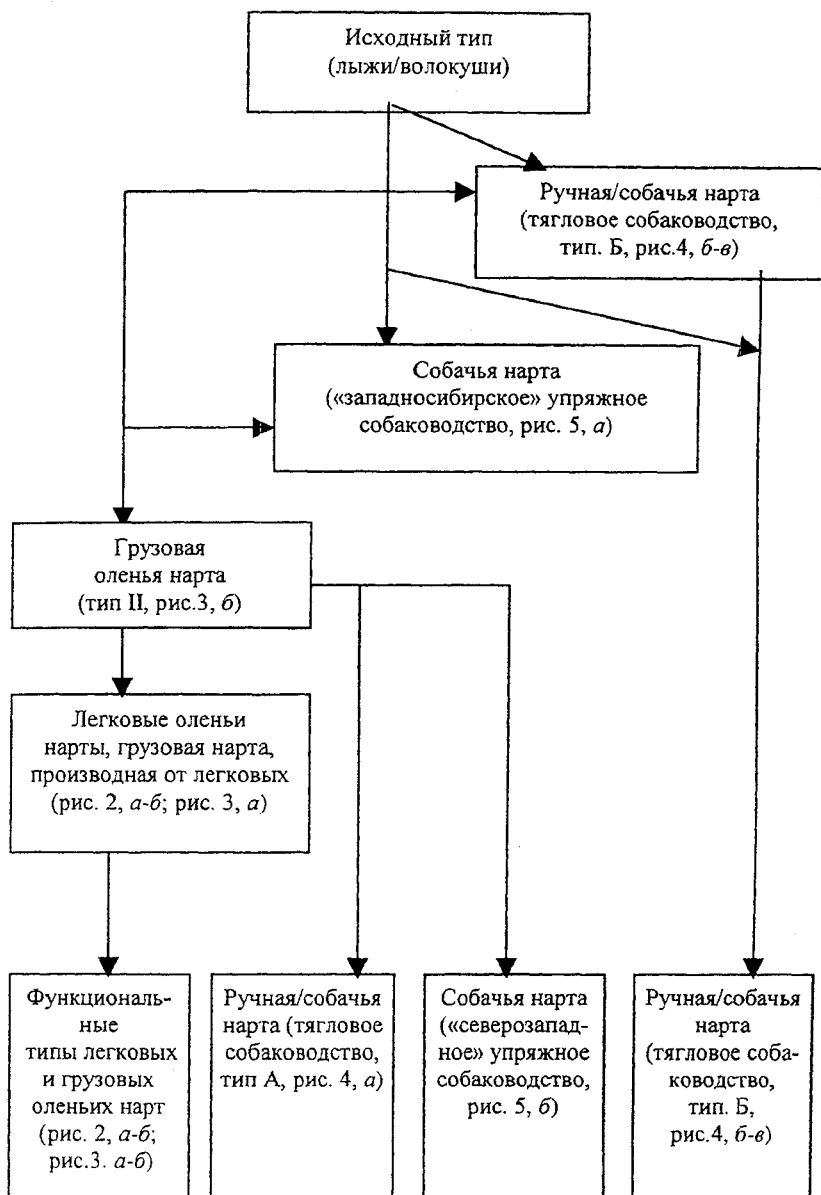
Языковые данные народов Западной Сибири демонстрируют сходство терминологии ручных и собачьих нарт с оленьими,¹¹⁴ что объясняется поздним заимствованием ненецкого оленеводства кетями, манси, селькупами и хантами простым перенесением на оленью нарту терминов, обозначающих более древнюю ручную нарту и ее детали.¹¹⁵ Это утверждение носит принципиальный характер, поскольку известна иная оценка отмеченного соответствия. В частности, Н.В. Лукина на основании исчерпывающего анализа терминов нартенного транспорта приходит к заключению: «у восточных хантов

была *собственная* (курсив наш. — В.К.) терминология оленьей нарты»,¹¹⁶ что позволяет ей усматривать генетические связи упряжного оленеводства с угорской средой.¹¹⁷ Если учесть, что у всех народов Западной Сибири есть собственная терминология нарты и ее деталей, то получится, что оленью нарту «изобрели» и ханты, и манси, и кеты. При наличии регионального стандарта — «олений транспорт самодийского типа» — этноспецифическая его терминология вполне объяснима перенесением исконных терминов языка каждого народа на заимствованное явление.

Не менее сложен вопрос о возникновении оленьей упряжи. Наиболее простой тип упряжи соответствует грузовой упряжке. Большинство исследователей, рассматривающих развитие нартенного оленеводства под влиянием упряжного собаководства, считают, что из собачьей упряжки мог быть заимствован только потяг, проходящий между задними ногами животного.¹¹⁸ Вместе с тем если простой тип недоуздка, характерный для грузовой упряжки, можно связывать с исходным типом упряжи, то вопрос о возникновении лямки остается открытым.

Весьма разнообразны типы лямок, которые используются на территории Западной Сибири для ручной нарты, в тягловом и упряжном собаководстве. В упряжном собаководстве «западносибирского» типа применялась вентральная, или тазовая, лямка.¹¹⁹ В ручной нарте и тягловом собаководстве наряду с использованием тазовой лямки известен грудной тип.¹²⁰ Грудной, «дорзальный» — по М.Г. Левину, тип упряжи Е.А. Алексеенко и Н.В. Лукина называют шейно-грудным.¹²¹ Учитывая основной критерий выделения типов собачьей упряжи — анатомическое положение на теле собаки, а также варианты лямки дорзального типа, которые отличаются наличием дополнительных ремешков, фиксирующих ее на спине (собственно «дорзальное» = «спинное» ее положение), мы считаем излишним выделение шейно-грудного типа. Собачью лямку, аналогичную оленьей, упоминает М.Г. Левин.¹²² Большим однообразием отличается тип лямки, в которую при перетаскивании ручной нарты в пешей охоте впрягался человек. Это лямка, которая надевается на плечи, грудь, либо проходит через грудь и плечо, т. е. ее расположение аналогично расположению лямки в оленьей упряжи. Поэтому, вслед за Л.В. Хомич, можно полагать, что ненецкое упряжное оленеводство, включая особенности конструкции оленьих нарт (имеется в виду копыльный тип нарты) и упряжи, развилось из опыта запрягания оленя в ручную нарту, или волокушу.¹²³ Подобное предположение не исключает влияния собаководства. В частности, до

Схема. Развитие нартного транспорта в Западной Сибири

настоящего времени юганские ханты в случае необходимости запрягают оленей в собачьи нарты,¹²⁴ северные манси для езды на оленях также использовали собачьи нарты.¹²⁵ Но в данном случае, что следует еще раз подчеркнуть, наблюдалось влияние не столько упряжного собаководства, сколько тяглового, сопутствующего основному хозяйственно-культурному типу таежного населения Западной Сибири.

Приведенный материал может быть сведен в схему, иллюстрирующую возможное соотношение основных типов нарт на территории Западной Сибири в стадиальной последовательности с выходом на современный уровень их бытования (см. схему на с. 175).

Эти выводы, пожалуй, ни у кого из современных авторов, занимающихся историей нартенного транспорта народов Западной Сибири, не вызывают возражений. Не столь однозначно решается вопрос об этнических средах, которые участвовали в формировании оленьего транспорта. Вместе с тем это «основной» вопрос западносибирской этнографии в решении проблемы происхождения западносибирского оленеводства, который чаще всего и решается через историю оленьего транспорта.

В отличие от других исследователей мы полагаем возможным разделить историю западносибирского оленеводства по меньшей мере на два этапа. Поздний (интеграционный), очевидно, связан с периодом становления крупностадного оленеводства и формированием элементов оленеводческой культуры жизнеобеспечения в среде северных самодийцев. Именно отсюда они проникают в тайгу Западной Сибири и оказывают нивелирующее влияние на культуру аборигенов, особенно четко проявившееся не только в сходстве северных этнографических групп хантов и манси, но и во всей региональной оленеводческой культуре. Современные представления об истории крупностадного оленеводства в Западной Сибири позволяют утверждать, что олений транспорт самодийского типа сформировался в ненецкой среде и, очевидно, сравнительно недавно.

Данное положение вступает в противоречие с концепцией происхождения оленьего транспорта в Западной Сибири, которую разработала Н.В. Лукина. Здесь уместно еще раз напомнить основную установку автора на осторожность употребления в качестве этнического определителя понятия «олений транспорт самодийского типа»,¹²⁶ исходя из этой установки она и рассматривает возможность формирования косокопильной нарты и сложной оленьей упряжи в угорской среде.

На примере восточнохантыйской нарты Н.В. Лукина выделяет два типа ручных нарт. В отношении первого — период, когда происходит «переход к косой постановке копыльев, наклоненных назад и внутрь, и возвышению нарты над землей. Копылья стали делать толще в той части, где имеется паз для вязка, немного изменилась их общая конфигурация. Изменения коснулись и нащепов — от толстого прута был сделан переход к нащепу в виде бруска, толщина которого постепенно увеличивалась, в ранних вариантах нащеп был коротким и соединялся с передним концом полоза растяжкой, позднее его стали удлинять и привязывать непосредственно к полозу, также смещалось положение нащепы по отношению к земле».¹²⁷ Эти изменения в конструкции возникли в связи со стремлением сделать нарту более прочной, а это, в свою очередь, позволило систематически использовать в качестве тягловой силы собак, а позднее — оленей. Второй тип восточнохантыйской ручной нарты конструктивно соответствует местной грузовой оленьей и отчасти ездовой собачьей нарте «северозападного типа». Это была только грузовая нарта, в которую иногда подпрягали собак. Автор предполагает, что в качестве прототипа здесь выступает оленья нарта, в то же время усматривает некоторые общие признаки с местной ручной нартой.¹²⁸

В оленьем транспорте восточных хантов Н.В. Лукина также выделяет несколько типов нарт.

Первый тип был распространен на Югане — он повторяет местную ручную нарту. Для езды на оленях юганцы могли использовать и собачью нарту. Нарта второго типа была распространена у правобережных групп и конструктивно соответствовала самодийскому типу. Здесь же получили распространение функциональные варианты (нарты с ящиком, нарты для перевозки дров и шестов чума, мужские и женские), по составу соответствующие таежному варианту оленьего транспорта самодийского типа, «однако это определение не безусловно, так как копылья здесь иногда ставили по всей длине полоза, а “баран” встречался не часто».¹²⁹ Терминология оленьих нарт восточных хантов восходит к местным ручным нартам.

Детально проанализировав олений транспорт восточных хантов, прежде всего с точки зрения генезиса основных его конструктивных особенностей, Н.В. Лукина приходит к заключению, что они могли сформироваться и в таежной зоне, а «названные усовершенствования были разработаны предками хантов в таежной зоне Нарымско-Сургутского Приобья, причем косую постановку копыльев в ручной нарте практиковало население, не знавшее оленеводства».¹³⁰ По мне-

нию автора, имеется достаточно данных о «связи восточнохантыйского (с выходом на общехантыйский материал) оленеводства с коневодческой культурой угров, древними местными способами охоты на оленя и приемами содержания собак, что мало согласуется с положением о заимствовании хантами оленеводства у ненцев».¹³¹

Первоначальные формы оленьей нарты и упряжи восточных хантов Н.В. Лукина связывает с хантами Югана. Здесь, как она считает, проходит южная граница оленеводческой культуры в Западной Сибири и выявляется множество переходных признаков от запряжки собак к транспортному оленеводству. «Здесь же лучше сохранялись реликты коневодческой культуры. В целом восточные ханты представляют интерес в связи с тем, что у них сохранились следы таежного тяглого собаководства в сочетании с запряганием в такую нарту оленей, а также использование оленя в качестве основного транспортного животного. В культуре восточных хантов отражены этапы перехода от одного транспортного животного к другому».¹³²

При всей определенности позиции автора следует привести еще одну оценку соотношения различных видов транспорта в культуре восточных хантов. Н.В. Лукина пишет: «Мы неоднократно наблюдали такое сосуществование у исследуемых групп хантов, особенно на Югане. Они не содержали специальных ездовых собак, и в помощь человеку подпрягали охотничьих; количество оленей было небольшим и перекочевки ради поисков ягеля не делали. В одном и том же хозяйстве в нарты запрягали то оленей, то собак и, в зависимости от обстоятельств, иногда те и другие шли в одном обозе. *В данном случае нет ни ездового собаководства, ни развитого оленеводства* (курсив наш. — В.К.)».¹³³

Очевидно, что в восточнохантыйском регионе, представляющем собой периферию западносибирского оленеводства, элементы оленеводческой культуры жизнеобеспечения, а в данном случае речь идет об оленьем транспорте, образуют своеобразную мозаику сочетания черт тундровой оленеводческой и таежной промысловой культур.

Разнообразие элементов одного функционального круга в этнической культуре можно трактовать по-разному. С одной стороны, такое сосуществование явлений может быть следствием их генезиса, когда поздние не замещают более ранние, послужившие основой для их формирования, это своеобразные пережитки, обозначающие динамику развития составляющих традиционно-бытовой культуры. С другой стороны, не меньшие основания имеет вывод о том, что такая мозаичность отражает процессы межэтнического взаимодействия на

этапе, когда воспринятые элементы еще полностью не ассимилированы. Они как бы «добавляются» к культуре реципиента и сосуществуют с местными культурными традициями.

Распространение оленьего транспорта самодийского типа по территории Западной Сибири свидетельствует о своеобразном уменьшении его признаков (относительно классического типа) по мере движения с севера на юг. Максимальное их количество представлено в западносибирских тундрах, причем в оленьем транспорте различных народов — тундровых ненцев, северных групп обских угров, коми-ижемцев и отчасти северных селькупов. В северотаежном регионе, у сыньско-куноватских и отчасти казымских хантов, ляпинских манси, тазовских селькупов, наблюдаются резкое сокращение функциональных типов оленьих нарт, зимняя езда, вариативность элементов упряжи при сохранении приоритета оленьего транспорта. Южнее, в пределах восточнотайского региона, отмечаются локальность распространения оленьего транспорта (правобережные группы), еще большая его упрощенность, а также паритет по отношению к упряжному и тягловому собаководству. На наш взгляд, состояние оленьего транспорта юганских хантов говорит о том, что они познакомились с ним весьма поздно. О том же свидетельствуют новейшие исследования по истории формирования основных элементов оленеводческой культуры данного подразделения восточных хантов.¹³⁴

Дополнительным аргументом в пользу такой схемы является предположение о том, что предшествующий (генетический) этап истории западносибирского оленеводства носил локальный характер. На наш взгляд, весьма аргументированно на большинство вопросов о генезисе западносибирского оленеводства удалось ответить А.В. Головневу. Его концепция о североуральском центре формирования как таежной, так и тундровой его форм выглядит вполне доказательно.¹³⁵ Но здесь опять возникает проблема генезиса угорского оленеводства. Схема А.В. Головнева реконструирует скорее культурную, чем этническую среду — это североуральские охотники.¹³⁶

Предположение А.В. Головнева о том, что из североуральского региона в течение второй половины второго тысячелетия н.э. стационарное оленеводство «в модифицированной форме распространяется среди населения Средней Сибири и сохранилось до наших дней в облике “избенного” оленеводства хантов Средней Оби»,¹³⁷ очевидно — селькупов и кетов, может быть подтверждено не только наличием в оленеводстве таежного населения Западной Сибири породы домашнего оленя, относящегося к приуральской популяции,¹³⁸ но и хозяйст-

венным значением оленеводства тайги. Его определители — классификационный определитель — «транспортно-промысловое» оленеводство, и культурологический — «средство интенсификации прежних форм хозяйства, а именно охоты», ограничивают круг факторов, определяющих этот процесс, и позволяют связать его с эволюцией промыслового хозяйства таежного населения.

Роль оленьего транспорта в пушной охоте (на песца — в тундре, на белку — в тайге), предусматривающем опромышление больших территорий, очевидна. «В глубинно-таежных районах развивался “вширь” пушной промысел при сопутствующем росте транспортного поголовья оленей».¹³⁹ Весьма красноречива статистика по Ваху, где на одно безоленное хозяйство за сезон добывалось 163,5 белок, а на хозяйство с оленями приходилась 551 белка.¹⁴⁰ К концу XIX в. добыча белки в западносибирской тайге по сравнению с XVIII в. увеличилась в 8–10 раз.¹⁴¹ Эти примеры указывают на очевидную связь между интенсификацией пушного промысла, идущей в направлении специализации по объекту, широкого распространения пассивных средств лова, расширения промысловой территории¹⁴² и освоением таежным населением транспортного оленеводства.

В исследованиях последних лет, посвященных истории пушного промысла в Западной Сибири, отмечается, что если начало его формирования как товарной отрасли можно отнести к началу второго тысячелетия н.э.,¹⁴³ то как особая отрасль хозяйства он сложился в XVI–XVII вв. В связи с так называемым «пушным бумом» на рубеже XVII–XVIII вв.¹⁴⁴ он развивался в направлении интенсификации. Расширения территорий промысла дополнительно требовало и существенное истощение промысловых угодий.¹⁴⁵

Таким образом, можно предложить, в качестве дополнительных аргументов, что истоки таежного оленеводства народов Западной Сибири и в генетическом плане можно связывать с североуральским центром. Поскольку это был процесс освоения не единичного элемента, а комплекса культурных составляющих, можно установить только его хронологические рамки: первая четверть — середина второго тысячелетия н.э.

Очевидно, что североуральское стационарное оленеводство в пределах современной территории распространения в конкретных этнических средах было модифицировано, с одной стороны в виде редукции набора элементов исходного типа, с другой — привнесением в него новаций, соответствующих местной культурной традиции. Последнее обстоятельство в ряде случаев позволяет исследователям

рассматривать таежное транспортное оленеводство обских угров (Н.В. Лукина) и селькупов (И.Н. Гемуев и Г.И. Пелих) как имеющее местную самостоятельную основу формирования.

Следует отметить, что оленья упряжка и нарты в настоящее время изменяются незначительно. В упряжи появился металл, впервые примененный коми-ижемцами, а затем другими оленеводами Западной Сибири. На угорском материале наблюдаются изменения в легковых нартах, которые носят нефункциональный характер, это дополнительная отделка нащепов, головок полозьев, перегруппировка копыльев.

Как указывалось выше, с распространением в Западной Сибири лошади северные группы обских угров выработали особый тип нарт — «лошадиные»: «лу уухль» (ханты), «луу сун» (манси). Эти нарты по сравнению с оленьими более массивны, низки, косые копылья и настил располагаются по всей длине полоза. Лошадь в такую нарту запрягается при помощи оглоблей, упряжь используется конская.¹⁴⁶

Примечания

¹ Материальная культура. Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3. М., 1989. С. 6.

² Там же. С. 184.

³ Там же. С. 190–191.

⁴ Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение // СЭ. 1951. № 1. С. 70–71.

⁵ Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 23.

⁶ Свод этнографических понятий и терминов. С. 6.

⁷ Виноградов М.П. О распространении диких и домашних оленей в пределах СССР // Советское оленеводство. Вып. 4. Л., 1935.

⁸ Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 75.

⁹ Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение. С. 81; Историко-этнографический атлас Сибири, С. 20.

¹⁰ Гарин Н. Нарты // Северные просторы. 1991. № 43. С. 50–51.

¹¹ Каров Д.М. О развитии примитивных орудий // ТИЭ. 1960. Т. 54. С. 24.

¹² Алексеенко Е.А. Народная техника обработки дерева у кетов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С.171.

¹³ Хомич Л.В. Ненцы. Очерк традиционной культуры. СПб., 1995. С. 122.

¹⁴ Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. Томск, 1977. С. 61; Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск, 1985. С. 26, 112.

¹⁵ Лукина Н.В. 1) Формирование ... С. 122; 2) Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов. Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 13.

¹⁶ Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972.

¹⁷ Васильев В.И. Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение // КСИЭ. 1962. Вып. 37; Вербов Г. Д. Лесные ненцы // СЭ. 1936. № 2; Гемуев И.Н., Пелих Г.И. Селькупское оленеводство // СЭ. 1974. № 3; Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976.

¹⁸ Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. С. 109; Вербов Г.Д. Лесные ненцы; Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов. С. 144.

¹⁹ Прокофьева Е.Д. Оленеводство тазовских селькупов. С. 144; Козьмин В.А. Оленеводство северных селькупов в связи с их этнической историей // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Тезисы докладов. Омск, 1983. С. 21–25; Алексеенко Е.А. Этническое взаимодействие коренного населения Туруханского Севера и Верхнего Таза // Народы и языки Сибири. Ареальные исследования. М., 1978. С. 36; Лукина Н.В. Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов. С. 13; Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 95–96.

²⁰ Васильев В.И. Проблемы формирования северсамодийских народностей. М., 1979. С. 62.

²¹ Там же. С. 62.

²² Там же. С. 65.

²³ Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства. С. 96.

²⁴ Хомич Л.В. Проблемы этногенеза... С. 80.

²⁵ Лукина Н.В. О задачах и методах выявления этноразличительных черт // Проблемы исторической интеграции археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 148.

²⁶ Титов А. А. Сибирь в XVII в. М., 1890. С. 3, 6.

²⁷ Хомич Л. В. Проблемы этногенеза... С. 80.

²⁸ Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение. С. 78–81.

²⁹ Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полюя // МИА. 1953. № 35. С. 84–86.

³⁰ Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. С. 123.

³¹ Там же.

³² Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976. С. 283.

³³ Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства. С. 96–97; Грачева Г.Н. К происхождению тундрового оленеводства // AD POLUS. Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 10. С. 119–121; Хлобыстин Л.П., Грачева Г.Н. Вопросы появления оленеводства у народов европейского и западно-сибирского Заполярья // AD POLUS. Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып.10. С. 111–118.

³⁴ Хлобыстин Л.П. Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии: Автореф. докт. дис. М., 1982. С. 31–32; Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991. С. 58–59.

³⁵ Симченко Ю.Б. Культура охотников... С. 76.

³⁶ Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства. С. 96.

³⁷ Там же. 96–97; Баскин Л.М. Северный олень. Экология и поведение. М., 1970. С. 133–134.

³⁸ Чарнолуцкий В. В. Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей // Кольский сборник. Л., 1930. С. 57.

³⁹ Золотарев А.М., Левин М.Г. К вопросу о древности происхождения оленеводства // Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 180.

⁴⁰ Артамонов М.И. К истории средств передвижения // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 5–6. С. 25–26.

⁴¹ Там же. С. 26.

⁴² Козьмин В.А. Взгляды М.И. Артамонова на происхождение оленеводства // Проблемы археологии. Вып.4. История и культура древних и средневековых обществ. СПб., 1998. С. 62–67.

⁴³ Левин М. Г. О происхождении и типах упряжного собаководства // СЭ. 1946. № 4. С. 103.

⁴⁴ Там же. С. 103–104.

⁴⁵ Василевич Г.М., Левин М.Г. Типы оленеводства и их происхождение. С. 78–82

⁴⁶ Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. С. 124. Прим. С. 290.

⁴⁷ Хлобыстин Л.П., Грачева Г.Н. Вопросы появления оленеводства ... С. 83; Васильев В. И. Проблемы формирования ... С. 65–67.

⁴⁸ Хлобыстин Л.П., Грачева Г.Н. Вопросы появления оленеводства ... С. 112.

⁴⁹ Грачева Г.Н. К происхождению тундрового оленеводства. С. 120.

⁵⁰ Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. С. 124.

⁵¹ Лукина Н.В. Средства передвижения нарымских селькупов // Вопросы археологии и этнографии Западной Сибири. Учен. зап. Томского ун-та. 1966. № 60. С. 112.

⁵² Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 109—110.

⁵³ Василевич Г.М. Корягообразная нарта сымских эвенков // Сб. МАЭ. 1948. С. 10.

- ⁵⁴ Васильев М. И. Сухопутные средства передвижения русских севера Европейской России. Канд. дис. СПб., 1994.
- ⁵⁵ Там же. С. 60–64.
- ⁵⁶ Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. 2-е изд. Иркутск, 1941.
- ⁵⁷ Краткая Сибирская (Кунгурская) летопись. СПб., 1880.
- ⁵⁸ Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX–XX вв. М., 1971. С. 79.
- ⁵⁹ Там же. С. 80.
- ⁶⁰ Карпелан К. Финские саамы в железном веке // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 150.
- ⁶¹ Васильев М. И. Сухопутные средства передвижения ... С. 65.
- ⁶² Пелих Г. И. Происхождение селькупов. С. 110.
- ⁶³ Лукина Н. В. Формирование... С. 110.
- ⁶⁴ П. де-Ламартиньер. Путешествие в северные страны // Зап. Моск. археол. ин-та. 1912. Т. 15. С. 91.
- ⁶⁵ Витсен Н. Северная и Восточная Татария. Амстердам, 1703 // АМАЭ. К. 5. Оп. I. № 139–142. Л. 43.
- ⁶⁶ Белов М. И. Мангазея. Л., 1969. С. 97.
- ⁶⁷ Белявский Ф. Поездка к Ледовитому океану. М., 1833. С. 528.
- ⁶⁸ Симченко Ю. Б. Культура охотников... С. 137.
- ⁶⁹ Там же. С. 140–149.
- ⁷⁰ Там же. С. 149–150.
- ⁷¹ Хомич Л. В. Ненцы; Федорова Е. Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994; Лукина Н. В. Формирование материальной культуры ...; Прокофьева Е. Д. Оленеводство тазовских селькупов; Алексеенко Е. А. Средства передвижения кетов // ТИЭ. 1961. Т. 64. — Кроме приведенных выше источников в таблицу включены гермины из полевых материалов, собранных у ямальских и гыданских ненцев, верхнепуровских ненцев, тазовских селькупов, северных манси, северных хантов, западносибирских коми-ижемцев.
- ⁷² Материалы по фольклору хантов. Томск, 1978. С. 146.
- ⁷³ Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 146–147; Перевалова Е. В. Этническая история северных хантов (обдорско-куноватская группа) в XVIII — начале XX вв. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1997. С. 18–19.
- ⁷⁴ Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 102.
- ⁷⁵ Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. С. 125.
- ⁷⁶ Лукина Н. В. Формирование... С. 120.
- ⁷⁷ Симченко Ю. Б. Культура охотников... С. 139–140 (рис. 13, в).
- ⁷⁸ Лукина Н. В. Формирование ... С. 120.
- ⁷⁹ Левиц М. Г. О происхождении и типах упряжного собаководства. С. 91–92.
- ⁸⁰ Васильев В. И. Проблемы формирования... С. 66.

- ⁸¹ Симченко Ю. Б. Культура охотников... С. 151; Хлобыстин Л. П., Грачева Г. Н. С. Вопросы появления оленеводства... 112.
- ⁸² Симченко Ю. Б. Культура охотников ... С. 149.
- ⁸³ Львова Э. Л. Лыжи и нарты чулымских тюрков // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972. С. 140–151.
- ⁸⁴ Федорова Е. Г. Историко-этнографические очерки ... С. 80.
- ⁸⁵ Туров М. Г. Хозяйство эвенков тасжной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX в. (принципы освоения угодий). Иркутск, 1990. С. 120–121.
- ⁸⁶ Там же. С. 148.
- ⁸⁷ Материалы по фольклору хантов. С. 146.
- ⁸⁸ Федорова Е. Г. Историко-этнографические очерки ... С. 80–81.
- ⁸⁹ Чернецов В. Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. М., 1964. С. 6.
- ⁹⁰ Симченко Ю. Б. Культура охотников ... С. 150.
- ⁹¹ Левин М. Г. О происхождении и типах ... С. 81–82.
- ⁹² Козьмин В. А. К вопросу о происхождении нартенного транспорта в западносибирском оленеводстве // Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1983; Лукина Н. В. Формирование ... С. 105–146.
- ⁹³ Чернецов В. Н. К вопросу об этническом субстрате. С. 3.
- ⁹⁴ Василевич Г. М., Левин М. Г. Типы оленеводства. С. 81; Историко-этнографический атлас Сибири. С. 24–25.
- ⁹⁵ Свод ... С. 7.
- ⁹⁶ Лукина Н. В. Формирование ... С. 105–146.
- ⁹⁷ Федорова Е. Г. Очерки ... С. 80–97.
- ⁹⁸ Описания нарты даны по работе: Хомич Л. В. Оленьи нарты и упряжь ненцев // Сб. МАЭ. 1961. Т. 20. С. 44–48; Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты. Томск, 1977. С. 57–61.
- ⁹⁹ Хомич Л. В. Ненцы. 1966. С. 95.
- ¹⁰⁰ Алексеенко Е. А. Средства передвижения кетов. С. 64–68.
- ¹⁰¹ Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 672.
- ¹⁰² Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты. С. 57–61.
- ¹⁰³ Среди северных угров такой тип нарты в настоящее время фиксируется только у манси, у северных хантов он восстанавливается по описанию информаторов.
- ¹⁰⁴ Лукина Н. В. Формирование ... С. 109–111.
- ¹⁰⁵ Федорова Е. Г. Очерки ... С. 81, 84.
- ¹⁰⁶ Алексеенко Е. А. Средства передвижения кетов. С. 65; Левин М. Г. О происхождении и типах упряжного собаководства. С. 102.
- ¹⁰⁷ Краткая Сибирская (Кунгурская) летопись; Чернецов В. Н. Быт хантов по рисункам XIX в. // Сб. МАЭ. 1949. Вып. 10. С. 19.
- ¹⁰⁸ Левин М. Г. О происхождении и типах ... С. 96; Хомич Л. В. Ненцы. 1966. С. 98; Историко-этнографический атлас Сибири. С. 57, 62.
- ¹⁰⁹ Историко-этнографический атлас Сибири. С. 59.

¹¹⁰ Хомич Л.В. Ненцы. С. 94.

¹¹¹ Историко-этнографический атлас Сибири. С. 62.

¹¹² Данный тип представлен также у шорцев, северных алтайцев, хакасов. Там же. С. 63.

¹¹³ Чернецов В.Н. Быт хантов по рисункам XIX в. С. 17. — Предположение о сохранении на оленьих нартах прямых и невысоких копыльев вплоть до XIX в. делается на основании изображений на шторках оленьей упряжки, опубликованных В.Н. Чернецовым. Его предположение о том, что обычно косые копылья в данном случае, по-видимому, изображены как прямые, очевидно не точно. Это подтверждается тем, что все прочие детали упряжки и нарт изображены достаточно тщательно.

¹¹⁴ Чернецов В.Н. Термины средств передвижения в мансийском языке // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936). Сб. статей. Л., 1937. С. 350.

¹¹⁵ О терминологических параллелях см.: Чернецов В. Н. Термины средств передвижения ... С. 350; Алексеенко Е.А. Средства передвижения кетов. С. 73.

¹¹⁶ Лукина Н.В. Формирование ... С. 118.

¹¹⁷ Там же. С. 144.

¹¹⁸ Историко-этнографический атлас Сибири. С. 25.

¹¹⁹ Левин М.Г. О происхождении и типах... С. 90; Историко-этнографический атлас Сибири. С. 62.

¹²⁰ Алексеенко Е.А. Средства передвижения кетов. С. 70; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. С. 61.

¹²¹ Алексеенко Е.А. Средства передвижения кетов. С. 68–70; Лукина Н.В. Формирование ... С. 114–115.

¹²² Левин М.Г. О происхождении и типах ... С. 85.

¹²³ Хомич Л.В. Проблемы этногенеза... С. 81.

¹²⁴ Устное сообщение Н. В. Лукиной.

¹²⁵ Шторки Н. Шахова // Колл. МАЭ. № 5753-6.

¹²⁶ Лукина Н.В. О задачах и методах выявления этноразличительных черт. С. 148.

¹²⁷ Лукина Н.В. Формирование ... С. 110.

¹²⁸ Там же. С. 110–111.

¹²⁹ Там же. С. 116–117.

¹³⁰ Там же. С. 122.

¹³¹ Там же. С. 140.

¹³² Там же. С. 141–142.

¹³³ Там же. С. 129.

¹³⁴ Федорова Е.Г. О возможных путях становления обско-угорского оленеводства // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1995. С. 194–197; Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. С. 138–139, 144–147, 150–153.

¹³⁵ Головнев А.В. К истории ненецкого оленеводства // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск, 1989.

¹³⁶ Там же. С. 97.

¹³⁷ Там же. С. 98.

¹³⁸ Виноградов М.П. О распространении диких и домашних оленей в пределах СССР // Советское оленеводство. Вып. 4. Л., 1935. С. 10.

¹³⁹ Головнев А.В. Хозяйственно-культурные типы хантов и манси и культурная адаптация // Обские угры (ханты и манси). Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. VII. М., 1991. С. 42.

¹⁴⁰ Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 60.

¹⁴¹ Головнев А.В. Хозяйственно-культурные типы. С. 42.

¹⁴² Ермолов Л.Б. Средства пассивной охоты как индикатор оседлости этноса // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 198–199.

¹⁴³ Головнев А.В. Историческая типология хозяйства ... С. 63; Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981. С. 81.

¹⁴⁴ Головнев А.В. Историческая типология хозяйства ... С. 68.

¹⁴⁵ Пелих Г.И. Селькупы XVII века. С. 82.

¹⁴⁶ Детальное описание традиций конского транспорта и его взаимодействия с оленьим у манси см: Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки ... С. 97–103.

ЧУМ В ОЛЕНЕВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Одним из важных элементов региональной оленеводческой культуры народов Западной Сибири является чум. Это единственный вид жилища у ненцев в прошлом.¹ Функциональное его основание в культуре оленеводов тундр Западной Сибири образно выражено А.В. Головневым: «... он “соткан” из всего пространства кочевий. Без него кочевание невозможно, но и он невозможен без кочевания».²

Генетически, вне зависимости от представлений об истории самодийского оленеводства, сам чум связывается именно с оленеводческой традицией. Так, в соответствии с концепцией южно-сибирской прародины самодийцев Л.В. Хомич считает, что ряд его конструктивных особенностей, «а также общее название для чума у всех самодийских народностей (в том числе — у южных самодийцев) может свидетельствовать о распространении на Север чума вместе с оленеводством из районов Южной Сибири».³

Изменения взглядов на роль аборигенного компонента в формировании западносибирского оленеводства и элементов культуры, с ним связанных, касаются и чума.

Впервые достаточно определенно об этом написала Т.Б. Долгих. В исследовании о чуме лесных ненцев она выделила два типа самодийского чума: «энецко-нганасанский» и «ненецкий». Первый, по ее мнению, более древний и связан с культурой охотников на дикого оленя, второй, более поздний, является развитием первого, через адаптацию его конструкции к мобильному образу жизни оленеводов тундр.⁴

Данная схема впоследствии была конкретизирована Ю.Б. Симченко.⁵ В связи с промысловым циклом кочевания охотников на дикого оленя, которое определяется как «челночное», он сформулировал предположение о том, «что древние охотники знали... два различных типа жилища, соответствующих летним тундровым и зимним лесным

климатическим условиям». На наш взгляд, Ю.Б. Симченко на имеющемся материале удалось убедительно показать генезис переносного жилища-чума от стационарной постройки типа «кор», которую он связывает с урало-алтайцами, а позднее — уральцами, расселившимися в лесной полосе Западной Сибири. Соответствия между этими постройками отмечаются в конструкции надочажного устройства, соответствии «главных», несущих шестов опорным столбам стационарного жилища, во внутренней планировке, в расположении за очагом «чистого» места, функциональном распределении жилого пространства и т.п.⁶

В.И. Васильев, со ссылкой на схемы Л.В. Хомич и Ю.Б. Симченко, отмечал интегрированный характер южно-сибирского и аборигенного компонентов в современном жилище северных самодийцев. Весьма важно его замечание о том, «что «оленоводческие» черты ненецкого чума наверняка сформировались в условиях тундровой экологической зоны, причем именно в связи с развитием домашнего оленеводства. Во всяком случае такие детали его интерьера, как наличие железного листа для очага, досок для пола и т. п., могли появиться только при наличии специальных средств, необходимых для их транспортировки с одного стойбища на другое».⁸

Очевидно, что к этим изменениям можно отнести и уменьшение количества шестов, связанных с надочажным устройством: с шести — у нганасан и энцев, до трех — у ненцев. В самодийском чуме северных угров летом «симса» может не ставиться вообще. То же можно отметить и в отношении «главных» шестов: в чуме нганасанско-энецком и чуме лесных ненцев их четыре, в ненецком — два. Возможно, как средство адаптации к кочевому образу жизни, который требует портативности предметов жизненного обихода, шесты ненецкого чума имеют меньший диаметр, а с целью компенсации уменьшения их прочности — не круглую, а овальную плоскость сечения.⁹

Таким образом, современные представления о генезисе северосамодийского чума достаточно определенно связывают его с уральским населением Западной Сибири.

Этот вывод подтверждается не только археологическими свидетельствами о прародине, истории и миграциях древних самодийцев, которые локализуют названные процессы в Западной Сибири¹⁰ (данная тема выходит за рамки нашей работы), но и исследованиями по истории чума оленеводов Южной Сибири. Так, С.И. Вайнштейн, рассматривая вопросы генезиса культуры этого региона, обратил внимание на ряд конструктивных соответствий, имеющих важное типоло-

гическое значение, между чумом тувинцев-тоджинцев и эвенков.¹¹ На этом основании он предполагает, что эвенкийский чум мог послужить исходной формой для «тувинского оленеводческого чума». В то же время С.И. Вайнштейн допускает, что чум, «конструктивно близкий к тунгусскому, был жилищем аборигенного населения саянской тайги до проникновения туда не только тюркских, но и самодийских и кетских групп, а позднее его некоторые особенности были заимствованы продвинувшимися в Саяны тюркскими группами». В итоге чум тувинцев, «как одно из наиболее ранних жилищ тюркских народов Саяно-Алтая, развивался в своей исходной форме в зоне контакта с тунгусскими группами и испытал влияние особенностей конструкции тунгусского чума».¹²

Чум для тундровых оленеводов — это единственный тип жилища, что предполагает постановку вопроса о его связи с аналогичным типом жилища населения тайги. Следует ли рассматривать самодийский чум как элемент культуры жизнеобеспечения оленеводов тундр в качестве примера влияния тундровой оленеводческой культуры на таежную промысловую, поскольку он известен как один из вариантов жилища всем народам Западной Сибири?

Прежде чем обратиться к рассмотрению этого вопроса, следует остановиться на соответствии чума составу культурных явлений, атрибутирующих конкретный хозяйственно-культурный тип, а также экологической обусловленности его распространения. В типологических схемах чум определяется как «шалаш с остроконечной вершиной и круглым основанием» (У.Т. Сирелиус),¹³ «временный каркасный конический шалаш» (А.А. Попов),¹⁴ «каркасная, из жердей и сезонного покрытия (береста, шкуры), коническая, переносная, круглогодичная» постройка (Н.В. Лукина),¹⁵ «круглая в основании, коническая (стационарная и переносная) каркасная постройка» (З.П. Соколова).¹⁶ Локальные и этноспецифичные формы чума устанавливаются через признаки количества основных шестов, способов их соединения, конструкции очага.

Как отмечают Н.Н. и И.А. Чебоксаровы, «связи между характерными чертами жилища, образом жизни и хозяйственно-культурным типом носят сложный характер. Переносные разборные жилища, к данной категории построек относится и чум, наиболее часты у кочевых и полукочевых скотоводов (включая оленеводов), но жилища той же категории известны у лесных и отчасти лесостепных охотников южного пояса умеренных и особенно субарктического климатического поясов».¹⁷ Конический чум считается одним из типов традицион-

ных сельских жилищ таежной, лесотундровой и тундровой экологических зон.

У северян З.П. Соколова отмечает наличие чума в виде постоянного и переносного жилища (варианты — яранга, чорома-дю) у оленеводов. У рыболовов и охотников чум может быть как стационарным, так и сезонным, временным жилищем. Его конструктивные особенности определяются как образом жизни (кочевание), так и экологической обусловленностью (дефицит дерева) и открытые беслесные пространства.¹⁸ Всестороннее описание адаптивных свойств чума к ландшафтам открытых тундр, терморегулятивных его возможностей и приспособленности к кочевому образу жизни дано Н. Гариним.¹⁹

Несмотря на очевидность адаптивно-экологической составляющей в развитии чума, этноспецифические разновидности конического жилища типа чума, само их наличие в разных ландшафтных зонах позволяют оценивать такую разновидность жилища, если говорить о чуме оленеводов тундр, как пример вторичной адаптации. В связи с этим генетически более значимой, очевидно, является хозяйственная функция чума, надежным подтверждением чему служит исследование З.П. Соколовой, в котором она обратилась к анализу соотношения хозяйственно-культурных типов и характера поселений обских угров.

Следует отметить, что обские угры, пожалуй, единственная в Сибири культурная общность, у которой зафиксировано наибольшее количество конструктивных типов построек. В частности, Н.В. Лукина выделяет у манси около 15, а у хантов — более 20 типов построек, и в обоих случаях отмечен чум. Исходя из того, что хозяйство влияет на характер оседлости, а тип поселения — на конструкцию жилища, у обских угров З.П. Соколова выделяет пять типов расселения с соответствующими особенностями поселений:

– кочевые стойбища с переносными жилищами кочевых оленеводов (низовья Оби и ее притоков);

– постоянные зимние поселения оленеводов в сочетании с летними кочевыми и переносными летними жилищами (Сев. Сосьва, Лозьва, Казым, Вогулка, Нижняя Обь);

– постоянные зимние поселения охотников и рыболовов в сочетании с временными и сезонными селениями с переносными или сезонными жилищами (Верхняя Сосьва, Лозьва);

– постоянные зимние селения рыболовов в сочетании с сезонными весенними, летними и осенними (притоки Оби);

— постоянные поселения рыболовов и охотников (при наличии земледелия и животноводства) в сочетании с промысловыми избушками (Обь, Иртыш, Конда).

Эта схема дает наглядное представление о функции чума в угорской культуре. С одной стороны, чум — элемент оленеводческой культуры, образующий кочевое стойбище оленеводов тундры и лесотундры. При отгонном оленеводстве Приуральяского региона он является основным типом летнего жилища при летнем выпасе оленей. С другой стороны, в иных системах расселения, даже несмотря на то, что они могут иметь в качестве хозяйственной составляющей транспортное оленеводство, чум функционально связан с весенне-осенним производственным циклом — рыболовством, которое требует изменения мест обитания в зависимости от хода рыбы, состояния уровня воды, технологии рыбодобычи и т.п.²⁰

Данные факты позволяют утверждать, что функционально чум, по крайней мере у обских угров, с оленеводством жестко не связан. Сходную точку зрения, но на основании конструктивных особенностей западносибирского чума, высказывает и Н.В. Лукина.²¹

Тем не менее вопрос о генезисе угорского чума остается открытым. Везде, начиная с классического описания чума В.Н. Чернецовым,²² продолжая исследованием места чума в генезисе культур народов Западной Сибири²³ и до новейшей историографии,²⁴ присутствует тезис о заимствовании уграми чума от северных самодийцев, что заставляет нас еще раз обратиться к этой проблеме.

Территориальный аспект. Чум известен во всех локальных культурных традициях на уровне этнографических и большинства территориальных групп обских угров.²⁵ Он характерен для северных и западных манси.²⁶ В современной схеме культурных ареалов хантов чум отмечен в Нижнеобском (Обдорско-Казымском) и Аганско-Васюганском этнографических ареалах; в Прииртышском, Кодском и Юганско-Пимском ареалах он отсутствует.²⁷ Противоречива картина распространения чума в пределах восточнохантыйского региона. Так, он описан у хантов Агана²⁸ и Ваха.²⁹ Авторы монографии о восточных хантах указывают, что свидетельства о «существовании чума у васюганских и александровских хантов неопределенны», и объясняют имеющиеся упоминания об этом влиянием пришлого населения — юганскими хантами и эвенками.³⁰ Е.Г. Федорова отмечает, что «у юганских хантов чума не было, они утверждают, что это жилище пимских хантов».³¹ Таким образом, территория распространения чума

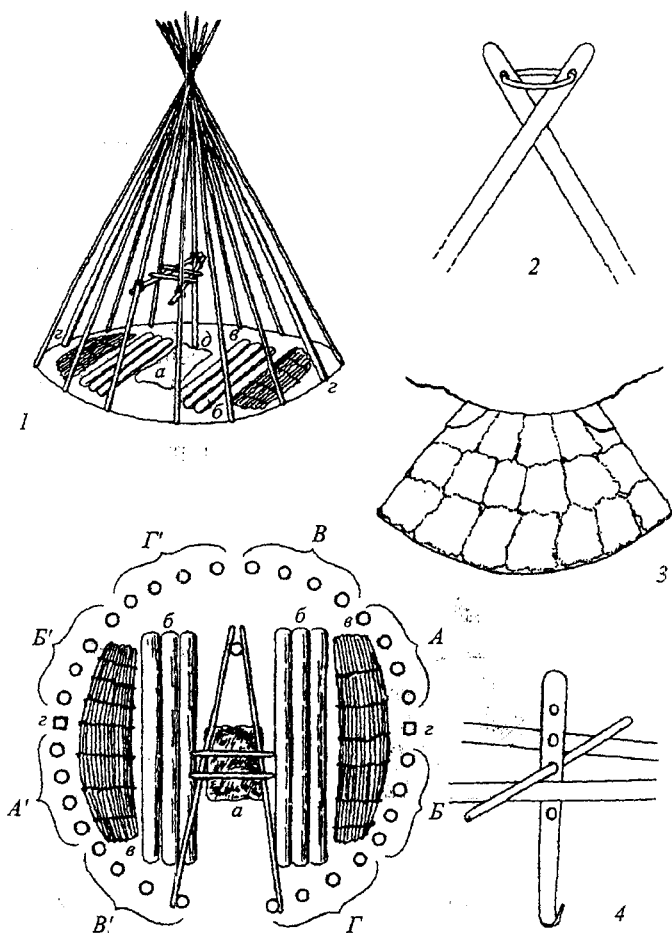

Рис. 6. Чум тундровых ненцев:

1 – вид сбоку и сверху (*a* – металлический лист для очага, *б* – доски пола, *в* – циновки из ивовых прутьев, *г* – основные шесты чума, *д* – *симса*); 2 – соединение основных шестов; 3 – *нюк*; 4 – надочажное устройство.

(Хомич Л.В. Ненцы. СПб., 1995)

у хантов в Сургутском Приобье ограничена правобережьем, в связи с чем он известен не всем территориальным группам хантов.

Типологический аспект. Как отмечалось выше, существует ряд типологических схем, устанавливающих, во-первых, конструктивные

особенности чума в ряду прочих построек (каркасный, конусовидной формы), во-вторых, вариативность конструктивных приемов, позволяющих выделять региональные типы чума, которые с самых ранних классификаций стали определяться как этноспецифические. Так, А.А. Попов отметил, что «несмотря на общее сходство, конструкция конического шалаша имела в деталях некоторые различия, которые дали возможность связать разновидности этих шалашей с определенными этническими группами». А.А. Попов предложил оценивать конструктивные особенности скрепления вершущек основных шестов и устройства для подвешивания очажных крюков. На основании этих признаков он выделил семь типов чума — ненецкий (рис. 6), тазовских селькупов, нганасанско-энецкий, кетский (рис. 7), южнотюркский, тувинский и тунгусский.³²

Используя этот подход, З.П. Соколова разработала типологию угорского чума, в которой выделила два его варианта.

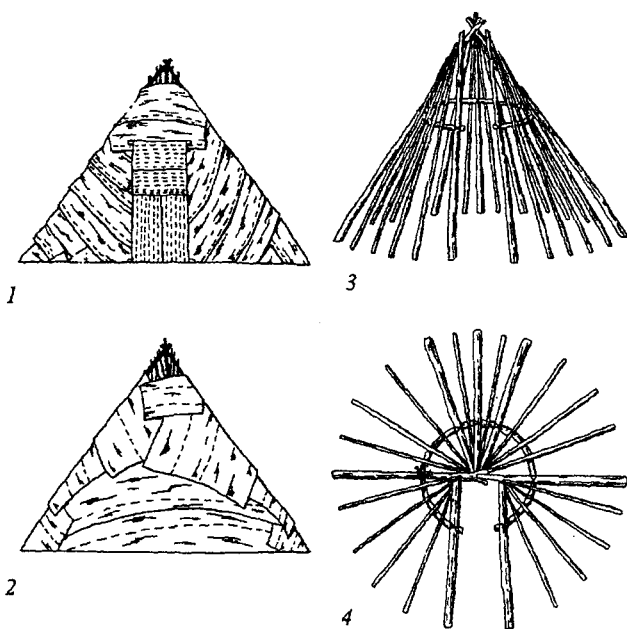

Рис. 7. Кетский чум:

1 — вид спереди, 2 — вид сзади, 3, 4 — основа чума.

(Алексеев Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967)

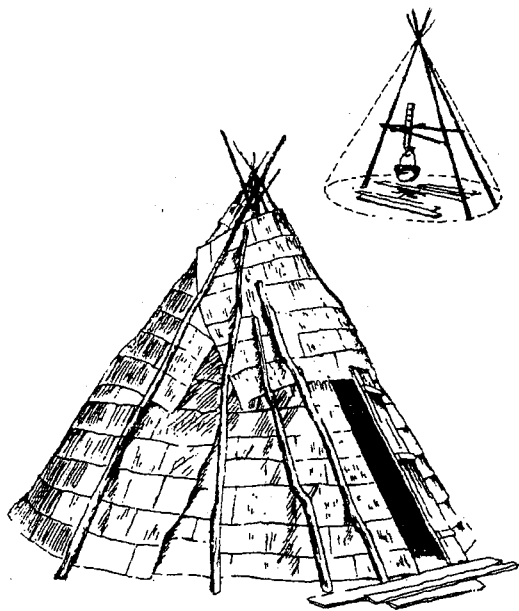

Рис. 8. Чум северных хантов (сынские ханты).
(Саар Э.А. Современный чум северных хантов // Жилище народов Западной Сибири. Томск, 1991)

1. «Чум, сооружаемый хантами и манси, оленеводами северных областей, который не отличается от ненецкого»³³ (рис. 8). Характерно, что при описании его устройства З.П. Соколова использовала материалы ямальской экспедиции к ненцам В.Н. Чернецова, на основании которых и была подготовлена статья «Чум». Существенным в данном случае является определение территории распространения «ненецкого» чума. Это Северный Урал вплоть до Чердыни, Сосьва с притоками, Нижняя Обь, Казым, Аган, Юган, Торм-Юган, Пим.³⁴

2. «Южный вариант» (относительно ненецкого? — В.К.), который обозначен как «угорский чум».³⁵ Его конструктивные особенности варьируют: одна из основных жердей имеет развилку; покрытие тисками, сырой несшитой берестой, войлоком, сукном, кедровой корой, дверь дощатая, берестяная, холщовая; отмечены особенности устройства очага. Территориальное распространение данного типа чума дискретное — Сосьва, Лозьва, Конда, Сыня, Куноват, Казым, Аган, Вах.

Он использовался как временное летнее жилище. На востоке территории расселения обских угров отмечено распространение «кетского» варианта чума с обручем.³⁶

Таким образом, становится очевидным, что в культуре обских угров представлено несколько вариантов чума. Судя по итогам исследования З.П. Соколовой, понятие «угорский чум» использовано ею в связи с наличием у угров чума, конструктивно отличающегося от ненецкого, признаки которого не соответствуют ни одному типу чума, выделенному в общих классификациях сибирского жилища.

В новейшей типологии жилища народов Сибири, которая также разработана З.П. Соколовой, понятие «угорский чум» отсутствует. Применительно к территории Западной Сибири выделены: «самодийский тип чума» (ненцы, энцы, нганасаны, селькупы, ханты, манси, коми-ижемцы), «кетский чум» (наряду с кетами известен ваховским хантам и селькупам), в способах соединения основных шестов «тувинского чума» наблюдается сходство с «кетским». Функциональное значение чума как единственного типа жилища оленеводов тундры, охотников лесотундры и сезонного (весенне-летне-осеннего) таежных охотников и рыболовов соответствует выше приведенным оценкам.³⁷ З.П. Соколова не оставляет без внимания разновидности легких каркасных конических построек, особенности конструкции которых выходят за рамки выделенных ею типов. Такие постройки (с неустоявшимися способами крепления опорных шестов, различием в материалах покрытия, чаще всего ситуационного характера их использования) она выделяет в «таежный тип» и отмечает его распространение среди хантов, манси, селькупов и кетов.³⁸

Приведенные выше схемы акцентируют внимание на вопросе генезиса жилища типа чума в культуре народов Западной Сибири.

Генетический аспект. Вначале обратимся к истории кетского чума, который в данном регионе занимает обособленное типологическое положение. Наряду с землянкой он является основным типом жилища и распространен у всех групп кетов.³⁹ Чум кетов очень подробно описан, что освобождает нас от необходимости останавливаться на этом вопросе.⁴⁰ Более существенным является генетический аспект, на который и обращает внимание Е.А. Алексеенко в связи с конструктивными соответствиями (характер соединения основных шестов) кетского чума чуму селькупов, обских угров, народов Южной Сибири — алтайцев, тувинцев, шорцев, туболяр. Наряду с конструктивными соответствиями южносибирским коническим постройкам отмечены и терминологические параллели.⁴¹ Впоследствии в связи с

разработкой на примере жилища проблемы компонентного состава кетской культуры Е.А. Алексеенко высказывает предположение о том, что «этнографический и терминологический материал позволяет утверждать, что чум был известен предкам енисейцев до землянки»,⁴² которую исследовательница связывает с аборигенным рыболовецким комплексом речных долин Западной Сибири,⁴³ он восходит к южно-сибирскому компоненту в кетской культуре.

Здесь весьма важным является утверждение Е.А. Алексеенко, на которое при анализе ее концепции никогда не обращается внимание. Отметив конструктивные и терминологические соответствия кетского чума южносибирскому, она оценивает эти факты как пример *тюркско-го влияния* (курсив наш. — В.К.), непосредственно не связывая генезис чума с тюркской средой.⁴⁴ З.П. Соколова разделяет взгляды Е.А. Алексеенко и считает, что чум кетов имеет южные черты: «обручи кетского чума, вероятно, связаны своим происхождением с обручами южно-тюркских и тувинских конических и цилиндрических жилищ».⁴⁵

Вероятно, здесь следует сделать некоторые уточнения, касающиеся обручей, скрепляющих основные жерди. Они всегда рассматриваются как атрибут конструкции южносибирского чума.

Во-первых, их нет в чуме «тувинско-оленоводческом», «тувинско-тоджинском скотоводческом» и в одном из вариантов «западно-тувинского с перекрещивающимися жердями». Они есть только в «западно-тувинском с жердями, вставленными в верхней части в обруч», но это «обруч (хараага) светодымового устройства юрты».⁴⁶ Обруч есть только в «тюркском» чуме (по З. П. Соколовой).⁴⁷ Данный факт, на наш взгляд, является дополнительным подтверждением гипотезы С.И. Вайнштейна о тунгусских корнях чума тувинцев, которую мы приводили выше. Можно отметить и территориальное соседство южносибирских енисейцев с тувинцами и тунгусами в верховьях Енисея.

Во-вторых, имеют значение отличия в количестве обручей (кетский — 1, тюркский — 2), а также в их расположении на каркасе. В тюркском чуме они всегда крепятся *поверх* основных шестов. Деревянный обруч мог располагаться даже поверх крыши многоугольного срубного жилища.⁴⁸ В кетском чуме обруч зачастую был составной и крепился всегда *изнутри* каркаса на высоте по середине длины основных жердей (рис. 6). На него опирались дополнительные жерди, которые соответственно были короче основных и не доходили до места их соединения вверху.⁴⁹ Таким образом, в кетском чуме можно отметить принципиально отличную от тюркского функцию опорного кольца. Составные обручи, по нашим полевым материалам, характер-

ны для селькупского и северохантыйского чума (сынско-куноватские ханты). Полагаем, что эти факты позволяют обратить внимание на мнение Н.В. Лукиной о том, что «общность традиций в культуре ваховских хантов, нарымских селькупов и кетов обусловлена общими региональными явлениями древнего происхождения», часть которых она связывает с Саяно-Алтайским нагорьем.⁵⁰ В связи с этим отпадает необходимость рассматривать кетский чум как производный от тюркского. С равной долей уверенности можно говорить, что и тот и другой восходят к древней региональной промысловой культуре, охватывающей в прошлом обширные районы тайги Западной и Южной Сибири, а возможно, и более восточных территорий. В частности, А.А. Попов отмечал, что в «шалаше» верхнеколымских юкагиров «верхние концы шестов связывали корой или кольцом из ивового прута».⁵¹

В качестве гипотезы хотелось бы предложить схему развития способа соединения основных шестов чума: принципа соединения в раму шестов таежной стационарной постройки типа «голомо» через таежный (кетский?) тип чума как сезонного жилища, в котором шесты соединяются составным деревянным обручем (анalogии такого соединения встречаются не только в чуме народов Западной Сибири, но и в «чуме-тордохе» северных якутов-оленоводо), к ременному кольцу ненецкого чума. Это позволяет рассматривать генезис западносибирского чума в связи с историей таежных культур Западной Сибири, что вполне согласуется с приведенным выше мнением Н.В. Лукиной (без обязательного, на наш взгляд, упоминания конкретных этнонимов) и ставит под сомнение наличие в нем «саяно-алтайского» компонента. Этой же схемой можно аргументировать позицию, согласно которой формирование отдельных конструктивных элементов ненецкого и энецко-нганасанского вариантов самодийского чума происходило относительно независимо. Так, последний мог сохранить признаки, свойственные жилищу охотников на дикого оленя, а ненецкий — синтезировать таежную западносибирскую основу — принцип соединения в кольцо главных шестов, частично модифицировав ее в организации очага на основе дополнительного шеста — «симсы», а также материала и конструкции покрытия «нюками», что вполне можно оценивать в качестве тундровой составляющей.

Наряду с этим не следует исключать возможность и более позднего распространения в Западной Сибири элементов кетского чума. В частности, данное утверждение вполне согласуется с процессами этнокультурного взаимодействия на Туруханском Севере. Выделенный для этого региона Е.А. Алексеенко общий для селькупов, эвенков

и кетов межэтнический культурный комплекс, связанный с пешей охотой и рыболовецким хозяйством, включает в себя и чум. Доминированию «кетского» чума в этом районе способствовало то, что «кетский компонент в верховьях Таза составляли женщины, вошедшие женами в селькупские и реже в эвенкийские семьи».⁵² Культурная связь женщины с чумом в ненецкой культуре показана А.В. Голловневым. Он отметил, что в ненецкой традиции чум без женщины-хозяйки немислим, и фактически «ненец живет в чуме своей жены». Вероятно, этим же обстоятельством можно объяснить то, что во всех селькупских чумах, которые мы наблюдали в верховьях Таза и в которых хозяйками были кетки, встречается обруч, соединяющий основные шесты. Вместе с тем не следует исключать и северосамодийские истоки селькупского чума. По одному из свидетельств, селькупы пришли на Таз, не зная ни оленеводства, ни чума.⁵³ С ненецко-энецким влиянием связывает появление чума у селькупов С.В. Лезова.⁵⁴

Таким образом, обращение к истории западносибирского чума позволяет утверждать, что собственно с оленеводческой культурой в генетическом плане его связывать особых оснований нет. Более того, наличие нескольких конструктивных типов чума при универсальности принципа технологического решения — соединения в одной точке нескольких жердей, расставленных по окружности, позволяет современным исследователям говорить о независимом, конвергентном происхождении типов чумов.⁵⁵

В современной историографии наиболее детальное исследование конструктивных особенностей чума народов Западной Сибири принадлежит Н.В. Лукиной.⁵⁶ Несомненным достоинством ее методического подхода является то, что автор отказалась от «давления» на материал типологической заданности, имеющей этническую нагрузку. В изложении и анализе этнографического материала Н.В. Лукина опирается на формальную классификацию жилища народов Западной Сибири по двум переменным: конструкции несущей части и формы основания. По этим критериям чум определяется как «коническое, каркасное наземное жилище».⁵⁷

Относительно выводов Н.В. Лукиной об истории чума у народов Западной Сибири хотелось бы отметить следующее.

В языке каждого народа для жилища существует свое понятие, что предполагает возможность независимого развития различных конструктивных типов чума:⁵⁸ это очевидный факт. Но обращает на себя внимание следующая закономерность: если у северных самодийцев (*мя*, *ма*), кетов (*кус*), эвенков (*джу*, *дю*) для обозначения чума

используется слово, которое трактуется как «жилище вообще» (такие односложные слова представляют собой более древние языковые факты), то у обских угров и селькупов это производные, инкорпорированные термины. Они содержат в качестве формантов уточнения, характеризующие собственно чум. *Тонтихот* — «берестяной дом», *нюкихот* — дом покрытый нюками (сев. ханты), *пуркат* — «острый дом», а в связи с материалом покрытия он получает названия *тунтокат*, *нюркат*, *нюкикот* (вост. ханты), *той мот* — «летний дом», *кой мот* — «зимний дом» (тазовские селькупы). Среди северных групп обских угров распространено еще одно весьма красноречивое определение чума: *ёрнхот*, *ёрнколь* — «ненецкий дом». За исключением последнего случая, где есть прямое указание культуры на истоки североугорского чума, прочие определители можно трактовать и как факт одновременного сосуществования чума с другими типами жилища у восточных хантов и селькупов, и как позднее появление в их культуре, поскольку инкорпорированный принцип словообразования свидетельствует о недавнем сложении таких понятий. На наш взгляд, здесь уместно привести параллели с названием кетской землянки *бангусь* — «земляной дом». Оно явно производно от названия чума, а сама землянка вторична в кетской культуре, поскольку связывается с аборигенным компонентом.⁵⁹

Принципиальное значение имеют два весьма точных наблюдения Н.В. Лукиной.

Во-первых, специальный технологический прием — «просверливание отверстий в шестах — отмечен у самодийцев и, очевидно, изобретен ими». ⁶⁰ Действительно, отверстия, через которые пропущено ременное кольцо, есть в двух основных шестах ненецкого чума, несколько отверстий делается на одном из основных шестов энецко-нганасанского чума, в селькупском, в отверстие на одном шесте продето ременное кольцо. Этот признак очень точно фиксирует специфику самодийского чума сравнительно с прочими вариантами, распространенными в таежной зоне Западной Сибири. В данном случае используется пазовый принцип соединения деталей конструкции (особенно энецко-нганасанский вариант), который свойственен и нартенному транспорту самодийского типа.

Во-вторых, закономерен вывод о том, что существующее в угорских языках слово *ёрн-сас* — «ненецкая береста», следует трактовать как «береста для ненцев». ⁶¹ Даже если учитывать, что и для ненцев характерно изготовление тисок (в частности, Л.В. Хомич отмечает, что «ненецкие женщины весьма искусны в изготовлении таких по-

крышек)),⁶² в данном понятии весьма точно отражена практика обмена между таежной и тундровой культурами. Она связана с регулярностью территориальных контактов в зимний период хантов, ненцев и коми-ижемцев в верховьях рек Полуя, Надыма, Казыма и Куновата. Как указывает А.М. Сязи, «в районах контактов организовывалась меновая торговля: мех, готовая одежда, мясо, служили эквивалентами для рыбных продуктов, изделий из дерева (нарт, лодок, лыж и т.д.), бересты, осоки».⁶³

Повсеместное распространение в таежной зоне Сибири сходной технологии обработки бересты и изготовления тисок возводит их к таежным вариантам чума. Можно отметить и то, что в таежных культурах вываренная береста использовалась для изготовления лодок-берестянок⁶⁴ и только в виде исключения — при изготовлении утвари.⁶⁵

На наш взгляд, сомнение Н.В. Лукиной в генетической связи самодийского чума с культурой южносибирских самодийцев-оленоводо-справедливо. Между тем с учетом предложенной гипотезы эволюции чума в Западной Сибири от таежного варианта к тундровому сложно согласиться с ее схемой генезиса самодийского чума и прежде всего с тем положением, что как единый тип он не существует. Так, еще раз хотелось бы обратить внимание на единство терминологии для обозначения чума и некоторых его конструктивных элементов в ряде самодийских языков.⁶⁶ Это можно объяснить тем, что название жилища входит в основной словарный фонд языковой общности. Следовательно, чум можно рассматривать в качестве субстратного явления в культуре самодийцев, а у современных оленоводов тундр чум — единственное жилище. При наличии в культуре жилищ других типов они обозначаются понятиями, производными от основного. Выше мы приводили примеры формирования таких понятий. Их круг можно расширять и далее, например: *той мот* — летний чум, *чумогль мот* — земляной дом/землянка у селькупов,⁶⁷ *хырга сырга дие* — нартенный чум у долган.⁶⁸ Интерпретация этих фактов была приведена выше.

Вместе с тем можно отметить некоторые соответствия в основе конструкции чума у всех самодийских народов, а те отличия, которые фиксируются, на наш взгляд, вполне объяснимы именно функциональностью. В частности, ненецкий чум более мобилен, что ведет к упрощению его конструкции по сравнению с энецко-нганасанским. Естественно, что от такой постройки не следует ожидать капитальности, так как в течение недели она порой трижды меняет место стоянки, например, мы это наблюдали летом 1984 г. в Ямальских тундрах (р. Сеяха).

Проблему генезиса самодийского чума Н.В. Лукина рассматривает прослеживая взаимосвязь ненецкого и обско-угорского чума, однако отмечает, что вариативность конструкции последнего «не позволяет, с нашей точки зрения, выделять собственно угорский тип чума, хотя это определение существует в литературе». ⁶⁹

Наличие в североугорском чуме самодийского комплекса надочажного устройства Н.В. Лукина объясняет фактом заимствования северными уграми ненецкого чума. Но считает, что сам ненецкий чум сформировался под влиянием конструкции более простого полуконического сооружения восточных хантов. ⁷⁰

На наш взгляд, связывать общее, хотя и вариативное для Западной Сибири явление с локальной культурной традицией едва ли оправданно. Прежде всего это касается статуса восточной этнографической группы хантыйского этноса. В свое время З.П. Соколова, ссылаясь на недостаточную археологическую исследованность региона, отметила многокомпонентный (кетско-селькупско-угорский) состав ваховско-васюганских хантов и высказала мнение о позднем их формировании. ⁷¹ Е.П. Мартынова считает, что Аганско-Васюганский этнографический ареал хантов стал собственно хантыйским в XVII–XVIII вв. ⁷² В настоящее время таежное Приобье достаточно хорошо изучено археологически, однако, несмотря на предположение З.П. Соколовой о том, что «изучение археологических культур на этой территории, соответствующей этой общности (восточным хантам. — В.К.), позволит говорить об этом конкретно, а не гипотетически», ⁷³ проблема остается нерешенной. Суть ее состоит в возможности этнической идентификации выделяемых археологических культур. Так, В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина в оценке древности культуры восточных хантов предпочитают ориентироваться на схему В.И. Молодина, согласно которой и кулайцы, и релкинцы формируют ту традицию, которая и составила основание угорской культуры: «археологические материалы дают основание предполагать, что предки хантов издревле жили на большей части занимаемой ими ныне территории». ⁷⁴ В этнокультурной идентификации кулайцев большинство исследователей придерживается иного взгляда. В частности, В.И. Васильев обратил внимание на то, что от изначальной неопределенности интерпретации кулайцев как самодийско-угорской и даже самодийско-угорско-кетской общности все большее число исследователей склоняется к точке зрения «о принадлежности кулайцев к самодийскому этносу». ⁷⁵ Наиболее последовательно самодийскую основу кулайцев определяет Л.А. Чиндина, которая также обосновала праселькупский облик рел-

кинской культуры, генетически связанной с кулайской.⁷⁶ М.Ф. Косарев считает, «что самодийцы как таковые составляли большинство кулайского населения», допуская, однако, «что в разных частях кулайского ареала помимо самодийского могли употребляться угорский (на западе?) и древнететский (на востоке?) языки».⁷⁷ Сложение же современных этносов он относит к раннесредневековому периоду, когда основой формирования манси послужила андрюшинская культура: северных хантов — оронтурская, южных хантов — потчевашская, селькупов — релкинская. И только в позднезеленчукское время продвижение северохантыйских групп (оронтурцы и кинтусовцы) в Сургутское Приобье и далее на юг привело к формированию восточных хантов.⁷⁸ З.П. Соколова, характеризуя обско-угорский феномен, указывает: «...не касаясь проблемы большего сходства культуры северных угорских групп с самодийскими (особенно с ненцами) и восточных — с селькупами и кетами (соседними, вероятно, сформировавшимися позднее, чем обско-угорская общность), отметим, что оно может быть не только позднего, но и более раннего этногенетического происхождения. У северных групп обских угров ярче, чем у восточных, проявляются южные, угорские черты, у восточных хантов — аборигенные или северосибирские».⁷⁹ В последнем случае речь идет не о некоем древнем восточнохантыйском культурном комплексе, а об адаптации частью угорского населения элементов аборигенной таежной промысловой традиции.

В такой историографической ситуации уместнее оперировать не этническими, а культурными определителями сред, в которых формировался чум. Учитывая наличие региональных особенностей западно-сибирского чума, это могла быть охотничье-рыболовецкая таежная культура. Можно предположить, что чум имел конструктивные особенности, соответствующие таежному варианту — соединение основных шестов в естественную развилку, очажное устройство в виде колнчатого тагана, покрытие из невываренной и несшитой бересты. Вероятно, в прошлой культурной традиции чум был менее универсален и не доминировал над иными разновидностями легких временных каркасных построек.

Здесь еще раз следует подчеркнуть отсутствие генетической связи чума с оленеводством, поскольку в тайге Западной Сибири не фиксируются какие-либо факты древнего оленеводства. В частности, в настоящее время древность оленеводства в Западной Сибири устанавливается на основании археозоологических (остеологических) материалов. Имеющиеся факты относятся либо к позднему времени,⁸⁰

причем костные останки оленей с территории могильников казымских хантов, судя по половым и возрастным их особенностям, явно принадлежат ездовым оленям, что вполне согласуется с современными данными по погребальному обряду обских угров, либо установить принадлежность костных остатков именно домашней форме не удастся. Тем не менее со ссылкой на распространение оленеводства в культуре современных народов тайги Западной Сибири делается недостаточно аргументированный вывод о существовании здесь транспортно-го оленеводства на рубеже первого – второго тысячелетия н.э.⁸¹ Интерпретация некоторых артефактов из археологических памятников X–XII вв. н. э. таежной зоны Западной Сибири также вызывает сомнения. В частности, гравировка на металлической пластинке, обнаруженной в одном из погребений Барсова городка, интерпретируется как изображение двух всадников верхом на олене. Между тем совершенно очевидно, что животное, изображенное на этой пластине с длинным хвостом и гривой, напоминает коня с султановидным убранством на лбу. Данный факт, на наш взгляд, не подтверждает вывода о том, «что имевшие многовековые навыки в коневодстве, обские угры приняли непосредственное участие в формировании таежного оленеводства».⁸² При отсутствии прямых свидетельств в пользу следов раннего оленеводства в тайге Западной Сибири наше предположение о неоленоводческой природе западносибирского чума вполне вероятно.

Здесь следует еще раз вернуться к замечанию В.И. Васильева о том, что чум северных самодийцев приобрел оленеводческие черты в условиях тундры в связи с развитием домашнего оленеводства.⁸³ Его формирование З.П. Соколова соотносит с западносибирско-таймырской культурной областью. С енисейской культурной областью генетически связан кетский тип чума.⁸⁴

Современное положение чума в культуре народов Западной Сибири определяется скорее оленеводством. И, вероятно, интересное наблюдение Е.Г. Федоровой может быть дополнено. Она отмечает, что «если сопоставить ареал нарты самодийского типа с территорией, на которой олений мех является основным материалом для шитья зимней одежды, широко используется при изготовлении других деталей костюма, то обнаруживается их полное совпадение».⁸⁵ Этому ареалу полностью соответствует территория распространения чума. Причем если связь домашний олень — транспорт — шкуры для изготовления одежды вполне очевидна, то в распространении оленеводческого жилища — чума, вероятно, лежали другие основания.

Северным группам обских угров и селькупов присуще непосредственное распространение ненецкого чума, обеспечивающего потребности хозяйств оленеводческого профиля. З.П. Соколова справедливо утверждает, что чум самодийского типа у обских угров полностью вытеснил остальные формы легких каркасных построек.⁸⁶ Южнее не самодийский тип, а таежные его варианты под влиянием оленеводческой культуры обрели большую универсальность, замещая различные типы каркасных построек и становясь практически единственной разновидностью временного сезонного жилища в соответствии со стандартным набором элементов оленеводческой культуры жизнеобеспечения: оленин транспорт — чум — глухая одежда типа малицы.

Примечания

¹ Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1995. С. 86.

² Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров Екатеринбург, 1995. С. 206.

³ Хомич Л.В. Ненцы. С. 271.

⁴ Долгих Т.Б. Традиционное жилище лесных ненцев бассейна р.Пур // СЭ. 1971. №4. С.102–103.

⁵ Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976. С. 152–167.

⁶ Там же. С. 153, 161–167.

⁷ Васильев В.И. 1) Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 68; 2) Экологический фактор и некоторые проблемы культуругенеза северных самодийцев // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 101–102.

⁸ Васильев В.И. Экологический фактор ... С. 102.

⁹ Гарин Н. Чум // Северные просторы. 1991. № 37. С. 30.

¹⁰ Чиндина Л.А. 1) Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984; 2) Этнокультурные процессы в Приобье в эпоху железа // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т. I. С. 131–133; Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991. С. 21–24.

¹¹ Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991. С. 41.

¹² Там же. С. 43.

¹³ Цит. по: Соколова З.П. Жилище народов Сибири (Опыт типологии). М., 1998. С. 144–145.

¹⁴ Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 131.

¹⁵ Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Т. I. Поселения и жилища. Кн. II. Томск, 1994. С. 32–35.

¹⁶ Соколова З.П. Жилище народов Сибири. С. 189.

¹⁷ Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Экология и типы традиционного сельского жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С. 36, 63.

¹⁸ Соколова З.П. Адаптивные свойства культуры народов Севера // СЭ. 1991. № 4. С. 11–12.

¹⁹ Гарин Н. Чум. С. 24–30.

²⁰ Соколова З.П. Хозяйственно-культурные типы и поселения обских угров // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. VII. Обские угры (ханты и манси). М., 1991. С. 45–61.

²¹ Очерки культурогенеза... С. 51.

²² Чернецов В.Н. Чум // СЭ. 1936. № 6. С. 85–92.

²³ Хомич Л.В. Об иноэтнических элементах в традиционной культуре ненцев // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984. С. 14–29.

²⁴ Федорова Е.Г. О возможных путях становления обско-угорского оленеводства // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1995. С. 197.

²⁵ Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // Сибирский этнографический сборник. № 5. ТИЭ. 1963. Т. 84. Карта 1, с. 182.

²⁶ Федорова Е.Г. К вопросу о выявлении комплексов элементов в культуре обских угров // Этнос и этнические процессы. Памяти Р.Ф. Итса. М., 1993. М., 1998. С. 129; Новикова Н.И., Федорова Е.Г. Поездка к ивдельским манси // Материалы к серии ... С. 135.

²⁷ Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 118–119, 188–189.

²⁸ Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Титаренко Е.М. Ханты р. Аган. (По материалам экспедиции 1972 г.) // Из истории Сибири. Вып. 16. Томск, 1975. С. 151–152.

²⁹ Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв. Этнографические очерки. Томск, 1977. С. 71–72.

³⁰ Там же. С. 71.

³¹ Федорова Е.Г. О возможных путях становления обско-угорского оленеводства. С. 197.

³² Историко-этнографический атлас Сибири. С. 155.

³³ Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров. С. 188.

³⁴ Там же. С. 189.

³⁵ Там же. С. 194.

³⁶ Соколова З.П. Жилище народов Сибири. С. 156–157.

³⁷ Там же. С. 194, Рис. 1. С. 182.

³⁸ Там же. С. 158, 189.

³⁹ Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967. С. 80–81.

⁴⁰ Алексеенко Е.А. Кеты. С. 81–89; Вайнштейн С.И. Чум подкаменнотунгусских кетов // КСИЭ. 1954. Т. XXI. С. 39–43.

⁴¹ Алексеевко Е.А. Кеты. С. 88–89.

⁴² Алексеевко Е.А. Южносибирские элементы в культуре кетов. М., 1973. С. 11.

⁴³ Алексеевко Е.А. Этническое и культурное взаимодействие кетов и обских угров // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 108–109.

⁴⁴ Алексеевко Е.А. Южносибирские элементы в культуре кетов. С. 11.

⁴⁵ Соколова З.П. Жилище народов Сибири. С. 200.

⁴⁶ Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. С. 19–23.

⁴⁷ Историко-этнографический атлас. С.144; Тихонов С.Н. Традиционное жилище алтайцев // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 56–60; Тошакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 81–84; Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVIII — первой четверти XX в. Историко-этнографическое исследование. Кн. 2. М., 1993. С. 111–112; Кимеев В.М. Шорцы. Кто они? Кемерово, 1989. С.80.

⁴⁸ Народы Сибири. М.; Л., 1956. Рис. на с. 240.

⁴⁹ Алексеевко Е.А. Кеты. С. 83; Вайнштейн С.И. Чум подкаменно-тунгусских кетов. С. 39.

⁵⁰ Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск, 1985. С. 282.

⁵¹ Историко-этнографический атлас. С. 139.

⁵² Алексеевко Е.А. Этническое взаимодействие коренного населения Туруханского Севера и Верхнего Таза // Народы и языки Сибири. Арсальные исследования. М., 1978. С. 34–35.

⁵³ Головнев А.В. Говорящие культуры. С. 136.

⁵⁴ Лезова С.В. К истории жилища северных селькупов // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988.

⁵⁵ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири С. 44; Соколова З.П. Жилище народов Сибири. С. 200.

⁵⁶ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири С. 42–54.

⁵⁷ Там же. С. 40.

⁵⁸ Там же. С. 42.

⁵⁹ Алексеевко Е.А. Южносибирские элементы в культуре кетов. С. 11.

⁶⁰ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. С. 44.

⁶¹ Там же. С. 45.

⁶² Хомич Л.В. Ненцы. С. 90.

⁶³ Сязи А.М. Взаимодействие культур в Куноватском Приобье // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск — Уфа, 1997. С. 137.

⁶⁴ Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVI — нач. XX вв.). Л., 1969. С. 195.

⁶⁵ Федорова Е.Г. Берестяная утварь народов Сибири. Конец XIX — первая половина XX в. // Памятники материальной культуры народов Сибири. СПб., 1994. С. 76.

⁶⁶ Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 43.

⁶⁷ Прокофьева Е.Д. Древние жилища на р. Тым и Кеть // СЭ. 1947. № 2. С. 200.

⁶⁸ Грачева Г.Н. Передвижное жилище оленеводов Севера Западной и Средней Сибири // Памятники материальной культуры народов Сибири. С. 25.

⁶⁹ Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. С. 54.

⁷⁰ Там же. С. 53.

⁷¹ Соколова З.П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 199, 207.

⁷² Мартынова Е.П. Очерки истории хантов. С. 182.

⁷³ Соколова З.П. К вопросу о формировании ... С. 199.

⁷⁴ Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Ханты: чужие на своей земле? // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 104–105.

⁷⁵ Васильев В.И. К этнической характеристике населения Западносибирской лесостепи в первые века н.э. // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. С. 77.

⁷⁶ Чиндина Л.А. 1) Древняя история Среднего Приобья ... С. 174–175; 2) История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск, 1991. С. 128, Схема 2, 129–130.

⁷⁷ Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири. С. 22.

⁷⁸ Там же. С. 26.

⁷⁹ Соколова З.П. Обско-угорский феномен (Север–Юг) // III Конгресс этнографов и антропологов России. Тез. док. М., 1999. С. 32.

⁸⁰ Косинцев П.А. Комплекс костных остатков из могильников ваховских хантов // Сибирские чтения. 1992 г. Тез. док. СПб., 1992. С. 50–51.

⁸¹ Косинцев П.А. Хозяйство средневекового населения таежной зоны Западной Сибири // Материалы IV Международного конгресса финноугроведов. Т. I. С. 44–51.

⁸² Косинцев П.А., Морозов В.М., Терехова Л.М. Млекопитающие в системе природопользования средневекового населения Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. Свердловск, 1988. С. 62. Рис. 1, фиг. 8.

⁸³ Васильев В.И. Экологический фактор. С. 101–102.

⁸⁴ Соколова З.П. Жилище народов Сибири. С. 206.

⁸⁵ Федорова Е.Г. О возможных путях становления обско-угорского оленеводства. С. 196.

⁸⁶ Соколова З.П. Жилище народов Сибири. С. 203.

МАЛИЦА В ОЛЕНЕВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В состав оленеводческой культуры народов Западной Сибири входит единый тип мужской одежды — малица. Большинство исследователей, занимающихся историей одежды народов Западной Сибири, рассматривают малицу как одежду, с одной стороны, приспособленную к арктическим условиям (глухой тип), с другой — к оленеводческому быту, связанному с длительными переездами на нарте (удлинение стана за счет нашивания вставок и панды, капюшон, пришитые рукавицы, возможно, способ ношения с напуском на груди),¹ т.е. это одежда, приспособленная к оленеводческому быту (рис. 9).

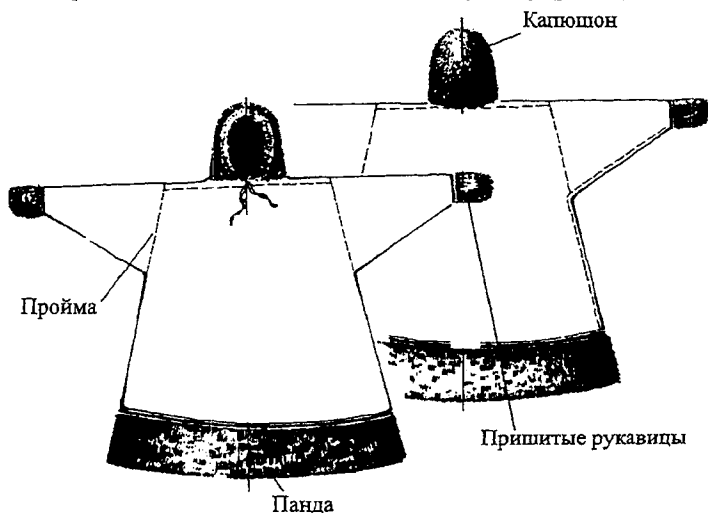

Рис. 9. Ненецкая малица.

(Гарин Н. Малица // Северные просторы. 1991. Февраль)

Тем не менее приведенной оценкой проблема не исчерпывается. В настоящее время приобрели актуальность такие вопросы, как генезис одежды глухого типа в целом и малицы в частности, историческое соотношение малицы с другими разновидностями глухой одежды у народов Западной Сибири, характер распространения малицы и ее функция в культуре народов Западной Сибири.

Одежда, как и прочие элементы культуры жизнеобеспечения, обладает повышенной функциональностью, которую принято интерпретировать с точки зрения ее соответствия как экологическим условиям, так и образу жизни конкретного этноса.² Именно это положение и выступает в качестве методического основания исследования истории глухой одежды народов Западной Сибири.

Влияние экологического фактора состоит в том, что предки всех современных народов западносибирского региона — как выходцы с более южных территорий — в прошлом имели только распашную одежду, которая на Севере была заменена глухой. Представления о характере таких замен, в зависимости от представлений об облике одежды аборигенов Арктики, могут варьироваться. В частности, Н.Ф. Прыткова считала, что исходный тип одежды самодийцев был распашным. Она рассматривала формирование ее современного облика как следствие приспособления «к местным условиям по линии удлинения и утепления ее, но наряду с ней создана была другая мужская одежда — глухая». Появление последней, по ее мнению, было связано с «новой производственной практикой — санным оленеводством, так как при тасушестве с нартой одежда должна была быть более длинной и теплой и предохранять ноги от сильного холода».³ В истории формирования ненецкой одежды Н.Ф. Прыткова выделяет три генетических слоя — старосамодийский (обернутая), угорский (туникообразная), аборигенный (глухая). Причем в сопоставлении ненецкой одежды с комплексом чукотско-корякского костюма она отмечает сходство, что, по ее мнению, является свидетельством существования «в далеком прошлом некоего общего источника происхождения этой и другой одежды, ... это одежда каких-то групп древних арктических аборигенов».⁴

В статье Н.Ф. Прытковой, подготовленной в 1965 г., но опубликованной уже посмертно в 1976 г., последнее утверждение выглядит более категорично: «следовательно, первоисточник — древняя глухая одежда — по-видимому, принадлежала предкам северо-восточных палеоазиатов и в какое-то время при встрече и общении их с предками самодийских народов была заимствована последними».⁵ Учитывая то,

что в публикации 1970 г. данное положение отсутствует, очевидно, что в приведенной цитате нашло представление о единстве элементов культуры циркумполярного субстрата, который чаще возводился к палеоазиатской традиции.⁶ Судя по имеющимся фактам, основой формирования малицы являлась распашная одежда, переконструированная по типу аборигенной (глухая, мехом внутрь). В настоящее время накоплено большое количество фактов о наличии вертикального шва спереди и даже сзади на малицах таежного населения Западной Сибири — лесных ненцев,⁷ восточных хантов,⁸ по нашим наблюдениям, у тазовских селькупов. Причем у последних вертикальный шов мог делаться и на другом типе глухой одежды — сокуе. Данный конструктивный прием рассматривается как свидетельство стадии перехода от распашной одежды к глухой.⁹ Наряду с такой оценкой признака можно отметить его ситуационную обусловленность. В частности, Н.В. Лукина пишет, что «красивой считалась малица с вертикальным швом», а наличие шва сзади мастерица объяснила «нехваткой шкур».¹⁰ У селькупов наличие шва связывалось, так же как и в предыдущем случае, с нехваткой сырья, либо с тем, что «иногда делают просто так, по желанию».

Ю.Б. Симченко считал, что глухая одежда представляет собой пример локальной адаптации, связывая ее генетически с культурой морских зверобоев. Как полагал ученый, для континентальных охотников «наиболее удобной оказывается распашная одежда с нагрудником».¹¹ Реликты такой одежды фиксируются в конструкции энецко-нганасанской парки. Г.Н. Грачева отметила наличие в оформлении одежды нганасан и энцев следов приспособления для переноски грузов.¹² По аналогичной схеме Ю.Б. Симченко считал возможным проследить генезис как чукотско-корякского, так и самодийского (малица) комплексов одежды, допуская сосуществование в одежде древних уральцев и распашных, и глухих типов.¹³

В оценке схемы Ю.Б. Симченко о происхождении глухой одежды типа малицы путем соединения распашной одежды с нагрудником заслуживает внимания точка зрения Н.В. Лукиной об «искусственности» его построения, поскольку нагрудник, как элемент костюма, у народов Западной Сибири не распространен.¹⁴ Вероятно, в обоих случаях (ненецкая малица и энецко-нганасанская парка — лу) произошла адаптация к условиям Арктики распашной одежды через ее превращение в глухую на разных конструктивных основаниях, что позволяет высказать предположение, что в качестве эталона глухой одежды не обязательно должны выступать именно арктические прототипы.

У жителей Западной Сибири встречаются разнообразные типы глухой одежды — малица, куныш, сокуй (гусь), парка. Некоторые из них, судя по современным представлениям, с тундровой культурой не связаны. В частности, это относится к парке, которая была распространена у северных хантов,¹⁵ ненцев Ямала и восточных тундр,¹⁶ северных и западных манси.¹⁷ Распашные парки были известны селькупам¹⁸ и кетам.¹⁹ У восточных хантов парка не зафиксирована. В генетическом плане ее формирование связывается с североугорской средой.²⁰

За исключением Н.Ф. Прытковой, которая ранее рассматривала парк в качестве «творчески переработанной хантами ненецкой малицы»,²¹ многие исследователи, занимающиеся историей одежды народов Западной Сибири, а впоследствии и она сама, пришли к заключению, что парка как одежда глухого покроя, сшитая из оленьих шкур, генетически может быть связана с достаточно древним пластом дооленоводческого населения Западной Сибири. Ю.Б. Симченко отмечал, что термин «парка» представляет общий корень для названия «одежды вообще» у уральских народов, как вышедших в тундру и ассимилировавших аборигенов, так и не контактирующих с ними.²² Е.Г. Федорова по особенностям конструкции парки и сокуя (мехом наружу, выкраивание затылочной части капюшона и спинки из одной шкуры) связывает происхождение парки с таежными промысловыми культурами, которым была известна одежда-скрад.²³ Это предположение подтверждается нормой орнаментирования парки по типу женского угорского саха и ненецкой паны второго типа (по Н.Ф. Прытковой), распространение которой у ненцев связывается с родами хантыйского происхождения.²⁴

Еще один вариант глухой одежды у народов Западной Сибири представлен сокуем или совиком. В различных конструктивных версиях он известен ненцам — *савак*, *соок* (тундровые), *кумшим*, *кумшин* (лесные), северным хантам — *гусь*, *кусь*, северным и западным манси — *пун кувш*, восточным хантам — *молывси* (Вах), *куныш* (Салым, Сургут), кетам — *сокуй*, селькупам — *сокуй*.²⁵ Универсальность применения этой одежды у перечисленных выше народов, например как дорожной, которая надевается поверх малицы при езде на оленях, функционально связывает ее именно с оленеводческой культурой. В то же время вопрос о генезисе совика окончательно не решен. Так, отмечаются конструктивные соответствия восточнохантыйского кумыша, ненецкого совика типа II (по Н.Ф. Прытковой) и, отчасти, нганасанско-энецкой одежды.²⁶ По особенностям кроя затылочной части

капюшона и спинки они соответствуют североугорской парке. Возможно, что именно они наследуют конструктивные особенности таежной меховой одежды уральцев.

В отличие от парки и совика, которые имеют узкую культурную функцию дорожной одежды и генетически могут быть связаны с доленеводческой культурой, малица, вероятно, формировалась именно как одежда оленеводов тундры. Е.Г. Федорова при сопоставлении кроя парки и малицы пришла к заключению о том, что они имеют разные источники происхождения.²⁷ Вместе с тем, неоднократно обращаясь к вопросу об участии угорского населения в сложении одежды из оленьих шкур, она считает такое участие вполне вероятным, особенно в отношении женских распашных шуб, формирование же мужской одежды глухого кроя она связывает не только с ненцами и обскими уграми, но и «самодийско-обско-угорским населением — охотниками на дикого оленя».²⁸ Е.Г. Федорова положительно оценивает гипотезу Н.В. Лукиной об участии предков обских угров в формировании малицы. Это касается скорее перспектив исследования,²⁵ чем его итогов. В частности, Н.В. Лукина достаточно определенно утверждает, что современный уровень накопления фактов позволяет «говорить о происхождении малицы у хантов».³⁰

Попробуем проанализировать, из чего исходит Н.В. Лукина в установлении хантыйских истоков малицы. Во-первых — из предположения Н.Ф. Прытковой о наличии в ненецкой одежде конструкции «туникообразного» кроя, который является типичным для угров. Но Н.Ф. Прыткова пишет о *глухой* одежде вообще.³¹ Во-вторых — из конструктивных соответствий ненецкой малицы типа I (по Н.Ф. Прытковой) со швами в плечах и боках стана с угорской, а последней — с распашной одеждой обских угров в целом. К числу таких соответствий она относит также «выполнение конструктивных швов с прокладкой полосок из ярких сукон», наличие у обских угров малиц с передним вертикальным швом, общности лексики угров и самодийцев в обозначении малицы.³²

Обращение к конкретным фактам, которыми оперирует Н.В. Лукина, на наш взгляд, не позволяет интерпретировать их столь однозначно.

Описание хантыйской малицы, которое приводит Н.Ф. Прыткова, нельзя признать удачным (шкуры оленей разных возрастов, надставка стана). Судя по всему, описан единичный экземпляр, который представлен в качестве типичного. Исходя из наших полевых материалов, у северных хантов распространены оба типа малицы, известные у тун-

дровых ненцев. Те же два типа отмечены и у манси, причем малица с боковыми швами у манси распространена меньше.³³

Универсальность малицы со швами в плечах и боках стана для восточных хантов не абсолютна. Аганская малица «имеет продольный шов впереди, а также швы на плечах»³⁴ (обернутый тип? — В.К.). Малица ваховских хантов имела как цельные, так и составные спинку и перед. «В боковой части в стан и рукава вшивались широкие клинья (тип II самодийской малицы по Н.Ф. Прытковой? — В.К.), но они могли и отсутствовать (тип I самодийской малицы по Н.Ф. Прытковой? — В.К.).»³⁵ Только у сургутских и салымских хантов основу малицы составляли «перед и спинка со швами на плечах и боках».³⁶ Заметим, что распашная одежда ваховских хантов, как и парки селькупов и кетов, шьются мехом наружу.

Как мы уже отмечали, передний шов на малице не является особенностью кроя именно восточнохантыйской малицы, он присутствовал на малицах лесных ненцев и селькупов. То, что такая технология, как прокладка швов в малице (подшейный олений волос, сукно), в других типах глухой одежды не применяется, объясняется необходимостью ее утепления³⁷ либо повышения эластичности швов,³⁸ что, впрочем, не исключает возможности декорирования.³⁹ Эти факты не согласуются с мнением Н.В. Лукиной о южных корнях данной традиции.

Отмеченные противоречия, на наш взгляд, не позволяют безоговорочно согласиться с предложенной гипотезой о хантыйских как единственно возможных истоках малицы.

Проблема происхождения одежды глухого типа и ее связь с оленеводческой культурой, вероятно, должна решаться не в отношении такого типа вообще, а применительно к конкретным его видам. Фактура материала и возможности его кроя (оленьи шкуры), особенности конструкции в соответствии с потребительскими свойствами (защита от холода) порождают возможность конвергенции. В этой связи весьма показательны конструктивное сходство и состав костюма северных самодийцев и северо-восточных палеоазиатов.⁴⁰ Более того, с развитием оленеводства степень такого сходства может увеличиваться.

Для населения тайги при изготовлении одежды характерен принцип комбинирования материалов. В тундровой зоне вырабатываются своеобразные стандарты: конструирование стана из целых шкур определенного качества — пыжик, неблюй, «зимняя постель»; головных уборов из пыжика либо шкуры, снятой с головы оленя; обуви и рукавиц из камуса; подошвы из «лбов» и «щетки». Эту весьма точно отмеченную стратегию развития костюма северян Е.Г. Федорова справед-

ливо связывает с развитием оленеводства и оленеводческой культуры в целом.⁴¹ Она считает, что проблема возникновения глухой одежды у тундрового населения Сибири не может быть прояснена присоединением одной из двух точек зрения, сложившихся в историографии: глухая одежда 1) входит в арктический комплекс и заимствуется предками современных народов севера Западной Сибири, 2) формируется вследствие адаптации одежды пришельцев к новым климатическим условиям. Последнее заключение базируется в том числе и на факте существования массы локальных особенностей в конструкции глухой одежды, которые могут восходить к этноспецифическим локальным традициям.⁴²

Историю комплекса мужского костюма оленеводов Западной Сибири можно рассматривать с точки зрения его функциональности. Несмотря на то, что он состоит из двух частей (малица + сокуй), можно отметить усиление свойств универсальности малицы и ограничение функций сокуя как исключительно дорожной одежды. Исходная функция малицы как нательной «внутренней» одежды («маличная рубаха») может быть зафиксирована такими ее универсальными признаками, как небольшая длина, отсутствие капюшона и рукавиц (встречаются варианты малиц без рукавиц и сокуя с рукавицами), т.е. тех деталей, которые есть у сокуя. Переход этих деталей верхней одежды (сокуя на малицу) делает ее вполне самостоятельной одеждой, адаптированной к оленеводческому быту, связанному с круглогодичной нартенной ездой.

Дополнительным подтверждением справедливости отмеченной тенденции является наличие пояса, который всегда носится на малице и позволяет, во-первых, создавать напуск на груди, в который помещаются небольшие предметы (трубка, кисет и т.п.),⁴³ аналогичный способ подпоясывания известен и чукчам,⁴⁴ и, во-вторых, трансформировать длину, особенно летней малицы, когда при пешем передвижении по мокрой тундре ее подол мог укорачиваться до середины бедра. В описаниях⁴⁵ и на изображениях малицы,⁴⁶ а также в поле, наблюдая расположение предметов на поясе, мы неоднократно обращали внимание на положение ножа — он не имеет постоянного места и может крепиться как справа, так и слева. В связи с «праворукостью» непонятно весьма частое его «неудобное» положение справа, объяснение чему мы получили от ямальских ненцев. «Мы носим нож так, потому что мы оленеводы». Действительно, из объяснений следует, что при левосторонней посадке на нарту, обязательной для самодийского типа упряжного оленеводства, при передвижении по неровной дороге,

нож может выпасть из ножен, но упадет не на землю (в случае левостороннего его крепления на поясе), а на сидение нарты. То же самое и при использовании аркана. Если он бросается не широким замахом с правого плеча, а с пояса, из-под левой руки, он может зацепиться за нож. В данном случае мы видим наглядный пример формирования особенностей именно оленеводческого костюма.

Усиление роли малицы как единой и универсальной мужской одежды можно рассматривать и с точки зрения общей стратегии истории материальной культуры кочевников, которую отличают портативность, полифункциональность, стереотипность технологических решений. Очень точно подмечено такое состояние ненецкой культуры А.В. Головневым. «Чум служит самой верхней из одежд для кочующей семьи, а одежда — маленьким чумом. Когда оленевод, слегка сгорбившись и расставив ноги, сидит на нарте, он силуэтом напоминает чум. Зимняя одежда надевается в той же последовательности, что и покрывки чума: сначала обращенная мехом внутрь малица (как *мюйко* чума), затем широкий, мехом наружу, совик-гусь (как внешний *нок ея*). Из двух слоев — внутреннего (чулки *либт*) и внешнего (пимы *пица*) — состоит и обувь. Особенно часто пользоваться одеждой вместо чума приходится мужчинам. ... Когда оленевод возвращается к своему чуму, он снимает совик-гусь, оставляет его на улице и входит в жилище уже полураздетый — в малице. В чуме мужчина снимает с себя малицу, меняет кисы на домашние *мякэця* (старые меховые пимы). Свернутый пояс с амулетами и ножами он кладет в изголовье своей постели. Ложась спать, он укрывается *мякы то'* (женской лушкой-одеялом). Таким образом, при переходе с улицы в чум он полностью меняет обличье, становясь *мякэ* (домашним, чумовым) и отдаваясь на время под покровительство женщины и очага».⁴⁷

Очевидно, такая гармоничность и функциональная сопряженность позволяют оценивать комплекс малица — сокуй как элемент оленеводческой культуры ненцев.

У других народов Западной Сибири можно отметить как региональную ограниченность данного комплекса, так и его сосуществование с другими типами одежды, на которые он оказывает влияние, а также повсеместную его связь с транспортной составляющей оленеводства тайги. Так, у манси он известен у западных и северных групп и генетически связывается с комплексом элементов культуры кочевого таежного и тундрового населения.⁴⁸ У северных хантов он имеет повсеместное распространение, причем явно доминирует, о чем свидетельствует вы-

теснение из угорского комплекса глухой одежды (малица, парка, сокуй) парки, которая замещается малицей, а также примеры ношения женщинами в качестве зимней одежды мужской малицы.⁴⁹

В восточнохантыйском регионе «глухая одежда была распространена почти исключительно на правобережных притоках Оби, а на левобережье, на Югане, встречались лишь кумыш из шкур».⁵⁰ Как отмечает Е.П. Мартынова, малица в пимско-аганском ареале выступает в качестве этнического идентификатора. В частности, юганские ханты считали ее предназначенной для езды на оленях, а также принадлежностью культуры пимских и других правобережных групп хантов.⁵¹ В восточнохантыйском регионе можно отметить принцип ненормированности применения материала, из которого шьется малица. На Пиме ее изготавливали из птичьих шкурок, простеганных тканью, либо комбинированием птичьих шкур с мехом оленя, на Вахе «особенно ценились малицы из собачьих шкур с более прочным ворсом, встречаются малицы из лебяжьих шкур».⁵²

Сходную картину состояния комплекса одежды тундровых оленеводов можно наблюдать у кетов и селькупов. Е.А. Алексеенко отмечает, что глухая одежда была известна не всем группам кетов, ее чаще покупали, а по крою и названию она не отличалась от северосамодийской.⁵³ Несмотря на то, что глухая одежда и, в частности, сокуй могли даже украшаться в соответствии с кетской традицией,⁵⁴ общая оценка роли данного комплекса в культуре кетов однозначна: «заимствование глухой одежды у самоедоязычных соседей не подлежит сомнению. Достаточно сослаться на самодийские названия этой одежды, вошедшие в кетский язык почти без изменений. Слабое распространение глухой одежды и обусловленность ее использования транспортным оленеводством свидетельствуют о позднем ее появлении у кетов в условиях Енисейского Севера».⁵⁵

Н.Ф. Приткова отметила аналогичное состояние одежды селькупов. С одной стороны, это сохранение даже в условиях Севера распашных форм, с другой — частичное изменение состава селькупского костюма под влиянием ненцев, в частности, появление сокуя как дожной одежды глухого типа.⁵⁶

Таким образом, история костюма оленеводов Западной Сибири и прежде всего комплекса глухой одежды, как и в случаях с оленьим транспортом и чумом, должна быть разделена по признакам генезиса и эволюции. С точки зрения генезиса, очевидно, особенно интересна одежда типа сокуя и угорской парки. Возможно, это достаточно древний тип, восходящий ко времени культуры охотников на дикого оле-

ня. Он формировался именно как верхняя и, вероятно, дорожная одежда. Последние утверждения вполне соответствуют представлениям о корреляции культуры охотников на дикого оленя с начальными формами транспортного оленеводства, возможно, с упряжным собаководством, которое, кроме того, является неперенным атрибутом культуры речных рыболовов — хозяйственно-культурного типа, в прошлом достаточно широко представленного в бассейне Оби.

Вероятно, несколько иначе обстояло дело с малицей. Генетически это могла быть внутренняя одежда небольшой функциональной значимости — она использовалась только в двойной зимней одежде при наличии распашного летнего костюма. Гипотезу об изначальном бытовании в Арктике, и, в частности, у древних уральцев, как глухой, так и распашной одежды в свое время предложил Ю.Б. Симченко.⁵⁷ Впоследствии, в процессе становления тундровой кочевой оленеводческой культуры, малица «подстраивалась» дополнительными конструктивными элементами — капшоном, рукавицами, удлинением подола и дополнительным нашиванием «панды»-утяжелителя, герметизацией швов, расширением проймы и способом ношения с напуском, превратившись, таким образом, в универсальную межсезонную одежду, а сокуй и парка фактически оставались функциональными в экстремальных условиях очень низких температур при длительной езде на оленьей упряжке.

В таком контексте встречаемость вертикального шва в малицах лесных ненцев, селькупов и восточных хантов следует рассматривать как не столько генетический признак, сколько дань «региональной моде» в конструкции «олeneводческого костюма», тем более, что за исключением лесных ненцев у других народов Западной Сибири малица вполне «мирно» сосуществует с мужской распашной одеждой.

Именно этот универсальный костюм, полностью сформировавшийся в условиях оленеводческого быта тундровых ненцев, получил распространение среди таежного населения в виде составляющей региональной оленеводческой культуры.

Немаловажным обстоятельством является и то, что малица — это не просто одежда, а прежде всего производственная мужская одежда. Ее распространение вместе с оленеводством хорошо согласуется с некоторыми общими положениями проблемы культурных заимствований. Так, Е.Г. Федорова указывает, «что заимствование одежды, возможно, мужской, происходит с проникновением в культуру народа новых хозяйственных занятий, которые требуют соответствующего костюма». Она также отмечает, что производственная и дорожная

одежда, в силу своей повышенной функциональности, надэтнична,⁵⁸ что и способствует быстрому ее восприятию и адаптации культурой реципиента, а собственно этнические признаки здесь производны и могут встраиваться в заимствованное явление.

Примечания

¹ Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 89; Васильев В.И. 1) Экологические факторы и некоторые проблемы культуругенеза северных самодийцев // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 103; 2) Проблемы этногенеза северосамодийских народностей (ненцы, энцы, нганасаны) // Этногенез народов Севера. М., 1976. С.65; 3) Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. С. 68.

² Федорова Е.Г. Экологический аспект изучения одежды населения тундровой зоны Сибири // Экология этнических культур Сибири накануне XXI в. СПб., 1995. С. 121.

³ Прыткова Н.Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. Л., 1970. С. 93.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Прыткова Н.Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Севера и Сибири. Л., 1976. С. 88.

⁶ Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976. С. 7–22.

⁷ Хомич Л.В. Некоторые особенности хозяйства и культуры лесных ненцев // Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972. С. 203; Карапетова И.А. Одежда лесных ненцев // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. С. 45–46.

⁸ Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Титаренко Е.М. Ханты р. Аган. (По материалам экспедиции 1972 г.) // Из истории Сибири. Вып. 16. Томск, 1975. С. 151–152; Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск, 1985. С. 46.

⁹ Хомич Л.В. 1) Проблемы этногенеза ... С. 87; 2) Некоторые особенности хозяйства ... С. 203–204.

¹⁰ Лукина Н.В. Формирование ... С. 46.

¹¹ Симченко Ю.Б. Культура охотников ... С. 174.

¹² Грачева Г.Н. К семантике оформления одежды у нганасан и энцев // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. С. 40–44.

¹³ Симченко Ю.Б. Культура охотников ... С. 174, 179–180, 182.

¹⁴ Лукина Н.В. Формирование ... С. 186–190.

¹⁵ Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // Сб. МАЭ. 1953. Вып. XV. С. 153–154.

¹⁶ Прыткова Н.Ф. Одежда народов ... С. 14.

- ¹⁷ Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994. С. 129.
- ¹⁸ Прыткова Н.Ф. Одежда народов ... С. 82–83.
- ¹⁹ Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967. С. 134–137.
- ²⁰ Лукина Н.В. Формирование ... С. 193.
- ²¹ Прыткова Н.Ф. Одежда хантов. С. 154.
- ²² Симченко Ю.Б. Культура охотников ... С. 182.
- ²³ Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки ... С. 131, 211–212.
- ²⁴ Федорова Е.Г. Экологический аспект ... С. 133.
- ²⁵ Прыткова Н.Ф. Одежда народов самодийской группы ... С. 14–21; Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1995. С. 132; Прыткова Н.Ф. Одежда хантов. С. 154–155; Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки ... С. 132; Лукина Н.В. Формирование ... С. 192–193; Алексеенко Е.А. Кеты. С. 138.
- ²⁶ Лукина Н.В. Формирование ... С. 193.
- ²⁷ Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки ... С. 131.
- ²⁸ Федорова Е.Г. 1) Историко-этнографические очерки ... С. 176–177; 2) О возможных путях становления обско-угорского оленеводства // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1995. С. 196–197.
- ²⁹ Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки ... С. 126.
- ³⁰ Лукина Н.В. 1) Формирование ... С. 187–188; 2) Исторические формы и преемственность в традиционной культуре восточных хантов. Автореф. докт. дис. М., 1985. С. 13.
- ³¹ Прыткова Н.Ф. Одежда народов самодийской группы... С. 93–94.
- ³² Лукина Н.В. Формирование ... С. 122–124.
- ³³ Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки ... С. 122–124.
- ³⁴ Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Титаренко Е.М. Ханты р. Аган. С. 151–152.
- ³⁵ Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв. Этнографические очерки. Томск, 1977. С. 86–87.
- ³⁶ Лукина Н.В. Формирование ... С. 46.
- ³⁷ Прыткова Н.Ф. Одежда хантов. С. 150; Федорова Е.Г. Экологический аспект ... С. 123.
- ³⁸ Гарин Н. Малица // Северные просторы. 1991. Февр. С. 24.
- ³⁹ Прыткова Н.Ф. Одежда народов ... С. 8–10.
- ⁴⁰ Прыткова Н.Ф. 1) Одежда народов ... С. 94; 2) Одежда чукчей ... С. 86–87.
- ⁴¹ Федорова Е.Г. Экологический аспект ... С. 161–163.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Хомич Л.В. Ненцы. 1995. С. 130; Прыткова Н.Ф. Одежда хантов. С. 150–151.
- ⁴⁴ Прыткова Н.Ф. Одежда чукчей ... С. 12.

⁴⁵ Карапетова И.А. Одежда лесных ненцев. С. 46.

⁴⁶ Хомич Л.В. Ненцы. С. 138, рис. 31; Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки ... С. 132, рис. 12а; Лукина Н.В. Формирование ... С. 347, рис. 5, 20; Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Приложение. Томск, 1986. С. 30 (258), рис. XXX-1.

⁴⁷ Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 209, 211.

⁴⁸ Федорова Историко-этнографические очерки ... С. 132.

⁴⁹ Прыткова Н.Ф. Одежда хантов. С. 154, 192–193.

⁵⁰ Лукина Н.В. Формирование ... С. 46.

⁵¹ Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. С. 157.

⁵² Лукина Н.В. Формирование... С. 46; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. С. 86–87.

⁵³ Алексеенко Е.А. Кеты. С. 138.

⁵⁴ Федорова Е.Г. Украшение верхней плечевой одежды народов Сибири (ханты, манси, ненцы, энцы, нганасаны, кеты, эвенки, эвены, чукчи, коряки) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сб. МАЭ. 1988. Вып. XLII. С. 93.

⁵⁵ Алексеенко Е.А. Кеты. С. 142.

⁵⁶ Прыткова Н.Ф. Одежда народов самодийской группы ... С. 97–98.

⁵⁷ Симченко Ю.Б. Культура охотников ... С. 182.

⁵⁸ Федорова Е.Г. Экологический аспект ... С. 121, 163.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЛЕНЕВОДЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ТАЕЖНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Одно из основополагающих положений системного метода заключается в том, что «далеко не всегда системный подход может выступать во всей полноте составляющих его аспектов исследования. ... Существенно важно тут знать, расценивает ли исследователь производимые им аналитические операции как односторонние, частично имея “в уме” другие плоскости исследования, или же он убежден, что научный анализ сводится к моделированию одной лишь структуры объекта (или же только к описанию его поведения и т.д.)». ¹

В своем исследовании мы считаем возможным ограничить состав элементов оленеводческой культуры рассмотренными выше явлениями, поскольку они относятся к ее основаниям и вследствие этого обладают повышенной функциональностью как в эволюционном, так и в пространственном плане.

Тем не менее, не нарушая принципа целостности оценки явления, считаем необходимым отметить общее состояние прочих элементов оленеводческой культуры в сопоставлении тундровой и таежной зон западносибирского региона.

Обращаясь к анализу такой составляющей культуры жизнеобеспечения, как *пища*, вероятно, следует обратить внимание на различия в моделях питания (состав продуктов и их соотношение по сезонам) ² оленеводческой культуры тундры и тайги. Несмотря на то, что обе модели питания являются комплексными, они базируются на различных пищевых доминантах.

Для оленеводческой культуры тундры, при всей недостаточности в рационе мяса домашнего оленя, именно оно занимает ведущее положение. Как отмечает Л.В. Хомич, «мясо оленя употребляется ненцами главным образом с середины августа до мая, т.е. в течение зимнего периода». ³ И.И. Крупник, оценивая состав пищевого рациона

тундровых оленеводов, указывает, что основной и наиболее предпочтительной пищей у них считается мясо домашнего оленя. Причем само состояние оленеводства (обеспеченность хозяйства оленями) позволяло удовлетворять «лишь 40–70% ежегодной нормы пищевых потребностей тундровых кочевников». В этих условиях были необходимы дополнительные источники (промысел, покупные продукты), и только у «зажиточных» оленеводов потребление мяса домашних оленей соответствовало норме энергетических потребностей организма.⁴ Аналогичная оценка современной модели питания одной из локальных групп сибирских тундровых ненцев — гыданских, дана в работе Ацуси Ёсида. Он отмечает, что, с одной стороны, «оленья мясо и продукты оленеводства являются безусловно любимой пищей», с другой — «оленеводство и его продукты с точки зрения рациона питания не играют значительной роли в жизни тундровиков Западной Сибири».⁵ Однако именно особенности употребления в пищу продуктов оленеводства (технология приготовления и употребления оленьего мяса и субпродуктов, социально-интегративные и сакральные установки к продуктам оленеводства и общее к ним отношение ненцев, которое отличается от отношения к прочим пищевым продуктам)⁶ позволяют говорить о том, что именно домашний олень образует своеобразный центр культуры питания тундровых оленеводов Западной Сибири.

Иную пищевую доминанту демонстрирует таежная модель питания народов, которым известно транспортное оленеводство. Самые полные описания пищи хантов принадлежат Н.В. Лукиной. Вне зависимости от исследовательских подходов на первом месте она всегда отмечает рыбу, прочие продукты в традиционной комплексной модели питания также имеют промысловое происхождение.⁷ Характерно, что по «главенствующей роли рыбы в питании с хантами можно сравнить не соседние народы, а жителей Дальнего Востока и Камчатки».⁸ Реконструкция облика культуры остяков и вогулов конца XVI–XVII вв. на основании письменных и фольклорных источников также показывает абсолютное преобладание рыбной пищи. Отмечается связь между интенсификацией зимнего пушного промысла и усилением роли летнего рыболовства, продукция которого обеспечивала охотника пищей.⁹ У прочих таежных оленеводов Западной Сибири в рационе можно наблюдать увеличение доли мясной пищи, но это мясо диких животных.¹⁰ Мясо домашних оленей в пищу практически не употреблялось. Существует весьма ограниченный круг свидетельств его использования. В частности, В.М. Кулемзин и Н.В. Лукина отмечают,

что «наличие домашних оленей у ваховских хантов обусловило частичное их употребление в пищу». ¹¹ О месте мяса домашнего оленя в модели питания восточных хантов Н.В. Лукина пишет, что в отличие от Ваха на Тромъегане «забой домашних оленей был в порядке вещей», но «мясо диких оленей нравилось больше». ¹² Сходное отношение к мясу домашних оленей, на основании полевых материалов, мы отмечали у северных хантов, лесных ненцев и тазовских селькупов.

Несколько иначе обстоит дело с северными манси. Е.Г. Федорова в системе их питания фиксирует позднюю традицию, связанную с оленеводческой культурой. ¹³ Выше, при оценке типологической принадлежности оленеводства народов Западной Сибири, мы отмечали элементы пищесырьевой направленности оленеводства северных манси.

В оленеводческой культуре населения Западной Сибири можно выделить две модели питания — таежную и тундровую, которые относятся к различным типам пищевых систем. ¹⁴ Первую можно отнести к «ранней, естественной пищевой цепи», вторую — не к собственно «искусственной», а скорее переходной от «естественной» к «искусственной», поскольку, как указывалось, продукция даже специализированного домашнего оленеводства не в состоянии полностью обеспечить полноценный рацион питания, что компенсируется продукцией промыслов. Различия этих традиций еще в XVIII в. зафиксировал летописец: «Сыроядцы, зверская и гадская мяса снедающа, кровь зверскую пияху от животных, траву и корения ядаху. Они же остатки одежду имеют от рыбы. Самоядь же ядят олени и всякий зверь и гад». ¹⁵ К началу XX в. различия не сгладились, что позволяет отметить избирательные возможности компонентов оленеводческой культуры жизнеобеспечения, в данном случае в пище, которые определяются уровнем культуры первичного производства.

Что касается соционормативной и гуманитарной сторон оленеводческой культуры народов Западной Сибири, заслуживающих специального систематического исследования, в рамках нашей работы мы коснемся их оценки в самом общем виде.

Соционормативные установки, судя по всему, эволюционировали в едином направлении усиления роли оленя как формы собственности. Не останавливаясь на большом количестве фактов, подтверждающих данное положение, сошлемся на статистику о характере споров, рассматривавшихся в обдорской управе. Эта статистика свидетельствует о том, что основным объектом краж и имущественных споров были именно олени: «На них приходится 38 краж из 64 и 9 случаев присвоения из 10, они же фигурируют в качестве основной ценности в

большинстве дел о наследовании и калыме, ими же возмещался причиненный ущерб».¹⁶ Вероятно, отмеченная тенденция (олень как семейная и личная собственность) характерна для всей оленеводческой культуры народов Западной Сибири.

Гуманитарная составляющая оленеводческой культуры, очевидно, имела региональную специфику. В культуре тундровых оленеводов домашний олень выступает как универсальная жертва, хотя в мировоззрении в целом существенной роли он не играет.¹⁷

В обрядовой практике кетов и обских угров его значение как жертвы более ограничено. Во-первых, у них отмечается противопоставление домашнего оленя дикому,¹⁸ что в целом характерно для мировоззренческой модели северян. Во-вторых, наиболее распространена норма принесения домашних оленей в жертву на могиле умершего.¹⁹ По нашим полевым материалам, обязательность такой жертвы подтверждается тем, что если человека хоронили летом, когда олени находились на летнем выпасе, жертву на могиле приносили по возвращении оленей к зимнему поселению (сынские ханты). В.М. Кулемзин отметил норму, согласно которой «если похороны осуществлялись весной или летом, когда умерший не испытывал нужды в ездовом животном, то оленей забивали осенью или зимой».²⁰ Следует отметить, что за редким исключением олень как жертвенное животное — это транспортное животное в мире мертвых, что вполне соответствует его реальному месту в таежных культурах.

Домашний олень как жертва в периодических жертвоприношениях известен и у манси, у которых он занимает в ряду жертвенных животных, наряду с коровой, последнее место.²¹ Отмечается меньшая регламентация обряда, в ряде случаев его приуроченность к явно заимствованным праздникам (Ильин день), использование атрибутов («жертвенных покрывал»), генетически с оленеводческой обрядовой практикой не связанных. Наиболее широко олени использовались в качестве дополнительных жертвенных животных.²² Приведенные факты говорят о том, что олень как жертвенное животное входит в мансийскую традицию, замещая предшествующее животное-жертву, вероятнее всего, лошадь. Это связано с установкой культуры на обязательность принесения в жертву домашнего животного. Весьма показательным сообщением Е.Г. Федоровой о том, «что около деревни Вежакары, где проводились праздники в честь Концинг-ойки и основным жертвенным животным была лошадь, содержалось стадо оленей в 300 голов, предназначенных специально для жертвоприношений на празднике», причем «оленеводство как хозяйственное занятие здесь не су-

ществовало».²³ Аналогичную традицию можно отметить у хантов Большого Югана и Тромьюгана, которые в октябре проводили обряд «малой жертвы», состоящей из молодых оленей, а в ноябре — «большой жертвы» — из взрослых. Жертвоприношения оленей на общинных обрядах в ноябре проводили североуральские и казымские ханты.²⁴ Как и в случае с манси, у хантов Югана Е.Г. Федорова отмечает использование домашних оленей для принесения в жертву, чем можно объяснить сохранение оленеводства в этом районе в настоящее время.²⁵ Распространение оленя как жертвы на севере территории расселения обских угров вполне согласуется с положением о большей их интегрированности в северосамодийскую оленеводческую культуру.

Еще раз подчеркнем, что изложенные соображения о месте оленя в соционормативной и гуманитарной сферах культуры народов Западной Сибири крайне конспективны, но без них рассмотрение оленеводческой культуры народов Западной Сибири, определившей интеграцию культур ее коренного населения, было бы не полным.

Примечания

¹ Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991. С. 26.

² Жуковская Н.Л. Пища кочевников Центральной Азии (К вопросу об экологических основах формирования модели питания) // СЭ. 1979. № 5. С. 65.

³ Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1995. С. 101.

⁴ Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989. С. 100.

⁵ Ёсида Ацуси. Культура питания Гыданских ненцев (интерпретация и социальная адаптация). М., 1997. С. 71, 218.

⁶ Там же. С. 142–162, 219.

⁷ Лукина Н.В. 1) Заметки о системе питания хантов // Западная Сибирь в эпоху средних веков. Томск, 1984. С. 168–169; 2) Южные черты в пищевых традициях ваховских хантов // Фольклор и этнография народов Севера: Межвузовский сборник научных трудов. Л., 1986. С. 115–132; 3) Пища восточных хантов // Материалы к серии народы и культуры. Вып. VII. Обские угры (ханты и манси). С. 88–111; 4) Традиции приготовления пищи у восточных хантов // Урало-Алтайстика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 130–133.

⁸ Лукина Н.В. Субстратные компоненты в пищевых традициях хантов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 64.

- ⁹ Федорова Е.Г. Обские угры: веки этнической истории // Народы Сибири в составе государства Российского СПб., 1999. С. 44.
- ¹⁰ Алексеенко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967. С. 122–130.
- ¹¹ Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX — начале XX вв. Этнографические очерки. Томск, 1977. С. 111.
- ¹² Лукина Н.В. Пища восточных хантов. С. 95.
- ¹³ Федорова Е.Г. Система питания манси: взаимодействие различных культурных традиций // Историческое познание: традиции и новации. Тезисы. Ижевск, 1993. Ч. I. С. 46.
- ¹⁴ Крупник И.И. О классификационных методах изучения и сущности пищевых систем // Актуальные проблемы этнографии. М., 1973. С. 9.
- ¹⁵ Полное собрание Русских летописей. Сибирские летописи. Ч. I. Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 91.
- ¹⁶ Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881–1901). Из истории обычного права и суда обдорских ненцев и хантов конца XIX — начала XX вв. Томск, 1978. С. 13.
- ¹⁷ Хомич Л.В. 1) Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 16–30; 2) Ненцы. 1995. С. 210–214, 224.
- ¹⁸ Алексеенко Е.А. Культы кетов // Памятники культуры народов Сибири и Севера. (Вторая половина XIX — начало XX вв.). Л., 1977. С. 42–43; Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. С. 91.
- ¹⁹ Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. С. 141–142; Алексеенко Е.А. Кеты. С. 199; Федорова Е.Г. Жертвенные животные в культуре манси // Традиционное мировоззрение народов Сибири. М., 1996. С. 145–146.
- ²⁰ Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. С. 142.
- ²¹ Федорова Е.Г. Жертвенные животные ... С. 133.
- ²² Федорова Е.Г. Жертвенные животные ... С. 143–146; Новикова Н.И. Традиционно-бытовые праздники манси (К проблеме этнокультурных контактов обских угров во второй половине XIX — начале XX в.): Автореф. канд. дис. М., 1986. С. 17; Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культурные места XIX — нач. XX в. Новосибирск, 1986. С. 96–98; Бауло А.В. Основные этапы генезиса и эволюции жертвенных покрывал обских угров // Интеграция археологических и этнографических исследований. М., 1999. С. 8–9.
- ²³ Федорова Е.Г. Жертвенные животные ... С. 146.
- ²⁴ Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.. С. 362, 364.
- ²⁵ Федорова Е.Г. О возможных путях становления обско-угорского оленеводства // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье. Сыктывкар, 1995. С. 195.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История оленеводческой культуры народов Западной Сибири неразрывно связана с проблемой этнокультурного взаимодействия населения тундры и тайги этого региона. А.В. Головнев считает, что главным здесь является вопрос, «почему угры и самодийцы, живущие бок о бок в течение тысячелетий, не смешались в единый самоедо-угорский конгломерат». ¹ Ответ на него исследователь видит в существовании своеобразных этнокультурных рубежей или граней, приходящихся на контактные экологические зоны, за пределами которых культурно-генетический процесс имел различную направленность.

В истории оленеводческой культуры народов Западной Сибири определяющим выступает наличие лесотундровой грани, которая способствовала формированию смешанного хозяйственно-культурного «слоя» рыболовов-олeneводо-в. «Ненцы и ханты, образовавшие эту группу, представляли собой промежуточное звено, связывающее тундровую ненецкую и лесную хантыйскую культуры и создавшее условия для их взаимодействия и перетока населения по оси север — юг». ²

Такая динамика оленеводческой культуры народов Западной Сибири относится к сравнительно позднему времени, что не исключает возможностей более раннего взаимодействия в оленеводстве обских угров и самодийцев. В частности, в настоящее время вполне уверенно можно говорить о реальности контактов хантов с приуральским центром самодийского оленеводства в позднем средневековье, т. е. еще до времени формирования у ненцев крупностадной его формы. В границах этого центра ханты могли «соучаствовать» в сложении таежно-олeneводства с последующим его распространением на юг. ³

Тем не менее история оленеводческой культуры народов Западной Сибири в системе взаимодействия тайга — тундра протекала по иной схеме. Развитие крупностадного оленеводства привело к вхож-

дению в тундровую культуру несамодийского населения с полной утратой собственной этничности. Становясь тундровыми оленеводами, ханты и манси оненечивались,⁴ о чем достаточно красноречиво говорит наличие в родовой номенклатуре тундровых сибирских ненцев «семи ненецких родов хантыйского происхождения». Аналогичные процессы взаимодействия оленеводческого и неолениводческого населения отмечены на северо-востоке Сибири. Как указывает С.А. Арутюнов, «те эскимосы, которые этнически и по языку остались эскимосами, оленеводами не стали. ... Принятию оленеводства должно было предшествовать принятие чукотского языка и ценностей, т.е. фактически переход из одного этноса в другой».⁵

Вместе с тем наличие навыков оленеводства в тайге и «буферной» оленеводческо-промысловой зоны между тайгой и тундрой, а также внешних факторов, повлиявших на эволюцию промыслового хозяйства таежного населения Западной Сибири, способствовали проникновению элементов самодийского оленеводства на юг. В результате этих процессов и происходит формирование общих черт оленеводческой культуры народов Западной Сибири.

У тундровых групп таежных народов, непосредственно контактировавших с тундровыми ненцами (части северных селькупов, из обских угров, частично у обдорских хантов и сосвинско-ляпинских манси), в ряде хозяйств произошла полная переориентация в сферу крупностадного оленеводства, что отразилось практически во всех компонентах их культуры. В культуре первичного производства это крупностадные оленеводы, ведущие кочевой образ жизни.

Выявленные закономерности истории и атрибутики оленеводческой КЖ соответствуют общим теоретическим положениям ее оценки. Региональная история и функционирование КЖ в сфере этнического проявляется в различной степени вариативности специфики элементов (на уровне типологической оценки это формы хозяйственной направленности, оленеводческие технологии и их атрибуты, олений транспорт). Отмечается принцип эталонности культуры одной из зон по отношению к другим (ненецкое тундровое крупностадное оленеводство и весь комплекс оленеводческой культуры, с ним связанный). В региональной культуре присутствуют ценностные, престижные элементы, прежде всего домашний олень. Фиксируется относительная независимость изменений сфер КЖ во времени и пространстве. В частности, изменяются одежда и жилище при абсолютной стабильности поселенческой структуры и модели питания. На этом фоне влияние экологии на параметры этнической культуры относительно.

Полиморфный статус этнической культуры и ее общая тенденция к избыточности через культурную традицию ведут к сосуществованию тундровых и таежных оленеводческих элементов в культуре народов Западной Сибири. Существенным является вывод о том, что все это свойственно именно этноспецифической культуре на фоне преобладания общих региональных черт.⁶

Соционормативная культура демонстрирует разрыв связей со своими народами и вхождение в территориальные, производственные и прочего вида объединения с тундровыми ненцами. В гуманитарной культуре наблюдаются предпочтение оленя в качестве универсальной жертвы, распространение общей традиции делать изображения умерших типа «нытармы»,⁷ наземных погребальных сооружений.

У более южных групп обских угров, селькупов и кетов произошла частичная адаптация оленеводческой традиции, чаще в одной ее функции — транспортной, в вариантах, соответствующих особенностям культуры конкретного народа. Это относится к способам содержания оленей, которые диктуются либо экологическими возможностями района расселения, либо соответствием оленеводства потребностям промыслового хозяйства и способам его транспортного использования — только зимняя нартенная езда, сокращение количества функциональных типов нарт и «доработка» их до таежного варианта согласно предшествующей традиции, сложившейся в собаководстве или пешей охоте (высота нарты, «баран»), ограничение количества оленей в упряжке и т.п.

Оленеводство — это не просто хозяйство, но и определенный стандарт культуры, имеющий ряд функциональных составляющих. Вместе с оленеводством у таежного населения Западной Сибири получила распространение оленеводческая одежда типа малицы, которая использовалась прежде всего в качестве дорожной при езде на нарте. В основном это мужская одежда, но именно в качестве таковой она известна у коми⁸ и у русских севера европейской части России.⁹

Сходную ситуацию можно наблюдать далеко на востоке. Так, В.Г. Богораз отмечал, что «даже северный ламут, который обычно носит узкую верхнюю одежду и передник особого покроя, надевает чукотскую меховую кухлянку, когда отправляется в путь на оленьих санях».¹⁰ Панда ненецкой малицы является конструктивным элементом, утяжеляющим нижний край одежды и препятствующим проникновению холодного воздуха внутрь нее при сидении на нарте.

Транспортная ориентация оленеводства народов тайги Западной Сибири проявляется и в обычае использовать оленей в качестве жерт-

вы в погребальном обряде, причем это именно транспортные животные, которые, согласно мировоззренческой традиции, предназначены для езды в загробном мире.

Данную картину дополняет заимствование таежным населением северосамодийской лексики, связанной в основном с данным кругом культурных явлений, этим собственно и ограничивается вторая разновидность процессов интеграции региональных культур у тех же самых народов.

Вновь обращаясь к теоретическим моделям взаимодействия культур, предложенным С.А. Арутюновым, можно отметить, что две из них вполне подтверждаются приведенными фактами. В первом случае мы имеем дело с «усложнением (наращением)», в результате которого произошла коренная перестройка практически всех компонентов этнической культуры реципиента в рамках более эффективно оленеводческого хозяйства. Во втором — это «прибавление», «модификация», причем процесс аккультурации охватил только транспортную составляющую и ряд функционально связанных с ней элементов культуры.¹¹

Поэтому в общей оценке системы межэтнического взаимодействия в сфере оленеводства в Западной Сибири более существенным является не столько хозяйственно-культурный аспект — изменение хозяйственно-культурного типа, сколько историко-культурный — вхождение в первом случае в Ямало-Таймырскую, а во втором — в Западно-Сибирскую историко-этнографическую области. Это позволяет обратить внимание на неточность использования для таежного населения Западной Сибири хозяйственно-культурного определителя «охотники-рыболовы-олeneводы таежной зоны», тем более, что дополнительным аргументом здесь является и отсутствие терминологической нормы включать в обозначение хозяйственно-культурного типа его транспортную составляющую. В противном случае можно было бы говорить о «байдарных морских зверобоях» и «верховых кочевых скотоводах степей и полупустынь».

Межэтническое взаимодействие в сфере региональной интеграции культур на примере западносибирского оленеводства показывает, что в данном процессе активной стороной выступает реципиент, а адаптации подвержены те компоненты воспринимаемой культуры, которые соответствуют потребностям собственной. В первом случае наблюдается переход к более эффективной экономике, но с утратой ряда этноспецифических параметров собственной культуры. Во втором — интенсификация промыслового хозяйства за счет оленьего

транспорта с усвоением небольшого количества элементов оленеводческой традиции, с возможностью либо даже обязательностью их частичной трансформации в соответствии со стандартами своей культуры, что существенно не изменило облик таежных культур.

Данные выводы в целом соответствуют и таким общим положениям, как доминантность культуры первичного производства, которая определяет взаимодействие и взаимообусловленность различных сфер этнической культуры, а также качественное своеобразие всех ее составляющих под влиянием экологических и социокультурных факторов.¹²

Справедливость данных положений подтверждается способами адаптации оленеводческой культуры коми-ижемцами и русскими. Если коми в сфере оленеводства практически «стали ненцами», трансформировав свою культуру, в которой оленеводство превращается даже не в средство, а цель существования, то русские Европейского Севера по этому пути не пошли. Их оленеводство следует рассматривать как дополнение к сложившемуся промысловому комплексу.

Примечания

¹ Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 82.

² Там же. С. 83.

³ Перевалова Е. В. Этническая история северных хантов (обдорско-куноватская группа) в XVII — начале XX вв. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1997. С. 19.

⁴ Белич И. В., Головнев А. В. О характере миграций таежного населения таежного Приобья (В связи с проблемой этногенеза ненцев) // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов. Омск, 1983. С. 18.

⁵ Арутюнов С. А. Адаптивное значение культурного полиморфизма // ЭО. 1993. № 4. С. 43.

⁶ Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван, 1983. С. 271–276.

⁷ Головнев А. В. О культе ньгарма и сидрянг у ненцев // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 46–48.

⁸ Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 170.

⁹ Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. I (Описание внешнего и внутреннего быта). М., 1877. С. 49, 52, 55, 57.

¹⁰ Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М., 1991. С.169.

¹¹ Арутюнов С.А. 1) Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 154; 2) Процессы и закономерности вхождения инноваций в культуру этноса // СЭ. 1982. № 1. С. 16.

¹² Мкртумян Ю.И. Компоненты культуры этноса // Методологические проблемы исследования этнических культур: Материалы симпозиума. Ереван, 1978. С. 44.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АМАЭ — Архив Музея антропологии и этнографии имени Петра
Великого (Кунсткамера) РАН
- АН — Академия наук
- ГО — Географическое общество
- ЕТГМ — Ежегодник Тобольского государственного музея
- ИАОИРС — Известия Архангельского общества изучения Русского Севера
- ИРГО — Императорское Русское географическое общество
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
- РАНИИОН — Российская Ассоциация научно-исследовательских институ-
тов общественных наук
- РГО — Русское географическое общество
- Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
- СС — Советский Север
- СЭ — Советская этнография
- ТИЭ — Труды института этнографии (новая серия)
- ТТКМ — Труды Томского краеведческого музея
- ФАМАЭ — Фотоархив Музея антропологии и этнографии имени Петра
Великого (Кунсткамера) РАН
- Э — Этнография
- ЭО — Этнографическое обозрение

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ЧАСТЬ I. ИСТОРИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	9
Две формы западносибирского оленеводства	--
Оленеводство самодийских народов Западной Сибири.....	17
Тундровые ненцы	--
Лесные ненцы	27
Селькупы	32
Энты	40
Оленеводство обских угров и кетов.....	48
Северные ханты	50
Восточные ханты	65
Северные манси	71
Кеты	80
Оленеводство коми-ижемцев и русских.....	85
Коми-ижемцы Западной Сибири.....	--
Русские	95
Типология оленеводства народов Западной Сибири.....	122
ЧАСТЬ II. КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ОЛЕНЕВОДОВ	
 ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	135
Концепция культуры жизнеобеспечения в исследовании этнических культур	--
Нартенный транспорт в западносибирском оленеводстве	148
Чум в оленеводческой культуре народов Западной Сибири.....	188
Малица в оленеводческой культуре народов Западной Сибири	209
Некоторые особенности оленеводческой культуры таежного населения Западной Сибири.....	222
Заключение.....	228
Список сокращений	234

Научное издание

Козьмин Валериан Александрович

**ОЛЕНЕВОДЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Зав. редакцией *И.П. Комиссарова*
Художественный редактор *Е.И. Егорова*
Корректоры *Т.Г. Павлова, Л.А. Губина*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 10.09.2002. Формат 60×84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 13,72. Уч.-изд. л. 13,2

Тираж 300 экз. Заказ 504

Издательство СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Тел. (812) 328-77-63; факс (812) 328-44-22

E-mail: books@dk2478.spb.edu

www.unipress.spb.ru

ЦОП типографии Издательства СПбГУ

199061, С.-Петербург, Средний пр., 41